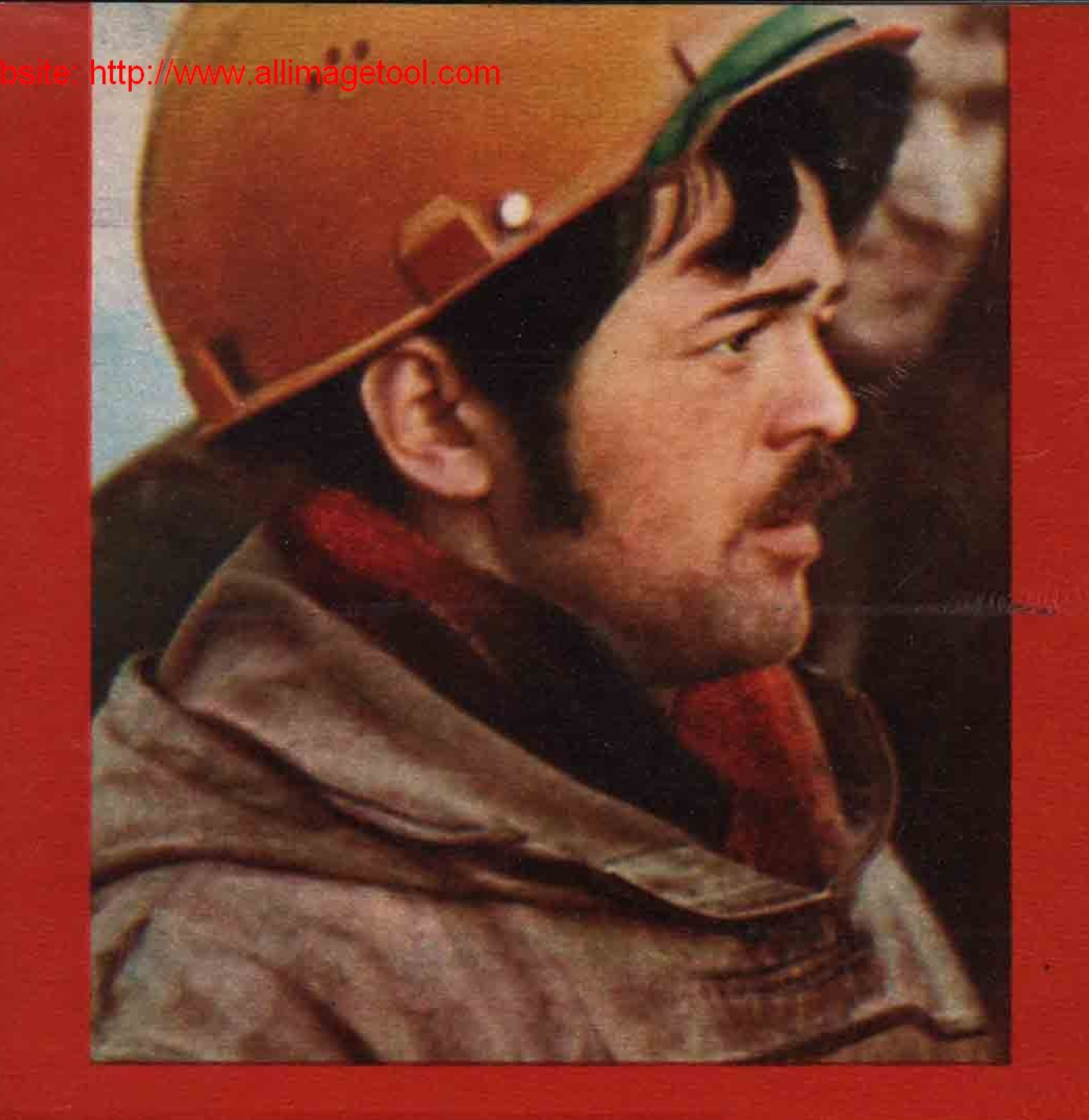
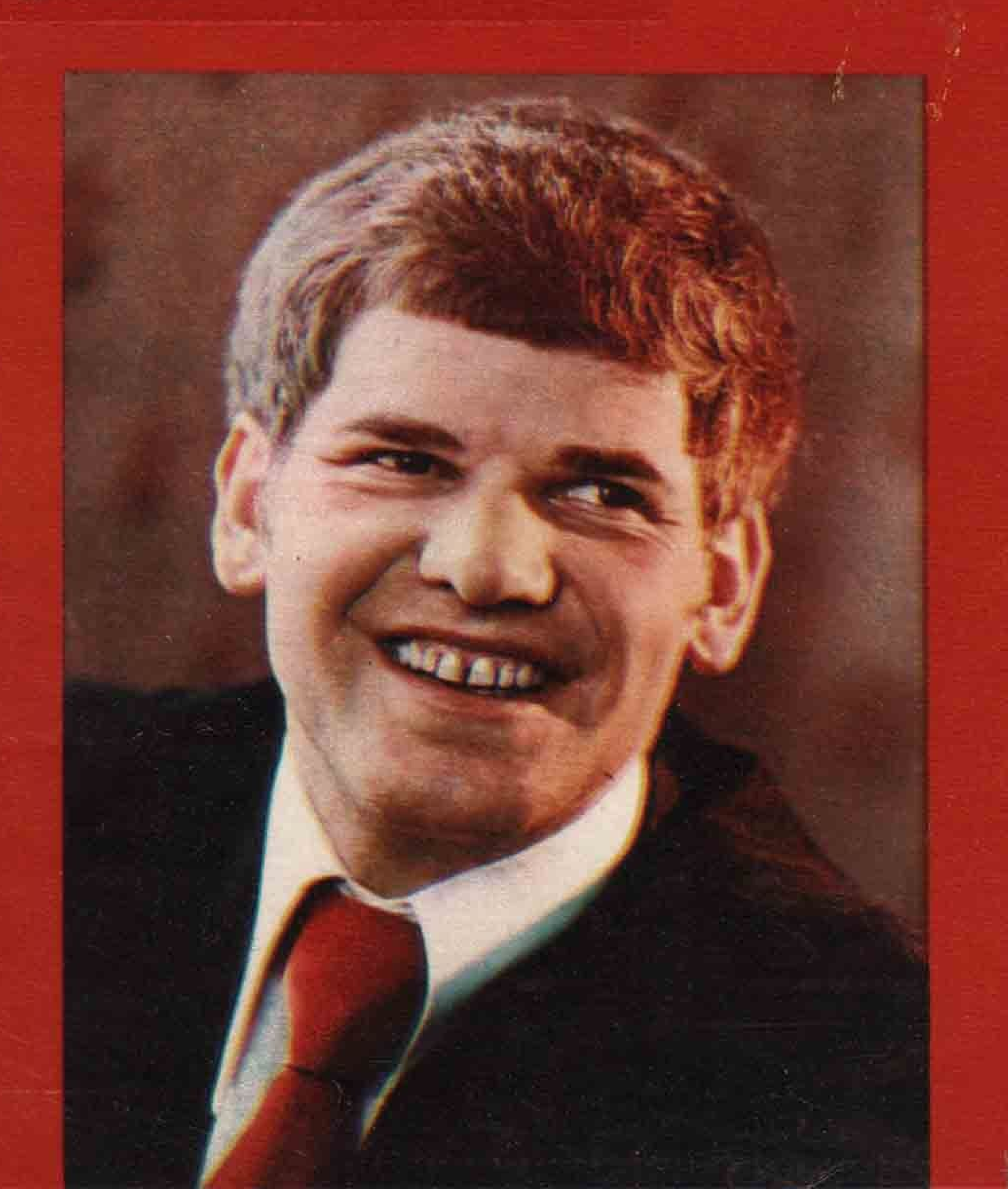


25 АПРЕЛЯ В МОСКВЕ ОТКРЫВАЕТСЯ XVIII СЪЕЗД ВЛКСМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

№ 17 АПРЕЛЬ 1978



Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 17 (2650)

22 АПРЕЛЯ 1978

Весенняя обработка виноградников в селе Даллар колхоза имени К. Е. Ворошилова Арташатского района Армянской ССР.

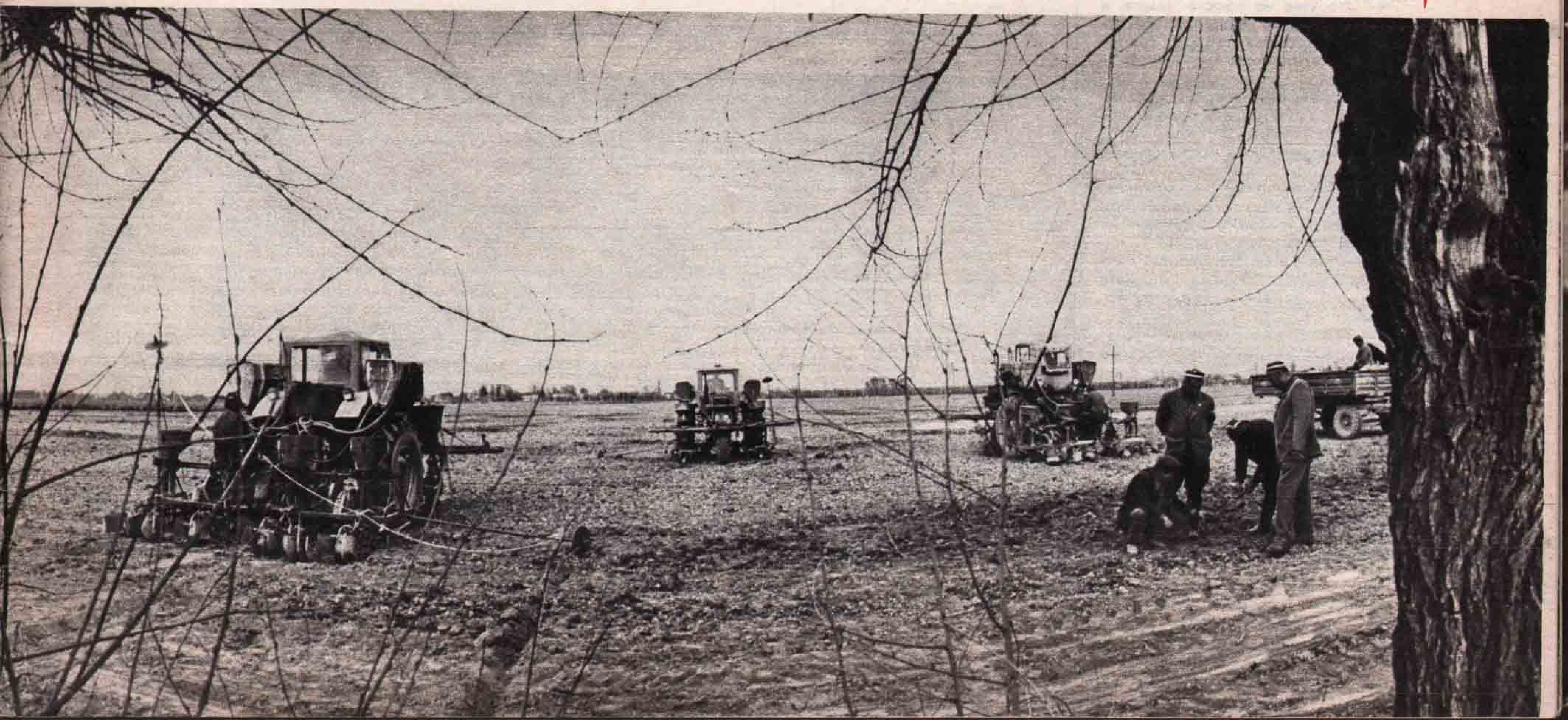
Фото А. Награльяна

Качество сева — прежде всего,— считают в бригаде А. Бекмурадова из колхоза имени Ахунбабаева, Ташкентской области.

СЕННЯЯ СТРАДА

От регулировки посевного агрегата зависит многое.

Фото В. СВАРИЧЕВСКОГО



Трудящиеся Советского Союза! Боритесь за претворение в жизнь исторических решений XXV съезда КПСС, стремитесь полностью реализовать возможности развитого социализма!

Из Призывов ЦК КПСС к 1 Мая 1978 года

ВЕСЕННЯЯ СТРАДА

В. КОСТЫРЯ

Желтые массивы пашни, а на полевых станах, вдоль дорог, в поселках, вдруг всплывают белорозовые облака абрикоса. Самая жаркая пора посевных забот у хлопкороба. На предгорьях видны красные вымпелы в честь лучших сеяльщиков. Времени в обрез, и пределы рабочего дня раздвигаются.

Поутру грозно подступили первые тучи, вырвался откуда-то резкий ветер, а засеять еще надо было двадцать гектаров.

— Последнее семя в землю, первая капля дождя на поле! Так получилось в нынешнем году,— говорит бригадир Абдурахман Бекмурадов из колхоза имени Ахунбабаева, Ташкентской области.

Бригадный рубеж урожайности в юбилейном году — 54,7 центнера с гектара. В этом году решили дать на круг по 60 центнеров. В бригаде отлично знают, что покорение этой вершины требует особой тщательности с самого начала работ. Рядки удлинили, полосы обузили, в полный порядок привели оросители.

Глядя на бригаду Бекмурадова, и другие все активней включают резервы. За последние шесть лет средняя урожайность хлопчатника по колхозу повысилась до сорока трех, а на очереди — сорокапятицентнеровый рубеж.

В колхозе имени Ахунбабаева более двухсот человек могут управлять разными машинами, создана мощная ремонтная база. Техника помогает бесперебойно обрабатывать полторы тысячи гектаров хлопковых полей и полтысячи — под кукурузой, картофелем, овощами, бахчевыми.

— Это уже не просто земля, а колыбель для каждого растения,— с гордостью говорит секретарь парткома Асамиддин Мирахмедов.

По примеру ипатовских механизаторов в хозяйстве создано четыре комплексных отряда, которые обслуживают закрепленные за ними бригады. Работу отряда координирует опытный механик, организуя и контролируя четкое выполнение сезонных заявок на каждом поле. Бекмурадов называет механика своего отряда, дипломированного техника Халмата Наримова «главным конструктором».

— Земли наши отличные,— сказал первый секретарь Чиназского райкома КПСС Кибар Бакирович Мамедов. — Вклад хлопкоробов района должен составить ныне 35 тысяч тонн «белого золота» — на полтысячи тонн больше прошлогоднего.

...На юге республики уже появились зеленые ростки на желтизне хлопковых полей.

Весна вступает в права на полях всей страны.

ДРУЖЕСКИЙ ВИЗИТ

Во время вручения награды.

Фото А. ПАХОМОВА

Встреча в Кремле.

СОВЕТСКО-ГАЙАНСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ

17 апреля в Кремле состоялись переговоры члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина с лидером партии Народный национальный конгресс, Премьер-Министром Кооперативной Республики Гайана Ф. Бернхэмом, находившимся в Советском Союзе с официальным визитом.

Во время переговоров, проходивших в деловой, дружественной обстановке, были рассмотрены вопросы дальнейшего развития двусторонних отношений в политической, экономической и других областях, в частности, подчеркнуто важное значение расширения договорной базы советско-гайанского сотрудничества.

При обсуждении актуальных международных проблем, представляющих взаимный интерес, большое внимание было уделено вопросам упрочения всеобщего мира, и в первую очередь вопросам разоружения, а также развития международного сотрудничества на принципах равноправия и справедливости. Отмечен позитивный вклад, который Гайана вносит в антиимпериалистическую, антиколониальную борьбу неприсоединившихся стран. Была подтверждена позиция Советского Союза и Гайаны, решительно выступающих против сохранения остатков колониальных владений, в том числе в районе Карибского бассейна, за ускорение социального прогресса освободившихся народов.

На снимке: во время переговоров.

Фото А. ГОСТЕВА

Фото А. ГОСТЕВА

18 апреля состоялась встреча Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева с Первым секретарем ЦК Польской объединенной рабочей партии Эдвардом Гереком, который находился в Москве по приглашению ЦК КПСС с кратковременным дружеским визитом.

Во время встречи товарищи Л. И. Брежнев и Э. Герек с удовлетворением констатировали, что в результате последовательной интернационалистской политики обеих братских партий возрастает эффективность сотрудничества между советским и польским народами во всех сферах экономической, политической и культурной жизни. Был отмечен, в частности, успешный ход реализации договоренностей о совместном решении ряда проблем в тяжелом машиностроении, энергетике, на транспорте, в производстве сельскохозяйственной техники и в других отраслях народного хозяйства.

При обсуждении вопросов международной политики Л. И. Брежнев и Э. Герек подчеркнули необходимость сделать все, чтобы обеспечить высшее право человека — право на мирную жизнь. Они выразили озабоченность продолжающейся гонкой вооружений, которая взвинчивается США и их некоторыми союзниками по НАТО. Они подчеркнули, что в современных условиях важны не общие призывы к миру, а конкретные меры, направленные на ослабление ядерной угрозы, на разоружение. Советский Союз и Польша, верные принципам своей миролюбивой внешней политики, готовы к принятию таких мер вместе с другими государствами.

Руководители двух братских партий выразили также неизменную готовность КПСС и ПОРП и впредь всемерно содействовать укреплению сплоченности международного коммунистического и рабочего движения в борьбе за общие цели.

Встреча товарищей Л. И. Брежнева и Э. Герека прошла в духе дружбы, сердечности и взаимопонимания.

В тот же день в Кремле Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев вручил орден Октябрьской Революции Первому секретарю ЦК ПОРП Эдварду Гереку. Этой высокой советской награды он удостоен в связи с 65-летием со дня рождения и за большой вклад в дело укрепления мира и социализма, за выдающуюся роль в развитии братской дружбы и сотрудничества между народами Советского Союза и Польши.

При вручении награды присутствовали члены Политбюро ЦК КПСС В. В. Гришин, А. А. Громыко, А. Н. Косыгин, Ф. Д. Кулаков, М. А. Суслов, Д. Ф. Устинов, кандидаты в члены Политбюро ЦК КПСС П. Н. Демичев, Б. Н. Пономарев, М. С. Соломенцев, К. У. Черненко, секретари ЦК КПСС И. В. Капитонов, В. И. Долгих, М. В. Зимянин, Я. П. Рябов, К. В. Русаков, другие официальные лица.

На торжественной церемонии вручения награды выступили товарищи Л. И. Брежнев и Э. Герек.

Партийные и государственные деятели СССР сердечно поздравили товарища Э. Герека с высокой наградой Советского Союза и пожелали ему дальнейших успехов в большой плодотворной деятельности во имя построения развитого социализма в ПНР, на благо мира во всем мире.

ПО УЧЕНИКУ ОБ УЧИТЕЛЕ СУДЯТ

Елена Смирнова (в центре) среди своих новых подруг.

Виталий ЗАСЕЕВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора

Пять лет назад «Огонек» впервые рассказал о соревновании двух родственных коллективов — Ивановской прядильно-ткацкой фабрики имени Балашова и Душанбинского производственного хлопчатобумажного объединения.

Сегодня мы возвращаемся к теме содружества ивановских и таджикских текстильщиков.

Провал был, что называется, полнейший. Мне даже показалось, что дневные лампы, освещавшие участок, где проходило соревнование, слегка пригасили. И гул машин сделался невыносимым, и вентиляция показалась недостаточной. Лучшая прядильщица Ивановской фабрики имени Балашова, отличник социалистического соревнования легкой промышленности СССР (этого звания удостаиваются не многие) Елена Смирнова на глазах у всех проигрывала никому не известной, еще год назад ходившей в отстающих Татьяне Котовой.

В Иванове, на фабрике имени Балашова, мне говорили, что красивее Елены Смирновой не работает никто. Ее ставили в пример молодым прядильщицам, о ее опыте и мастерстве были написаны сотни статей. И вдруг...

Во всем, что происходило сейчас, я винил нормировщицу уточного цеха Фаину Михайловну Солодову, которая стояла рядом и, не скрывая улыбки, поглядывала на ивановскую рекордсменку. Это она, в самую последнюю минуту появившись в кабинете директора второй прядильно-ткацкой фабрики С. Махсумова, предложила провести между Смирновой и Котовой соревнование с участием... секундомера. Куда проще было обменяться опытом в кабинете, за пиалой зеленого душистого чая. Рассказать о методах и приемах работы, используя справки и выкладки, привезенные Е. Смирновой из Иванова. Так нет, Солодова потащила Лену в цех, надела на нее новенький фирменный халат Душанбинского производственного хлопчатобумажного объединения и уговорила отработать полсмены на виду у всех. И вот результат. Первый же замер показал, что гостья затратила времени на обход машин чуть ли не в пять раз больше, чем Котова, втрое медленней ликвидировала обрыв ровницы и вдвое дольше устраняла обрыв нити...

Девушки шли по третьему кругу. Мы стояли в центральном проходе, а они приближались к нам из конца коридора, образованного двумя рядами прядильных машин. Лена двигалась справа, Таня — слева. Мне показалось, что теперь они идут вровень. Движения Смирновой стали увереннней, плавней. Она работала с завидным азартом и артистичностью, легко управляясь с 2552 веретенами. Под контролем Тани было столько же «катушек».

Обрыв нити на одной из машин Котовой. Хронометр, зажатый в руке Солодовой, успевает отсчитать 2,2 секунды, и обрыв ликвидирован. Через полминуты та же неприятность у Смирновой. На остановку потрачено 2,6 секунды.

— А Смирнова-то обходит Котову,— привстав на цыпочки и стараясь перекрыть грохот машин, говорит Фаина Михайловна.

Я ничего не могу понять. Но ведь время Котовой лучше!

Заметив это, Солодова показывает норматив. Оказывается, пряжа, с которой работает Котова, несколько толще, чем у Смирновой. По норме на ликвидацию обрыва нити ей полагается три секунды, а Лене — три с половиной. Таким образом, Смирнова действительно выигрывает одну десятую на каждом обрыве нити. Да еще секунду с небольшим отыгрывает, когда рвется ровница. Прямо как в рекордном забеге. Победу будут определять доли секунды.

И вот финиш. В цехе раздаются аплодисменты. Все присутствующие получили истинное наслаждение, наблюдая за работой первоклассных прядильщиц.

Первым поздравил Елену Смирнову с победой прибывший на фабрику министр легкой промышленности республики Т. М. Мирхаликов.

— Ивановцы много сделали для нас,— отвечая на мой вопрос, говорит Тимур Мирхаликович.— Приезжая в Душанбе, текстильщики Иванова не только научили наших девушек хорошо работать, но и, самое главное, привили им вкус к профессии ткачихи, прядильщицы, мотальщицы...

А потом Лену обступили новички производства. Многие из них, окончив восьмилетку, долго не могли поверить, что их выбор правильный. Теперь, увидев захватывающий поединок двух прядильщиц, сами загорелись желанием овладеть мастерством в своей профессии. Особенно понравилось им, с каким достоинством и упорством боролась Елена Смирнова за победу. Ведь и машина, на которой пришлось здесь работать, была для нее новой, и толщина пряжи совсем не той, к которой привыкли ее пальцы за много лет на родной фабрике.

— Это и сказалось на первом этапе поединка,— заметила парторг второго прядильного производства Наталья Алексеевна Беляевская.

Взыскательное жюри подвело итоги: у Смирновой таджикским прядильщицам следует поучиться рациональному обслуживанию машин, самостоятельному (без участия помощника мастера) устранению недостатков в работе веретен. Из опыта Котовой следует перенять последовательность выполнения операций, своевременный уход за оборудованием...

Выписывая из протокола эти строчки, я вспомнил беседу с директором Ивановской прядильно-ткацкой фабрики имени Балашова А. Курчаковой. Показывая присланную из Душанбе копию договора о социалистическом

соревновании на 1978 год между двумя коллективами, Антонина Иосифовна рассказывала:

— Всего семь лет назад, когда мы впервые прилетели в Таджикистан, чтобы поделиться опытом, нас принимали как «академиков». А теперь взгляните на договор. Наш коллектив, например, обязуется повысить производительность труда по сравнению с прошлым годом на одну целую и две десятых процента, а душанбинцы на два процента. Мы взяли обязательство внедрить в производство рационализаторских предложений с экономическим эффектом не менее чем на сто тридцать тысяч рублей, а они и здесь обошли нас. Их обязательство двести тридцать шесть тысяч... И хотя предприятие таджикских текстильщиков крупнее, налицо значительный рост профессионального мастерства. Кстати, вот прочитайте заметку.— С этими словами Антонина Иосифовна протянула фабричную многотиражку «Балашовец», которая уже семь лет ведет постоянную рубрику «Вести из Душанбе». В заметке говорилось, что Кутбия Курбанова, передовая прядильщица из Душанбе, обязалась к первой годовщине принятия новой Конституции СССР выполнить шестое годовое задание с начала пятилетки.

— Когда мы впервые ездили в Душанбе,— вспоминала моя собеседница,— таких, как Курбанова, можно было по пальцам пересчитать. А теперь их сотни. Вот самый убедительный пример того, что может дать социалистическое соревнование двум коллективам. Если прежде мы были «законодателями моды» в решении производственных вопросов, то теперь душанбинцы нередко сами помогают нам внедрять новшества. Так случилось с рождением сквозных бригад, когда за качество выпускаемой продукции стали отвечать все работницы, принимающие участие в создании ткани: от нулевого цикла до выхода в готовом виде.

Верно, не зря говорят, что по ученику судят об учителе. Ивановцы многое сделали, чтобы у текстильщиков Таджикистана появились значительные достижения. В Душанбе прилетела одна из лучших текстильщиц фабрики, Зоя Маслова. Секретами профессионального мастерства делилась с Рано Дустмамадовой Герой Социалистического Труда Зоя Пухова, работавшая на фабрике имени Балашова. Целая делегация ивановских ткачей побывала в Душанбе, когда на комбинате шла наладка оборудования. Тогда ивановцы помогли установить и отрегулировать более трехсот станков, которые до самого последнего времени отличались безукоризненной настройкой.

— Чтобы успешно соревноваться с ивановцами,— говорит бывший помощник мастера, а ныне генеральный директор Душанбинского производственного хлопчатобумажного объединения Ш. Сияров,— нам вновь пришлось прибегнуть к техническому перевооружению. На фабриках появились пневмомеханические прядильные машины, целые автоматизированные линии, отвечающие самым высоким требованиям текстильщиков. Внедрение технических новинок, создание максимально благоприятных условий труда помогают решать и вопрос с кадрами. Каждый год в наше объединение приходят сотни выпускников школ и профессионально-технических училищ. Мы стараемся создать им такой микроклимат, который бы способствовал развитию рабочего таланта, воспитывал в человеке гордость за свою профессию. Вот почему по примеру ивановцев мы придаем огромное значение «лицу» наставника. Учителями рабочего мастерства для нашей молодежи становятся не только самые передовые, но и самые авторитетные работницы, такие, как Потехина, Лутай, Верещагина, как наш народный депутат Кутбия Курбанова.

Услышав фамилию Курбановой, Лена Смирнова тут же захотела познакомиться с передовой прядильщицей и вызвать ее вместе с Татьяной Котовой на соревнование.

— С радостью,— узнав о намерении Лены, сказала Кутбия.— А детали обсудим дома, за пловом,— пошутила она.

На следующий день в уютной квартире депутата Верховного Совета СССР Кутбии Курбановой собралось много гостей. И ивановская прядильщица чувствовала себя среди новых друзей и знакомых как в родной семье.

Иваново — Душанбе — Москва.

ДИПЛОМАТИЯ КАНОНЕРОК

Вадим КАССИС

В начале апреля зарубежные телеграфные агентства поведали миру о том, что известный норвежский исследователь Тур Хейердал неожиданно решил закончить свое многомесячное путешествие на тростниковой лодке «Тигрис». Ученые и почитатели видного мореплавателя были немало удивлены: почему маршрут исследователя вдруг оборвался неподалеку от порта Джибути?! Ведь по предварительным наметкам Тур Хейердал собирался завершить переход в Красном море...

Ларчик открывался просто. Как подчеркнул руководитель экспедиции в одном из своих интервью, при входе в Красное море «Тигрис» оказался окруженным со всех сторон военными кораблями и самолетами. В таких условиях продолжать плавание стало по меньшей мере небезопасным...

Кто же направил в этот район армады боевых кораблей? Под чьим флагом они круглосуточно бороздят морские просторы, штурмуют воздушный океан, создавая нервозность, угрожая людям?

Ответ на этот вопрос можно найти в заявлении представителя министерства информации и национальной ориентации Эфиопии: «Поддержание напряженности в Африке, и в частности в стратегически важном районе Красного моря, отвечает целям международного империализма. Решение США, Англии и Франции провести у берегов Эфиопии военно-морские учения есть не что иное, как провокационный акт запугивания».

Государственные и политические деятели, общественные организации стран, расположенных в бассейне Индийского океана и прилегающих к нему акваторий, с глубокой озабоченностью следят за милитаристскими приготовлениями империалистических сил. Такие акции уже не раз оборачивались угрозой для безопасности прибрежных государств. Подоплека подобных махинаций ясна — неоколонизаторы намерены воспрепятствовать воплощению в жизнь законных прав народов этих стран, добивающихся укрепления своей политической и экономической независимости. Вот почему общественность региона выдвинула план объявления Индийского океана зоной мира.

В середине прошлого года Соединенные Штаты выразили готовность начать переговоры с Советским Союзом об ограничении вооружений в Индийском океане. Однако реальная действительность говорит о другом. Стрелка на шкале политического барометра региона ползет все дальше от отметки «ясно». 21 ноября минувшего года в Персидском и Оманском заливах завершились маневры военно-морских сил стран—членов СЕНТО под кодовым названием «Мидлинк-77». Верховодили, естественно, ВВС США. Сегодня они задают тон в очередных тройственных маневрах с той лишь разницей, что учебные стрельбы проводятся по другую, юго-западную сторону Аравийского полуострова.

Не так давно министр обороны США Браун заявил: «Район Красного моря и Персидского залива имеет для США стратегическое значение». Что же так привлекает здесь отстоящие от берегов Красного моря на тысячи миль Соединенные Штаты? Прежде всего через Красное море пролегли основные морские пути в Индийский океан. В двух направлениях через Суэцкий канал ежегодно проходит не менее 20 тысяч судов. Из Персидского залива в Индийский океан также следуют суда — главным образом танкеры, груженные нефтью Кувейта, Ирана, Ирака, арабских эмиратов. Если же говорить в целом о нефтяных богатствах этого района, то в странах восточного побережья Красного моря и на берегах Персидского залива сосредоточено почти две трети всех разведанных запасов нефти капиталистического мира.

Именно отсюда некоронованные короли нефтяного бизнеса Соединенных Штатов вывозят ежегодно четвертую часть всей потребляемой нефти. О капиталовложениях, которые США сделали в этом районе, местные жители говорят так: «Песок наших пустынь стал таким желтым лишь благодаря золоту американцев, которые за каждый затраченный доллар норовят содрать с нас сотню».

Вот и нервничают шефы Пентагона, крепко связанные с промышленным комплексом, как бы совсем не утонули в сыпучих дюнах в один прекрасный момент их денежки, как бы не потерять нефтяные кладовые. Изобретают средства защиты своих капиталов, то опираясь на «оборонительный пояс» от Персидского залива до Красного моря, то делая ставку на «островную доктрину». Допланировались недавно до того, что выдвинули идею заключения некоего пакта безопасности стран бассейна Красного моря.

Однако каждый план носит совершенно определенную окраску и призван служить усилению военной мощи США в Индийском океане, Персидском заливе и Красном море. Как отмечала арабская печать, Вашингтон создает некий эквивалент печально известному агрессивному блоку СЕНТО, чтобы с его помощью обеспечить желаемую стабильность режимов Саудовской Аравии, Египта и некоторых других арабских стран, действующих по указке США. Пентагон, писал по этому поводу еженедельник «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт», приступил к созданию «отборных ударных вооруженных сил, готовых в любой момент к передислокации».

Беспардонное вмешательство Пентагона в дела стран Персидского залива, Красного моря и в районе Африканского Рога—звенья одной цепи. Газета «Арбааташар октобр» характеризует их как провокацию, создающую угрозу миру и безопасности в этом регионе и направленную против прогрессивных государств. Они вызывают самый решительный протест миролюбивых сил планеты.

ОТЗОВИТЕСЬ, ДРУЗЬЯ!

На этой фотографии запечатлены комсомольцы 20-х годов — руководители Детского коммунистического движения (ДКД). Они приехали в Москву из всех губерний и республик страны на трехмесячные Центральные курсы, которые проходили в Москве в августе — октябре 1926 года. Средний возраст курсантов — 20 лет.

Мой друг, Леонид Истомин (на фотографии он в самом низу в центре, подпирающий чью-то голову) — представитель комсомолии Мурманской губернии. Он был пионервожатым самого большого отряда (80 человек) в губернии, в рабочем поселке Дровяное, что на левом побережье Кольского залива. В октябре 1926 года ему было 18 лет, комсомолец с трехлетним стажем и кандидат в члены ВКП(б).

Я познакомился с ним в июле 1927 года, когда прибыл в город Колу, центр Кольско-Лопарского района, Мурманского округа, в качестве старшего инспектора райполитпросвета. В то время Истомин работал в райкоме комсомола заведующим агитпропотделом. Там, в Коле, и завязалась наша дружба, выдержавшая все испытания. Длится она и по сей день, хотя мы живем далеко друг от друга.

Об этих московских курсах Леня Истомин рассказывал мне в те далекие годы:

— На курсы отбирали одного кандидата от целой губернии. Занятия были для всех интересными и полезными. Особенно внимательно мы слушали Надежду Константиновну Крупскую, которая читала курс лекций о значении внешних атрибутов в работе с детьми. А в перерывах мы каждый раз обступали ее толпой и засыпали десятками вопросов. Ты и представить не можешь, с каким материнским вниманием она нас выслушивала и как терпеливо разъясняла все до мелочей...

В центре фотографии (второй ряд сверху) в серой кавказской рубашке стоит Агаси Чарчоглян — пионервожатый из Еревана. Сейчас он пенсионер, живет в Ереване, там же, где живет и работает в Политехническом институте преподаватель русского языка и литературы, доцент Леонид Сергеевич Истомин.

Интересно было бы узнать судьбу и других комсомольцев, изображенных на этой старой фотографии. Ведь каждый из них — это живая история комсомола, Коммунистической партии, всей нашей страны.

И. ЕФИМОВ

Ленинград.

Я СЛУ

Александр ЖАРОВ

1927 год.

У Ленинского комсомола большая биография. Да и возраст не маленький. А я помню время, когда у него не было возраста. И самого его, комсомола, не было. Он родился осенью 1918 года. Вместе с ним родились и мы, те, кого называли первыми комсомольцами, потом старыми комсомольцами, теперь называют ветеранами комсомола.

А недавно в Донбассе, в одной из школ города Северска, кто-то из пионеров, вручая почетный галстук, назвал меня по ошибке ровесником комсомола.

Мне это очень понравилось... Думаю, что никто из убеленных сединами моих сверстников не станет возражать против такого привлекательного словосочетания, тем более что в нем есть особый смысл.

Если не считать тринадцати с половиной лет детства, прожитого в царской России, в старом мире, то годом моего рождения, вернее, пробуждения революционного сознания, был 1918 год.

Значит, в этом смысле мы с комсомолом одногодки. Ровесником комсомола, хотя бы и условно, приятно быть потому, что комсомол всегда молод. А кому не хочется быть всегда молодым?! Разве случайно об этом песни сложились, к примеру, «Главное, ребята, сердцем не стареть»?!

Комсомольцем стал я в уездном городе Можайске, где учился в средней школе. Старшеклассники еще в семнадцатом году организовали литературно-драматический кружок. Входил в него и я, ставший восьмиклассником.

Мы издавали рукописный журнал, ставили спектакли. А когда вышли на городской простор, чтобы участвовать в общественных начинаниях — в субботниках, праздничных шествиях и даже выступлениях на некоторых митингах в городском саду,— кружок свой мы стали называть революционным. Других таких юношеских организаций у нас в городе не было. Вероятно, по этой причине к нам в школу принесли из уездного комитета партии листовку «Воззвание к союзам молодежи». Листовка прибыла из Москвы. В ней говорилось о необходимости объединения разрозненных организаций рабоче-крестьянской молодежи. Были и такие слова:

«Есть у нас, товарищи, одно дорогое для нас дело — строительство новой жизни».

Воззвание призывало к созыву I Всероссийского съезда союзов молодежи, который должен был взять «один-единственный курс — на социализм».

Почти каждый из нас знал, что курс к социализму и коммунизму прокладывает партия большевиков. Значит, Союз молодежи, который должен быть создан, пойдет за большевиками.

Приходили к нам в школу можайские партийные работники. Много интересного рассказывали про главного большевика, товарища Ленина.

Большевик...
Это жгучее имя
Опалило огнем и меня.
Словно в сказке,
Тогда становились большими
Мы, подростки, почти ребятня...

— Ленин — великий человек и, как все великие люди, вероятно, недосягаем?— такой вопрос задан был посетившему нас партийному пропагандисту.

— Нет, ребята! Ленин всегда с народом и в народе. А вчера как раз наведались к нам в Можайск крестьяне из деревни Моденово, рассказывали, что Владимир Ильич приезжал к ним, чай пил, беседовал

...ШАЛ ЛЕНИНА...

с ними о сельских делах и нуждах, а его шофер в это время ребятишек на автомобиле по деревне катал.

И это была правда. Спасибо доброй памяти можайскому пропагандисту!

Объяснил он, что Ленин такой же,
Как и все мы... Собой невелик,
Но народу все больше и больше
Раскрывает глаза...
Большевик!
Он такой же, как все мы. Но чудо
В том, что нет на земле никого,
Кто бы был у рабочего люда
В Революции
Больше его.

Я завидовал моденовским крестьянам и ребятишкам, которые видели Владимира Ильича. Если бы знать, что он будет в Моденове в тот воскресный день, мы бы туда — от Можайска километров пятнадцать — всей школой побежали. Но что поделаешь... Можно ведь быть близким к Ленину и не видя его воочию. К первому съезду Союзов молодежи нам, можайским школьникам, посоветовали принять участие в организации подобных ячеек и в ближайших к городу деревнях и на станции Можайск, где было много детей рабочих-железнодорожников. Я каким-то образом оказался настолько активным, что доверили мне общение с дальними деревнями.

Ездил я туда на казенной лошадке. Докладывал о первом съезде комсомола, на котором я не был. И на II съезде в 1919 году мне тоже не пришлось быть, хотя в это время я уже секретарствовал в уездном комитете комсомола и даже входил в состав Московского комсомольского губкома.

А вот на III нашем Всероссийском съезде я был! Большое счастье в преддверии XVIII съезда всесоюзной многонациональной, ныне многомиллионной ленинской комсомолии сказать: «Друзья мои! Я видел Ленина! Я слушал Ленина!»

Множеству людей, особенно школьникам, это кажется удивительным, почти невероятным. И самому мне хочется сказать об этом необычными словами.

Двадцатый год... Разруха. Голод. Холод.
Шла осень, громом битвы грохоча.
В Москве
На Третьем съезде комсомола
Мне довелось увидеть Ильича.

Зал дома номер 6 на Малой Дмитровке, ныне улице Чехова, был переполнен. На широкой сцене за длинным столом восседал президиум. Позади его и с боков — девушки, ведущие запись происходящего, машинистки. Украшена сцена двумя портретами: Маркса и Энгельса.

Больше ничего. Ни знамен. Ни оркестра. Ни юных пионеров, которых тогда не существовало. Они заявили о себе лишь через два года под музыку песни «Взвейтесь кострами, синие ночи».

Для нас, сидящих в зале, неожиданным было появление в президиуме, среди юношей и девушек, солидного человека в кепке, в осеннем пальто нараспашку. Человек этот отказался от предложенного ему почетного места в центре за столом президиума.

Он подошел к свободному стулу у края стола, снял пальто, повесил его на спинку стула, а потом снял кепку.

— Ленин! — раздались десятки, сотни голосов в зале. Аплодисменты, которыми был встречен Владимир Ильич, перешли в бурную овацию.

Не передать ни радости такой,
Ни клекота рукоплесканий жгучих.
К эстраде сгрудились мы
тысячной толпой.
Зал грохотал овацией могучей.

Возгласы «ура», звонкие здравицы в честь Коммунистической партии и ее вождя были прерваны пением «Интернационала».

Ленин пел вместе с нами.

Ребята из президиума говорили потом, что Владимир Ильич пел по-старому первую строчку припева: «Это будет последний и решительный бой».

А в наших комсомольских устах она в 1920 году уже звучала по-новому, так, как и теперь: «Это есть наш последний и решительный бой».

Все мы, участники съезда, были уверены, что настал час последнего, решительного боя за народный, советский строй жизни. Среди нас было немало фронтовиков, красноармейцев и матросов из частей, сражавшихся на фронтах гражданской войны.

А мы, младшие, кому только что исполнилось 16, по тогдашнему обычаю все были готовы отправиться на подмогу старшим.

На этот случай наши бабушки снабдили нас теплыми носками, варежками, телогрейками, а то и парой белья.

— Слово предоставляется Председателю Совета Народных Комиссаров Владимиру Ильичу Ленину...

Ленин вышел из-за стола президиума. Зал вновь приветственно загудел на все лады, на многих языках.

Сердца юнцов рвались к нему навстречу.
Гул голосов казался гудом пчел.
Ильич большим заботам в этот вечер
Заботу о Грядущем предпочел.

Подумать только: в тяжелейшие, критические дни хмурой осени года Ленин, загруженный и перегруженный величайшей важности государственными делами, нашел время прийти к комсомольцам, к нам, к тогдашним шестнадцатилетним, пятнадцатилетним вожакам революционной молодежи! Какое внимание! Какой пример исключительной заботы и доверия, выраженного в его словах: «...То поколение, которому сейчас 15 лет, оно и увидит коммунистическое общество, и само будет строить это общество».

Ленин долго не мог начать свою речь, потому что долго не могли успокоиться комсомольцы. И он стал успокаивать их. Взмахом руки. Потом двух рук. Не помогло. Тогда он пальцем погрозил. Чуть было не установилась тишина. Но... Владимир Ильич не мог сдержать улыбки. Значит, пальцем-то он грозит, но грозит не всерьез. Не сердится, значит... И добрая улыбка его, словно искорка, вызвала в зале тысячу улыбок и вдобавок к ним взрыв смеха — чистого, искрометного, счастливого смеха!

Ленин покачал головой, потом вынул из жилетного кармана часы, повернул их циферблатом к слушателям и многозначительно указал пальцем на циферблат. Намек был понят. Время дорого. Все смолкли.

Началась знаменитая ленинская речь. Оратор не казался мне величественным. Его величие ощущалось лишь в исключительной простоте. Как-то по-домашнему, отеческим взором Ленин смотрел на нас.

Смотрел на нас, но видел, как теперь всем ясно, и комсомольцев будущих поколений, героев строительства и грозных битв за Советскую Родину. Видел, предвидел он и сегодняшних комсомольцев и юных пионеров, достойных наследников людей, назвавших себя большевиками, называющих себя коммунистами-ленинцами.

Слушая Ленина, я заносил в свой блокнот не только отдельные его фразы, но и непосредственные впечатления, воплотившиеся вскоре в стихотворные строки:

Скажи, Ильич, что делать нам с собой,
С сердцами, вдребезги готовыми разбиться?
В боях мы были. Вновь готовы в бой...
А он нахмурился
И вдруг сказал: учиться!
Учиться? Как! Великий командир,
В стране дела найдутся поважнее.
А он свое: о том, что новый мир
Без знаний
Мы построить не сумеем.
Ильич спокоен. Снова и опять
Слова: мораль... труддисциплина... знанья.
О том, что надо смену воспитать
В коммунистическом
Соревнованьи.
Мы этих слов не слышали вовек.
Они сложны, слова простые эти.
Не знали мы, что может человек
Так зорко
Разглядеть пути столетья.
Простой... родной...
Лицо... Часы... Жилет...
В руке листок. На нем рисунок: школа...
И в этот день он на десятки лет
Предначертал
Программу комсомола.

Программа комсомола неразрывно связана с программой Коммунистической партии.

За период существования комсомола в эту программу внесены дополнения и уточнения, продиктованные велением времени. Но основы ее остаются прежними. На торжественном заседании в честь 60-летия Великого Октября Леонид Ильич Брежнев ясно и вдохновляюще сказал об этом:

«Продолжая славные традиции своих дедов и отцов, комсомольцы, девушки и юноши идут в первых рядах строителей коммунизма, мужают в труде, учатся управлять хозяйством, руководить делами общества и государства. В их руках — будущее страны. И мы уверены — это надежные руки».

В. КУЗНЕЦОВ
Фото автора

Зимняя дорога.

ВНАЧАЛЕ БЫЛА ТРОПА

С Инной Гусевой, делегатом XVIII съезда ВЛКСМ, мы встретились в студенческом общежитии Улан-Удэнского техникума железнодорожного транспорта. Комната № 319 была заполнена столами, чертежами, книгами. Обитатели ее, студентки-заочницы, прибыли в Улан-Удэ защищать свои дипломные проекты. Инна — дипломница факультета промышленного и гражданского строительства, она же бригадир комсомольско-молодежной бригады штукатуров-маляров СМП-572. Инна Гусева — строитель Байкало-Амурской магистрали с трехлетним бамовским стажем. На Бурятский участок прибыла в рядах первых десантов. Мой вопрос: «Что изменилось за эти годы?» — вызвал у Инны улыбку.

— Да все! Северобайкальска не узнать. Мы пришли в глухую тайгу, начинали с нуля. Сейчас на том месте прекрасный поселок, улицы заставлены сборно-щитовыми и рублеными домами. Есть Дом культуры, столовая, магазины, есть даже школа искусств. А сколько детей! Три года назад их можно было по пальцам перечесть, а сейчас школа-десятилетка тесной стала. В детских садах тоже мест не хватает. А количество семей с каждой субботой увеличивается: свадьбы мы играем только по субботам.

— Инна, сейчас вы временно расстались с бригадой, не будет вас и в период работы съезда — вы же избраны делегатом. Как думаете, управятся девчата без бригадира?

— Управятся! Наша бригада — это семнадцать отличных девчат, верных подруг. Конечно, я скучаю по ним. Ведь на БАМе каждый день — это событие, и в каждом хочется участвовать самой.

Интервью прервалось. Инна спешила в техникум, а я в аэропорт — мой путь на север Байкала, туда, где строится БАМ.

Под крыльями «ИЛа» древняя байкальская земля. Стыло замерла она, долгими веками ожидая прихода людей. Куда ни глянешь, всюду горы. Покрытые снегом, они казались волнами могучего Байкала. Ничего, скоро, совсем скоро рокот машин расколет эту угрюмую тишину, и сталь БАМа разрубит байкальские хребты, чтобы подарить этой земле новую жизнь. 530 километров Бурятского участка БАМа самые трудные. И не только потому, что 28 из них пройдут под землей в шести тоннелях. Этот участок с повышенной сейсмичностью считается лавиноопасным. Мне рассказывали, как в марте на 291-м километре двинулась снежная лавина. Карьер глубиной более одиннадцати метров был полностью засыпан. Вовремя предупрежденные строители успели вывести технику, покинули опасный участок. Труден Бурятский участок и своей отдаленностью.

Нет пока рельсов на участке, но есть работа, много работы. БАМ строится. Северобайкальск, с которым меня заочно познакомила Инна Гусева, является штабным поселком строителей. Отсюда поведет на Кичеру недавно созданный строительно-монтажный поезд № 608 молодой начальник Г. Г. Яненко. Костяк нового поезда составляет бригада Александра Репнева. Бригада эта известная. А вообще-то поезд будет сформирован из бойцов комсомольского отряда XVIII съезда ВЛКСМ. К их встрече уже готовятся. Сегодня Г. Г. Яненко больше всего волнует строительство жилья, бани, столовой, магазина на станции Кичера, которая пока существует только на строительных картах и в чертежах изыскателей. А основная работа — это рубка просеки под линию электропередач и под железную дорогу от 360-го до 460-го километра. Это рабочий плацдарм СМП-608.

Легковым машинам на БАМе пока что трудновато. Поэтому я сел в попутный ЗИЛ-131. Водитель Валерий Аксенов легко тронул тяжелую машину, и мы покатили по трассе. Дорогу, по которой ехали, окружала весна. Третья бамовская весна на этом участке, третья здешняя весна Валерия. А он рассказывал о первой, о первых шагах на первых тропах по распутице, по снегу. Я тоже думал о тропах, которым суждено стать великой магистралью...

Начало Байкальского тоннеля.

■

Лесорубы Валерий Петровский, Сергей Стоянов, Андрей Богомазов готовят просеку под железную дорогу.

Воскресенье в Северобайкальске.

Здесь пройдет магистраль.

УНИВЕРМАГ
УНИВЕРМАГ
KATO

Б. СОПЕЛЬНЯК
Фото А. ГОСТЕВА

Растет город в степи.

ДЕЛЕГАТ „АТОММАША“

Бирюзовый айсберг главного корпуса горделиво и мощно высится среди ковыльных донских степей. Ознобистое солнце, нежная зелень озимых на окрестных полях, яркие косынки девушек, распахнутые куртки парней, первые «классики» на асфальте, трель велосипедных звонков, глянцевито-черные, налитые силой грачи, кувыркающиеся в васильковом небе... Значит, весна! Моя третья весна на «Атоммаше».

Я брожу по улицам нового города, разглядываю витрины магазинов, захожу в кафе, гуляю — другого слова просто не подберешь — по третьему корпусу, который уж дает продукцию, замечаю, как дымится высоченная труба ТЭЦ, как с домостроительного комбината тянутся колонны панелевозов, как четко, с интервалом в три-четыре минуты, проносятся элегантные троллейбусы, и вспоминаю... Вспоминаю, как всего три года назад где-то здесь, среди степи, увяз наш раздерганный «газик», как долго вместе с начальником стройки Ю. Д. Чечиным месили грязь и он, время от времени останавливаясь, обводил рукой степь и говорил: «Здесь будет школа, там — ТЭЦ, а чуть подальше — домостроительный комбинат. На этом месте поднимется главный корпус: его длина свыше семисот, а ширина около четырехсот метров! Третий корпус чуть меньше, но и он огромен. Даже у меня, камазовца, дух захватывает от этих масштабов»,— поражался тогда начальник стройки.

А теперь как о чем-то обыденном он рассказывает, что досрочно сдали третий, а потом и первый корпус; не скрывая гордости, напоминает, что рядом с первым корпусом будет возведен точно такой же, только под четвертым номером...

И вдруг Юрий Данилович лукаво улыбнулся и без всякого перехода спросил:

— Помните, в нашу первую встречу я сказал, что главная фигура на стройке — бригадир?

Я, конечно, ответил, что помню, хотя, ей-же-ей, ничего не помнил и в который раз позавидовал феноменальной памяти Юрия Даниловича.

— Как видите, с тех пор у нас многое изменилось,— продолжал Ю. Д. Чечин.— Единственное, что не изменилось и, судя по всему, не изменится,— это роль бригадиров. Эти люди по-прежнему главные на стройке! Но вот что отрадно: бригадиры помолодели. Если средний возраст строителей «Атоммаша» — двадцать три года, то средний возраст бригадиров — около тридцати лет. Вот что значит Всесоюзная ударная комсомольская стройка! Около пяти тысяч комсомольцев работает на строительстве «Атоммаша», а на XVIII съезд ВЛКСМ они избрали одного делегата, опять-таки бригадира — Георгия Фоменко. Я его знаю еще с КамАЗа, строитель, как говорится, от рождения...

Этот разговор был в субботу. Я решил, что встречу с Георгием придется отложить на понедельник, и в воскресенье отправился на стройку просто побродить «по внутренностям айсберга». Главный корпус необычайно красив и внутри, да и его размеры неплохо «прочувствовать» не только глазами, но и ногами. В одних пролетах полным ходом идет монтаж оборудования — на фундаментах уже стоят большущие, диковинные станки, в других — фундаменты только заливают, а кое-где еще роют котлованы.

Странное это зрелище — стройка в выходной день. Вокруг множество экскаваторов, бульдозеров, подъемных кранов и другой техники, но без людей эти прекрасные машины — просто груда хорошо смонтированного металла. И вдруг я увидел голубоватые огоньки электросварки. В обход котлованов двинулся на огоньки. Чудеса, да и только! Вместо того, чтобы ловить сазанов, гонять мяч, сидеть в кино или пить пиво, шестеро парней работали в котловане. Оказалось, это одно из звеньев бригады Фоменко. Был среди них и сам бригадир. Так мы и познакомились.

Чуть позже Георгий рассказывал:

— Не удивляйтесь, что мы сегодня работаем. У нас ведь девиз: «Не выполнив сменного задания, не покидай рабочего места!» Вчера же ребята из этого звена малость подкачали. Не желая подводить звено, которому выходить в понедельник утром, они решили подчистить свои «хвосты».

Долго мы тогда говорили с бригадиром. Худощавый, энергичный, необычайно легкий на ногу — я это почувствовал, когда он водил меня по главному корпусу и с гордостью показывал, что сделала бригада,— Георгий в то же время очень рассудителен и, я бы сказал, основателен. Подкрепляя рассказ о том, как переходили на бригадный подряд, он схватил обломок электрода, присел на корточки и прямо на земле начертил целую таблицу, из которой сразу стало ясно, при каких условиях это возможно и чем выгодно как бригаде, так и государству. Потом он рисовал схему кабельного канала, пешеходного тоннеля и, наконец, рентгенкамеры, которую как раз сейчас делает бригада. Это огромное сооружение, в которое надо уложить одиннадцать тысяч кубометров бетона. Стены камеры толщиной в три-четыре метра. А нужна она для того, чтобы поместить в нее готовый реактор и просветить его рентгеновыми лучами. Ведь требования к надежности и качеству реактора очень и очень высоки: недопустима даже малейшая небрежность.

Увлеченность Георгия, требовательность, инженерный и экономический расчет, инициативность и принципиальность известны всей стройке. Окончив Таганрогский строительный техникум, он уехал на КамАЗ, поработал там четыре года, стал начальником участка, а потом, с великим трудом уволившись — на это ушло полтора месяца,— примчался на «Атоммаш». Строил жилье, поднимал ТЭЦ, закладывал ростверки для колонн главного корпуса, делал фундаменты под оборудование, а теперь монтирует и само оборудование.

Инициативность иногда обходится Георгию дорого. Бывало, что и попадало от начальства, правда, чуть позже то же начальство ставило его в пример. Получая задание, Георгий всегда ищет наиболее оптимальные, порой неожиданные пути его выполнения. А новое, как известно, очень редко входит в жизнь без сопротивления. Скажем, за тот же кабельный канал (нужно было с особой точностью уложить «этажеркой» сорок восемь труб для мощного электрического кабеля) Георгию вначале попало как раз потому, что делает он канал не так, как все. А кончилось тем, что у других бригад заказчик работу не принял и канал пришлось переделывать, бригада же Фоменко сдала его с первого предъявления, да еще с оценкой «отлично».

Шло время. И вот уже бригада стала одной из самых известных на стройке. А вскоре она удостоилась чести зачислить своим почетным членом Юрия Гагарина, заработок передается в Фонд мира. В позапрошлом году этот коллектив завоевал приз журнала «Дон», постоянно занимает призовые места в социалистическом соревновании. А сам бригадир стал коммунистом, награжден орденом Трудового Красного Знамени, избран депутатом областного Совета и вот теперь представляет «Атоммаш» на XVIII съезде ВЛКСМ.

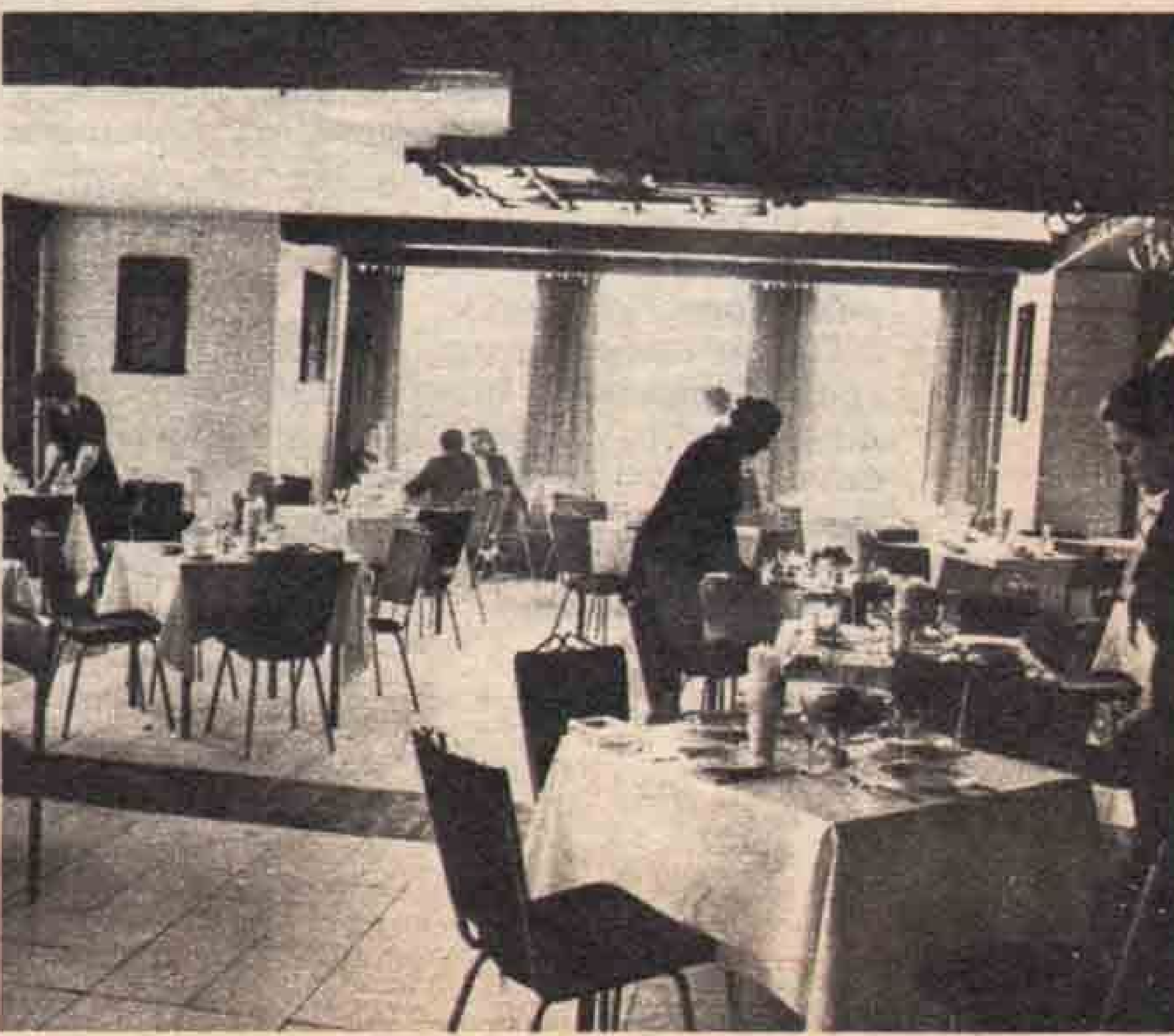
Перед прошлым съездом здесь было всего сорок комсомольцев, а теперь они вместе с коммунистами составляют основную ударную силу, решающую судьбу стройки. И недаром у въезда в Волгодонск на огромном щите начертан лозунг: «Атоммаш» зовет!», а на главном корпусе: «Атоммаш» — это гордость твоя, комсомол!»

■

Комплексная бригада Георгия Фоменко (третий слева).

Главный корпус уже заселяется станками.

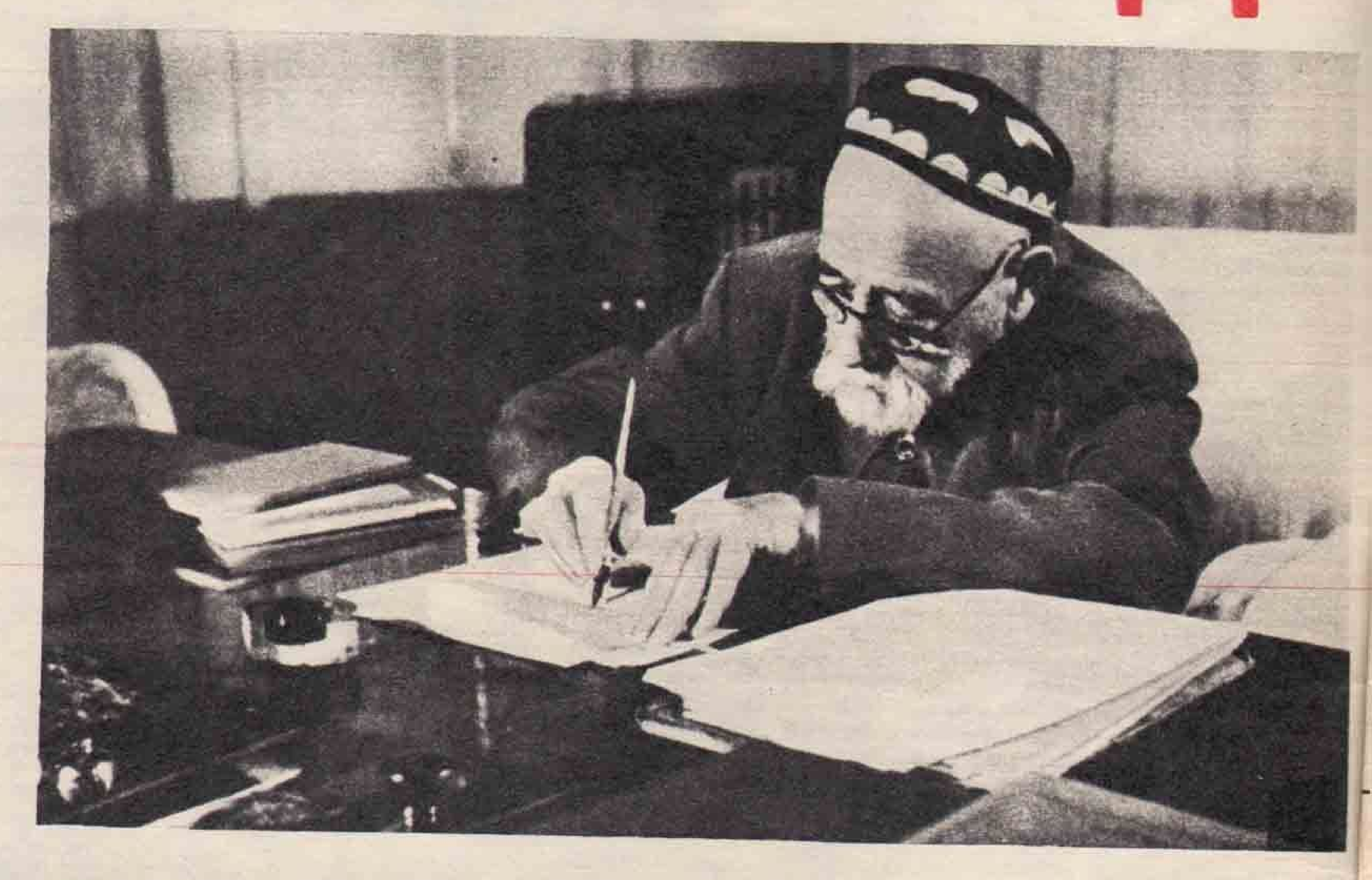
Кафе «Надежда».



К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ САДРИДДИНА АЙНИ

ВЕЛИКИЙ УСТОД

В. МАТУСЕВИЧ



Одно лишь тело у тебя, одна душа
и столько знанья!
Как изумительно, но кто ты —
человек иль океан?
Рудаки.

В Таджикистане ценят и славят труд старых, опытных мастеров, достигших высот искусства в своей профессии. Таких людей в народе почтительно называют устодами. Этим же именем зовут и виртуозов поэтического слова и вообще всех учителей и наставников. «Есть нечто трогательное и глубоко поучительное в употреблении этого слова,— пишет известный советский исследователь творчества Айни И. С. Брагинский.— Устодом зовет народ основоположника таджикско-персидской поэзии — Рудаки, устодом назвал народ и Садриддина Айни».

Жизнь С. Айни — жизнь подвижника, правдолюбца, просветителя. В ней все удивительно, все замечательно. Кажется, что не сто лет, а двести, триста протекло с того времени, когда он родился,— настолько дики, необузданны были тогда порядки бухарского эмирата с его работорговлей и жестокостями.

А расцвет творчества Айни — это расцвет социалистического государства, наша современность.

Выступая на первом съезде советских писателей, Айни сказал: «...Я старик, который в наши дни стал юношей. Около сорока лет я работаю в области литературы, был очевидцем феодального периода Бухары и лично участвовал в литературе того времени. Но в ту эпоху я не мог создать сколько-нибудь значительного произведения. Все, что есть заслуживающего внимания в моем творчестве, создано мной после Октября. Вот почему я говорю, что из старика стал юношей. Мне возвратила молодость диктатура пролетариата».

Эта возвращенная молодость дала Айни новые силы. И он стал для своего народа первым прозаиком, первым агитатором, автором многих работ по таджиковедению, по истории народов Средней Азии, первым президентом Академии наук Таджикистана.

С раннего детства Садриддин впитал в себя культурные традиции таджикского народа. Простые крестьяне, ремесленники хорошо знали и читали наизусть стихи Саади, Хафиза, Бедиля, Саиба—классиков средневековой таджикско-персидской поэзии. Покоряла их мудрость, искренность, глубокое проникновение в тайники человеческой души, нетерпимость к фальши, лицемерию.

Маленький Садриддин под влиянием своего отца, образованного человека, рано пробует писать стихи и даже участвует в поэтических состязаниях с заехавшими в его кишлак любителями поэзии из Бухары.

Но не баловала жизнь маленького Садриддина. У его отца было всего два небольших участка земли. Чтобы прокормить семью, он обтесывал жернова для мельниц и занимался ткачеством. Мальчик помогал родителям по дому, пас овец на старинном кладбище, со страхом прислушиваясь к вою шакалов. Учился он в школе при мечети, но больше всего любил слушать сказки восьмидесятилетней старушки — тетушки Тути. Это были фантастические сказания о золотом кишлаке, о народном герое Рустаме...

После смерти отца и матери, погибших во время эпидемии оспы в 1889 году, Садриддин Айни с узелком книг и сиротским скарбом за спиной направляется в прославленную столицу эмирата «благородную Бухару» для учебы в медресе — тогдашнем высшем учебном заведении.

«Здания медресе,— пишет Айни в своих воспоминаниях,— пышные и великолепные с фасада, тесные и неудобные внутри, отражали образ жизни при феодализме: пышный снаружи и совершенно прогнивший внутри. В этих зданиях словно бы воплотилось лицемерие, вражда и внешний блеск феодальной эпохи».

Начинается тяжелый период работы и учебы С. Айни в различных медресе Бухары. Когда читаешь главы его воспоминаний «Бухара», то невольно сравниваешь жизнь молодого Айни с жизнью молодого М. Горького. Та же крайняя нужда, жажда знаний, борьба за существование...

В основном студентами медресе были юноши состоятельных родителей. Они имели свои студенческие кельи, прислугу и могли свободно отдаваться занятиям. Айни же, чтобы заработать себе на жизнь, должен был обслуживать их, убирать помещения. Он был сторожем, уборщиком в медресе. Только урывками он жадно набрасывался на книги, слушал лекции.

В редкие свободные часы он бродил по Бухаре, посещал кварталы бедняков, ремесленников. Впоследствии это дало ему богатый материал для повестей и рассказов. Одна из его лучших повестей, «Смерть ростовщика», написана по бухарским впечатлениям.

В этот период Айни больше писал любовные стихи-газели в раннеклассической манере Бедиля. Их отличает ясный язык и традиционная образность. И, вероятно, можно было тогда предсказать, что к таджикским поэтам прибавится еще один неплохой традиционный поэт.

Но наступал XX век. В Средней Азии явственно ощущали дыхание могучей соседки — России с начавшимся там революционным движением. Особенно сильным было влияние революции 1905 года. Новые идеи проникали в древнюю Бухару, будоражили ее застоявшиеся феодальные устои. Эти идеи приносили в Бухару просвещенные люди, побывавшие в России, такие, как Ахмад Дониш — философ, просветитель, произведения которого в списках ходили по рукам. В них прославлялась не вера в аллаха, а вера во всемогущественное человеческое познание. Айни читал его произведения и увлекся идеей просвещения народа, созданием новых школ. Он с головой уходит в новую для него деятельность. Создает новометодные школы, составляет учебник для этих школ, в котором воспевает просвещение, идею равноправия женщин, пропагандирует всеобщую грамотность.

В апреле 1917 года в Бухаре близкий к кругам оппозиционно настроенной бухарской интеллигенции Садриддин Айни был схвачен эмирскими слугами и подвергнут жестоким истязаниям.

Нельзя спокойно читать страницы воспоминаний Айни, рассказывающие об этих страшных событиях. Он был «милостиво» приговорен эмиром не к казни, а к семидесяти пяти ударам палкой по голой спине.

«На спину одному из палачей сажают приговоренного,— читаем мы в воспоминаниях.— Он вынужден обнимать палача руками и ногами, другие его держат так, чтобы он не мог шевельнуться, и в это время палачи-истязатели, на глазах у толпы и высших вельмож, наносят суковатой палкой по голой спине от затылка до крестца 75 ударов. Если истязатели не получили предварительной взятки, их удары ложатся во всю силу руки».

Айни не кричал, он стиснул зубы и молчал, лишь про себя считая удары. Временами он терял сознание, настолько сильны были физические страдания. Потеряв много крови, со спиной, превратившейся в сплошное кровавое месиво, Айни провел несколько дней в страшных казематах эмирской тюрьмы, пока не был освобожден возвращавшимися с фронта революционно настроенными русскими солдатами.

Жестоко отплатила «благородная Бухара» своему просветителю, и знаменателен тот факт, что свободу Айни принесли русские революционные солдаты. Отныне и до конца своих дней С. Айни сохранит глубокую признательность русской революции, которая не только спасла его от смерти, но и открыла для него новые горизонты, позволившие приобрести вторую молодость.

В 1917 году Айни покидает Бухару и на долгие годы связывает свою жизнь с Самаркандом. Этот период жизни самый плодотворный, самый свободный и самый значительный не только для С. Айни, но и для всей таджикской культуры.

После Великой Октябрьской социалистической революции в Самарканде стремительно шло становление нового советского общества, в котором С. Айни принимает самое дея-

тельное участие. Здесь рождаются первые прозаические произведения Айни, знаменуя начало советской таджикской прозы, и среди них своеобразная трилогия — повесть «Одина», роман «Дохунда» и роман «Рабы». В этих произведениях С. Айни раскрывает смысл Октябрьской революции и намечает пути проникновения революционных идей в толщу народов Востока. Писатель с увлечением занимается русским языком, овладеть которым ему не удалось в условиях феодальной Бухары. Он много читает произведений русской классики — Пушкина, Тургенева, Толстого, Горького. Внимательный исследователь творчества Айни И. Брагинский отмечает: «Благодаря «школе Горького» он прикоснулся к опыту реализма русской литературы». Работая в Самарканде, писатель участвует в первых таджикских советских газетах «Голос таджика» и «Пламя революции». А когда в 1925 году было создано первое таджикское издательство, то главным редактором его стал Айни. В эти годы С. Айни создает Антологию таджикской литературы.

Основной своей задачей после Октября 1917 года Айни считал пропаганду нового строя и делал это со свойственной ему страстностью народного трибуна.

...О справедливости святое знамя,
Ты перед нами!
Ты в прах швырнуло царскую порфиру
На радость миру.
Ты, мудрое, горами и полями
Прошло, как пламя,
Сожгло богов, что в страхе нас держали
И их скрывали.
Мир старый тот, что создан был веками,
Разрушен нами —
И новый мир, как бы чудесным даром,
Возник над старым.
Так воцарись же навсегда над нами
Святое знамя,
Во имя попираемых так долго
Труда и долга!

С. Айни не понадобилось дней и годов на осмысление факта свершившейся революции. Он принял ее всем сердцем и быстро прошел школу Октября под руководством Коммунистической партии.

Трудно перечислить все стороны его неутомимой деятельности. С. Айни оставил богатейшее публицистическое наследие. Он публиковал статьи, прославляющие достижения Узбекистана и Таджикистана за годы Советской власти. Страстной и гневной была его публицистика в годы Великой Отечественной войны, когда в газетах постоянно печатались его памфлеты.

Он вел научные исследования. Писал работы об истории таджикского народа, о жизни и творчестве Рудаки, Фирдоуси, Саади, Навои, Восифи, Бедиля, Машраба, Дониша, Мукими...

Все современники С. Айни, хорошо знавшие его, отмечают энциклопедичность и живость его ума, необычайную работоспособность и высокую требовательность, подчас твердость и неуступчивость С. Айни в проблемах, касающихся развития таджикского языка и таджикской литературы. Айни способствовал развитию таджикского литературного языка.

В своих произведениях он воспитывает читателя в духе интернационализма. С. Айни решительно выступал против любого проявления национализма.

Творчество С. Айни имеет мировое значение. Его произведения переведены почти на все языки народов СССР и на многие языки зарубежных стран. Особенно важным его творчество является для народов Азии и Африки, борющихся за свою независимость. Такие произведения С. Айни, как «Рабы», «Смерть ростовщика», «Воспоминания», помогают прогрессивным людям этих стран в их борьбе против колониализма и расового угнетения. И потому в декларации, принятой на конференции писателей стран Азии и Африки, проходившей в Каире в 1962 году, его имя было названо в одном ряду с такими выдающимися писателями, как Рабиндранат Тагор и Лу Синь.

Таджикский народ помнит своего устода. Несколько раз избирался Айни депутатом Верховного Совета СССР и Таджикской ССР. В одном из красивых уголков Душанбе, в парке имени С. Айни, находится мавзолей прославленного писателя. Там всегда лежат цветы, и много людей приходит сюда, чтобы поклониться праху своего любимого писателя, великого устода.

ЧУДО РУССКОЙ СКАЗКИ

Звуки и краски родной земли возникают в воображении, когда слушаешь по радио музыку П. И. Чайковского в спектакле по весенней сказке А. Н. Островского «Снегурочка», поставленном Анатолием Липовецким.

Поэтичный быт Древней Руси ярко и зримо предстает перед радиослушателями. В сказочную атмосферу «Снегурочки» с первых же слов вводит нас ведущая В. Новак. Ее исполнительская манера точно соответствует духу сказки, напоминает древних сказительниц и создает у слушателей своеобразный эмоциональный настрой. При этом как-то неожиданно открывается значительная роль ремарок А. Островского, вся их поэзия и красота.

Голос актера в радиотеатре — единственный элемент, та опора, на которой строится образ героев. И, на счастье, удачен, точен оказывается подбор исполнителей.

Голос С. Мизери — это сама весна, голос теплый и женственный, в нем и мудрость любившей женщины, нежность и ласка матери. Снегурочку, хрупкую юную красавицу, отчетливо рисует в нашем воображении по-девичьи звонкий голос С. Кузнецовой. Царь Берендей в исполнении народного артиста СССР С. Я. Лемешева — спокойный, благородный старец, защитник и властелин берендеев. Интересны образы, созданные Е. Герасимовым — Лель, Т. Васильевой — Купава, В. Коробом — Мизгирь.

В свое время К. С. Станиславский, поставивший «Снегурочку» на сцене МХАТа, сказал: «Снегурочка» — сказка, мечта, национальное предание, написанное, рассказанное в великолепных звучных стихах А. Н. Островского». А музыка П. И. Чайковского еще более усиливает обаяние пьесы, подчеркивает ее поэзию и красоту. Словно вешняя вода, чиста и прозрачна русская сказка о девушке Снегурочке, о торжестве жизни и любви.

А. ЗВЯГИНА

ВЕРА В ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ДОБРО

В книге «Камень Марии», составленной из нескольких повестей и рассказов, Сергей Воронин поднимает важные проблемы современной жизни, нашего общественного бытия. Главными героями писателя на протяжении более чем тридцатилетнего творческого пути всегда были наши современники. В основе каждого его произведения, повесть ли это или короткий рассказ, лежит достоверный человеческий материал. Исследуя какой-то частный факт, один «случай из жизни», писатель пристально вглядывается в процессы действительности, глубоко проникает в людские поступки и переживания.

...Умирая, отец просит детей не продавать дачу, жить на ней всем вместе дружно. Но проходит время, семья разрастается, и начинаются мелкие склоки, дележ участка. Родные люди, заразившись духом стяжательства и мещанства, становятся друг другу чужими («Отцовская дача»).

Герой рассказа «Камень Марии» много лет назад предал свою единственную и настоящую любовь и теперь осознает, что уже поздно что-либо менять.

А сколько доброты и терпения у простой женщины Елизаветы к опустившемуся, случайно встретившемуся ей незнакомому человеку. Ее любовь возвращает ему силы, помогает обрести веру в себя. («Вейка»).

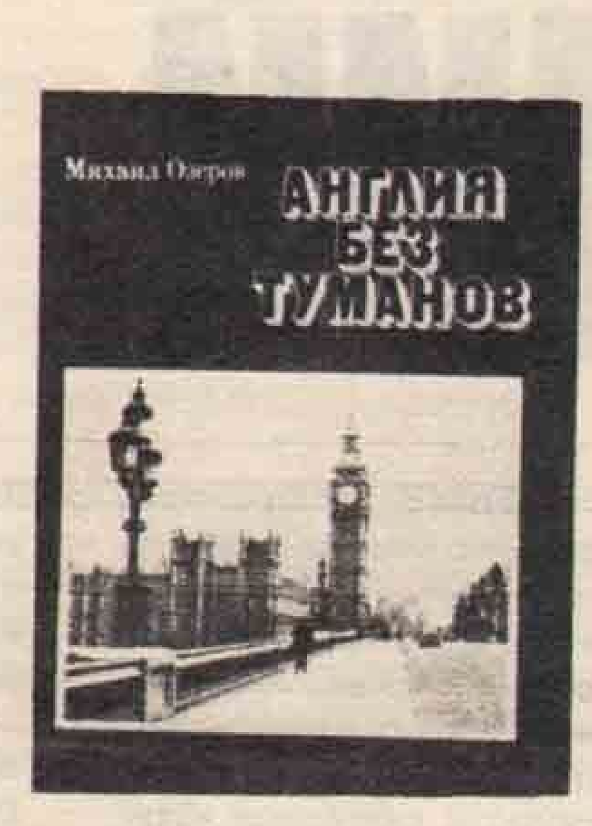
Героиня повести «Семейный кухон» женщина, как вначале кажется, неприметная. Скромно одетая, обремененная хозяйственными заботами, вечно спешащая, она ничем не выделяется из людского потока. И профессия у нее самая обыкновенная — начальник смены на заводе, и заботы на первый взгляд мелкие, бытовые, неинтересные: надо сыну молока теплого на ночь, чтобы не кашлял, помочь дочери с домашним хозяйством, выполнить план в цехе. Рассказ об одном дне Валентины Николаевны становится историей жизни. Женщина эта не ожесточилась, не замкнулась в себе, воспитывала детей, училась. Испытания жизни, казалось, только закаляли ее. Душевная открытость, бескорыстность, искреннее желание понять людей и помочь им движут поступками Валентины Николаевны. Своим трудом, своим отношением к близким и друзьям, даже своим восприятием мира — «бывает, моросит дождь или завевает снежок, холодно, и все же как-то отрадно на сердце» — она как бы утверждает, как много значит доброта человека.

В своих произведениях Сергей Воронин всегда на стороне людей доброжелательных, честных и прямодушных. Его любимым героям чужды практицизм и рассудочность. Писатель активно отстаивает и утверждает подлинно человеческие отношения, преданность юношеским порывам, искренние и верные чувства. Его простые, казалось бы, житейские истории доведены до высокого художественного обобщения и наводят читателя на серьезные размышления, заставляют задуматься над собственной жизнью.

Т. АНДРИАСОВА

Сергей Воронин. Камень Марии. Л., «Советский писатель», 1977, 240 стр.

ИЗ ДНЕВНИКА КОРРЕСПОНДЕНТА



«Альбион был, а знаменитого смога, окутывающего все вокруг, не было...» «Поезда Дувр — Лондон нет и нет. Он опоздал на сорок минут. Вот тебе и хваленая английская точность!»

Читая эти строки в начале книги Михаила Озерова «Англия без туманов», я сказал самому себе: так, все ясно. Вероятно, автор хочет опровергнуть все устоявшиеся взгляды на эту страну, уже давно окутавшую себя туманом традиций. Но, прочитав книгу до конца, понял, что ошибся. Ее автор, проживший в Англии немало лет, пришел к выводу, что «многое там по-прежнему окутано серой дымкой...» и что он не берет «на себя смелость разгадать полностью загадку Англии».

Таким образом, туманы, хоть и в виде серой дымки, остались в Англии вопреки названию книги. Но после ее прочтения мы будем благодарны автору, что он интересно рассказал об этой стране, увидев ее ясным, непредвзятым взглядом.

Нужно заметить, что и сами туманы рассматриваются М. Озеровым двояко. Одни скрывают жизнь островитян от многочисленных туристов, желающих проникнуть в их тайны. Другие застилают умы самих англичан при оценке жизни других народов. Хотя здесь, как пишет автор, налицо определенный прогресс. И мы узнаем, что рассеялся «туман предубеждения, скептицизма в отношении социалистических стран». В первую очередь это относится к Советскому Союзу. Многие англичане стали больше интересоваться нашей страной, изучать русский язык, читать русскую и советскую литературу. Интересен в этом отношении рассказ о дружбе двух городов-побратимов — Ковентри и Волгограда.

Книга имеет подзаголовок: из дневника корреспондента. Мы с интересом читаем страницы этого дневника, рассказывающие о борьбе простых людей за свои права, о деятельности английских профсоюзов — Британского конгресса тред-юнионов. Автор берет интервью у знаменитого футболиста Томми Лаутона, не знающего, как прокормить себя и свою семью; посещает фашистское логово в Лондоне, где беседует с английскими последователями бесноватого фюрера; разбирается в противоречиях английской рекламы; передает печальные факты о случаях терроризма и бандитизма на улицах английских городов; описывает многочисленные достопримечательности Лондона, Эдинбурга. Шеффилда и других городов Англии.

Книга иллюстрирована фотографиями, сделанными автором. Много цветных снимков. Особенно интересны репортажные фотографии, фиксирующие живые сценки больших городов, в которых нашли отражение жизнь, работа, борьба жителей Британских островов.

Книга выпущена издательством «Детская литература» и предназначена для детей среднего и старшего школьного возраста, но по широте охвата и богатству материала она наверняка заинтересует и взрослого читателя.

Н. ЛАЗАРЕВ

Михаил Озеров. Англия без туманов. М., «Детская литература», 1977, 127 стр.

В колхозе «Буревестник» машины готовы к «бою».

Танец вместо производственной гимнастики.

Весенние дороги.

МЛАДШИЙ БРАТ

Н. БЫКОВ

Фото Б. КУЗЬМИНА

Владимир Николаевич Макаров молод, ему минуло двадцать шесть, но он без малого год председательствует в далекой лесной Колпи. Во Владимире только что был Володя, комсомолец, делегат XVIII съезда ВЛКСМ, улыбчивый и незаметный в шумном разливе собравшихся вместе комсомолят, а у себя в Колпи — Владимир Николаевич, председатель, коммунист, деловой человек, день которого расписан по минутам.

В семье их пятеро, братьев Макаровых; трое избраны в разных селах Гусь-Хрустального района председателями колхозов. Колхоз младшего брата, Владимира, носит гордое, революционное название «Буревестник». Название, странное для села, зажатого лесами и болотами владимирской Мещеры, пришлось по душе новому председателю, он как-то в минуту откровенности обронил: «Из-за названия не стал отказываться...»

— Значит, нелегко было дать согласие?

— Очень даже нелегко... Хотя я и готовил себя примерно к такой деятельности, учился и сейчас учусь, пришлось и в райкоме партии поработать и к братьям присматривался, слушал их всегда, но все равно решиться было нелегко. Братья — другое дело, они старшие, Михаилу уже под сорок, а я еще мало каши ел...

Да, сорок — это, конечно, звучит. Даже если сорок лет Михаилу Николаевичу будет только через два года. В день нашего с Владимиром знакомства другому его брату, Александру Николаевичу, тоже председателю колхоза, исполнилось тридцать лет, и говорил об этом Владимир с затаенной завистью: «Заматерел братан!» Какие горячие диспуты случаются у братьев, как старшие сдерживают натиск младшего, хорошо показано в телефильме «Макаровы» творческого объединения «Экран» (режиссер И. Беляев, операторы Е. Яковлев, Д. Бритиков). Только надо знать Владимира Макарова, чтобы сразу позабыть о его возрасте, — мужчина он самостоятельный, очень знающий в различных областях сельскохозяйственной науки, энергичный и пока явно пренебрегающий так называемой личной жизнью и личными удобствами. Он поставил во главу угла всех своих бесчисленных на первых порах забот заботы строительные. Село Колпь, доставшееся ему как бы в наследство от предыдущих поколений энтузиастов колхозного дела, большое, семьсот пятьдесят дворов, жителей чуть ли не три тысячи, много детворы. Но вот местные мужики — набалованные, традиционные отходники, и первое, с чем столкнулся Владимир Макаров,— это необходимость строиться, а значит, надо было собрать строителей...

И застучали топоры в Колпи! На улицу выплеснулась ослепительно белая стружка, умельцы склонились над резными наличниками. А председатель, обнаружив слабосильную общественную кассу, тем временем занялся накоплением живого рубля, колхозного капитала. Опыт патриарха колхозного движения, земляка и мещерского «миллионера» Акима Васильевича Горшкова подсказал два источника здоровой экономики: повышение плодородия полей и развитие подсобных ремесел. Рано говорить об урожаях, но председатель уже сейчас решил сделать ставку не только на злаки, но и на картофель, главное, на кормовой люпин.

— Можно две тысячи рублей с гектара взять! Для нас это решающий фактор, земля-то слабенькая, песок да подзолы. А люпин — это плодородие и высокая прибыль. Даже братьям продал немного люпина.

В последней фразе была скрытая гордость. То все они ему, младшему, помогали, а теперь уже он может вести с ними деловые отношения. Я удивился только, что председатель продал на сторону двум Макаровым люпин по цене явно сходной, что ли, во всяком случае, мне показалось, что Владимир Николаевич упустил случай взять большую выручку.

— Нет, нельзя было больше запрашивать.

Если в канун XVIII съезда ВЛКСМ говорить о всегдашнем стремлении все новых и новых поколений комсомольцев быть на переднем крае жизни, там, где нужны их сильные руки, умные головы, их энергия, то вот Владимир Макаров сегодня живет и работает на самой передовой линии — он в деревне, он в нечерноземной деревне, он призван возглавить колхоз в местах, где так сложились исторические обстоятельства, что давно люди не строились, давно не собирали достойных урожаев, стали утрачивать интерес к отчему краю. Владимир Макаров вполне сознательно, ощущая в себе неукротимую тягу призвания, взялся навести порядок хотя бы в нескольких деревнях и селах колхоза «Буревестник». Человек на редкость ответственный, он признает, что бремя его забот тяжеленько. Но Володя, комсомолец Володя улыбается и примерно так адресуется к Владимиру Николаевичу Макарову: «Держись, парень!»

Очень он современный в этом своем упорстве, расчете на благоприятный характер сложившейся в его жизни ситуации. Доверие — что может быть для человека самостоятельного дороже! Бюро Гусь-Хрустального райкома партии и колхозники затерянного в лесах села Колпь оказали ему доверие. Владимир Макаров это очень понимает и потому живет окрыленно, деятельно, не теряя ни дня, ни часа, хотя это чувство времени и не всегда характерно для юношества. Повзрослеть его заставила жизнь, нешуточный масштаб практических дел.

Виктор ЛОГИНОВ

РАССКАЗ

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА

ПОРТРЕТ

1

Мне было лет пять, не больше, когда я первый раз увидел Ленина.

В том селе, где я родился, Ленин никогда не бывал. Вероятнее всего, он даже не знал о его существовании. Да и не удивительно: таких сел в Центральной России тысячи. Годуново, Долгополье, Рюминское, Андреевское, Большие Вёски... Разве все названия перечислишь?

Я родился в Больших Вёсках. Ноябрьским днем 1925 года. Мать говорила, что я появился на свет божий в большой русской печке. В таких печках на Руси издавна и пекли хлеб, и парились, и рожали. По словам матери, тот праздничный день был морозным, белым от снега, с солнцем и ясным небом. К вечеру приехал из Александрова мой дед, плотник и столяр, привез целую торбу гостинцев, рассказывал, что в городе был митинг, громко говорили речи, везде развевались красные знамена, люди ходили с красными бантами на груди. Потом дед выпил водки, отнял меня у испуганной матери, развернул и стал разглядывать, приговаривая, что в хорошее время я родился.

Он был счастлив и добр, дед, радовался, что народилось на свет новое живое существо, внучонок, мальчишка, будущий работник. Он сам, дед, был сызмальства рьяным крестьянским работником да к тому же и умельцем — знаменитым мастером плотницкого дела, к которому из дальних деревень, из города наезжали нуждающиеся в жилье люди, просили поставить избу, а то и целый дом с мезонином и верандой. Дед пахал землю, ставил дома и избы, и для него хорошее время прежде всего означало, что удался урожай, что не стало господ, перед которыми он раньше униженно ломал шапку, и что было много работы для его сноровистого топора...

Страна мало-помалу принималась строиться. И не с гигантских заводов, не с гидроэлектростанций начата была всенародная, всероссийская стройка, которая в тридцатых годах поразила мир своим размахом и трудовыми рекордами. Она свой отсчет начала с нуля, с какой-то простой крестьянской избы, и о первых часах ее где-то в глуши возвестили миру еще несмелые топоры плотников. Они засверкали по весне, плотницкие топорики, запахло в деревнях свежей стружкой, забелели светлые срубы изб — и пошла, пошла обновляться Россия! Перестук топоров и песни пил в деревнях — всегда к хорошей жизни. В плохое время избы на Руси не ставят.

Вот и дед говорил, что в хорошее время я родился.

Мать вспоминала: ранним утречком, когда медовое солнышко начинает пригревать умытые росой лужайки, она любила со мной на руках сидеть на завалинке под окнами и слушать, как поклевывают топоры — тешут еловые и сосновые бревна. Слева строились Сонковы, справа Витяковы, а спереди ладил избу сам свекор, то есть мой дед. Сладко у матери становилось на душе от этих звуков. Она укачивала меня и думала: вырастет сынишка, побежит по улице — глядь, а село-то все белое, избы высокие, окна большие, палисадники крашены. В таком селе любо-дорого жить!

— Твой-то год у нас был урожайный на детей,— рассказывала мать.— В каждой избе подряд по младенцу. И все больше мальчишки. Орут, бывало, по ночам, как петухи, один другого старается перекричать. Голосистое было времечко!

2

Мне уже исполнилось лет пять... Я помню нашу большую светлую горницу, длинный крашеный стол, тяжелые лавки по обе его стороны, яркую икону в углу, стеклянный шкаф, в котором видна была чайная посуда, зеркало на стене и белые изразцы печки. В три окна падало солнце. Полосы света косо разрезали горницу, и были они похожи на полотнища какой-то нежной, теплой на ощупь ткани. Я бегал по горнице, пронзая эти полотнища головенкой, и все никак не мог понять, почему прямой, натянутый, как струна, свет не колышется и даже ни капельки не дрожит от моих отчаянных усилий. Ни пинки, ни взмахи, ни попытки дуть изо всех сил — ничего не помогало...

И тут вошел в горницу мой дед, Василий Кузьмич. Должно быть, он вошел раньше, чем я его заметил.

— Э-э-э,— укоризненно произнес он,— ты что это, солнце побороть хочешь, внучек? Пустое дело, никакого проку, ушибешься — и все тут. Ты вот лучше погляди-ка, что я принес! — В руках у деда был белый рулончик из бумаги.

Я был разгорячен напрасной борьбой и сердит, но все-таки бумажная трубка меня заинтересовала.

Дед оглядел одну стену, потом другую, бросил взгляд на икону. Это его заставило призадуматься. Я пробовал на зуб палец и ждал, что будет дальше. Дед сел за стол и еще раз оглядел всю горницу. Слева стоял посудный шкаф. Справа, чуть ли не до самого потолка, белел изразец печки. Сзади, в простенках, висели зеркало и карточки в деревянных рамках. И только впереди была пустая стена, оклеенная газетами.

Дед решительно поднялся с лавки, сказав:

— Погоди-ка, внучек.

Как только он вышел, я подбежал к столу, влез на лавку и раскатал рулончик. С гладкого бумажного листа на меня глянул веселый человек с красным бантом на груди, с бородой и усами, как у деда, в большой кепке. Прищурившись, он махал мне рукой и словно говорил при этом: «Ну, здравствуй! Как живешь?»

— Погоди, наглядишься еще,— сказал, вернувшись, дед. В одной руке у него был молоток, в другой гвозди и газета. Он сунул гвозди в рот, а молоток под мышку, разорвал газету на узкие полоски, сделал из них четыре маленьких бумажных подушечки.

Я молча наблюдал, как он все это быстро, без лишних движений, проделывает. Мне нравилось глядеть на деда, когда он занимался какой-нибудь работой. Пилил ли он, строгал ли доски, обтесывал ли топором бревно, вырезал ли из кленовой чурки ложку, я всегда крутился поблизости, подбирал щепу, валялся в мягких стружках.

Между тем дед не мешкал. Он разгладил портрет, примерил его на стене и, по очереди прижимая каждый угол бумажными подушечками, прибил чуть выше своей головы, напротив середины стола. Затем отступил на шаг, полюбовался и, обернувшись ко мне, сказал:

— Ленин!

Я подошел поближе, задирая голову, и мне снова показалось, что веселый человек с портрета спрашивает меня:

— Ну как дела-то? Кашу ешь?

Наверное, потому так казалось, что он смотрел прямо на меня. Только на меня одного.

— Ленин,— повторил я.— А где он?

— В Москве,— ответил дед.— Ленин всегда в Москве.

Как и почти все люди, детские свои годы я помню гораздо лучше, чем годы отрочества и юности, и мне временами чудится, что из тех дальних лет долетают даже звуки голосов моих родных и знакомых. Дед говорил басовито, но мягко. Слов у него было мало, зато каждое слово доходило до меня и оставалось в душе. Бабка, та, наоборот, любила поговорить, побраниться, и дед, слушая ее, зачастую укоризненно качал головой. Он не понимал такой бурной словесной расточительности. Бабка и дед частенько поругивались: дед скажет слово, бабка в ответ — десять. Слова у нее растягивались, и казалось, что они длиннее, чем у других. Вообще я с ранних лет стал примечать, что слова имеют разные занимательные свойства.

Помню, что бабушка вошла в горницу вскоре после того, как дед прибил на стене портрет Ленина.

— Вот я вам кого привез,— сказал ей дед.

— Вижу, вижу,— кивнула бабка. Она показала рукой в угол.— Икона-то как же?..

— Икона — твоя забота,— непреклонно ответил дед.— Ты на нее и гляди.

3

Главные заботы взрослых меня еще не волнуют. Но я прислушиваюсь к каждому разговору и соображаю по-своему. Вот бабушка упомянула имя знакомого мне человека — дяди Александра, дедушкиного брата. Он старше дедушки. У него густая и длинная, достающая чуть ли не до штанов борода. Возле рта она вьется серебряными колечками. Дядю Александра с его бородой я немного побаиваюсь. А дедушке он совсем не нравится. Они, братья, в ссоре. Дедушка ругает дядю Александра, дядя Александр дедушку. За что? Я уже соображаю... Мой дедушка читает газеты, ходит на деревенские собрания-сходки, выступает на них. Иногда он берет с собой и меня. На сходках шумно, весело. Все курят козьи ножки. А кто и папиросы. Стол покрыт красной материей. Люди, сидящие за этим столом, кивают дедушке, здороваются с ним. Он здесь свой. Дядю же Александра сюда, по словам дедушки, и на аркане не затащишь. Он все дома, все со своими дружками. У них свои разговоры. Какие? Я не знаю. Может быть, про бога?.. Я часто слышу, как говорит дедушка: «Жизнь его переломит!» Ломают палки, доски... А как можно переломить дядю Александра, я тоже не знаю. Но до меня уже доходят предчувствия, какая это сложная и трудная штука, жизнь.

Я видел свирепые кулачные бои, когда одно село стеной шло на другое. Это было зрелище, представление; бились, как правило, в праздники, и, хотя некоторых парней избивали до полусмерти и отливали потом водой, кулачный бой выглядел не таким уж страшным. Страшнее было, когда два парня кидались друг на друга с ножами. Тогда уж хотелось зажмуриться и закричать. Самое же страшное запомнилось мне всего отчетливее.

Однажды мой дедушка с топором в руках бросился на дядю Александра.

У нас был какой-то зимний церковный праз-

дник, наехали родственники, во дворе запорошенные снежком стояли чужие возки и сани, под ногами у взрослых в избе ползали детишки, с утра стоял несмолкаемый шум. И только на печи, куда нас, своих, меня и моего брата, загнала бабушка, было просторно. Брат спал, а я лежал на животе и смотрел, как мечутся возле печки женщины, таская гостям блюда с мясом, пироги с рыбой, разные кисели и прочую снедь. Женщинами командовала бабушка. Она распоряжалась, где что ставить и кого чем потчевать. И вдруг мирный гул застольного разговора был прерван диким криком, грохотом, звоном разбитой посуды и женским визгом. На кухню с воспаленными от гнева глазами выскочил дед...

Он выхватил из-под печки топор. Бабушка повисла у него на руке.

— Вася-а-а!..

Дед оттолкнул ее, отшвырнул и невестку, с топором вломился в горницу. Еще не испытывая большого страха, я кубарем скатился с печки и между чьих-то ног проскочил вслед за дедом.

Мой отец, дяди и еще какие-то люди держали дедушку, а он вырывался из их рук и что-то кричал, обращаясь к своему брату.

Бледный, с трясущимися руками, дядя Александр стоял у окна, готовый проломить его и вывалиться в сугроб. Борода у него тоже тряслась, со лба срывались капли пота...

— Тятя, не дело. Не придавай значения, тятя,— успокаивали деда.— Отдай топор, это он спьяну...

Наплывами издалека все доносятся и доносятся слова... И в памяти высвечиваются лица близких людей. Лицо деда, лицо бабушки... И лицо Ленина, который улыбается мне со стены.

Улыбка Ленина освещала мое детство.

4

Были дни радостные. Но были и плохие дни. И у меня и у моих родных. Увидев собственными глазами, я понял, как «переламывает» жизнь людей. Всякая несправедливость оставляет в душе горечь. Но все-таки душа полна другим — светом большого и надежного счастья и сознанием того, что в жизни сбывается самое заветное.

Я часто вижу себя мальчонкой пяти-шести лет. Стоит этот мальчонка в деревенской горнице и, задрав голову, смотрит на Ленина. А Ленин с улыбкой будто говорит ему:

«Ничего, дружок, не унывай, все будет хорошо».

Так и случилось в действительности. И если не со всеми — в малом, личном, то с очень и очень многими — в большом, громадном!

Я знаю: новая жизнь примирила в конце концов деда и дядю Александра. Их сыновья ушли на фронт и не вернулись. Грустно мне рассказывать, как умерли бабушка, дядя Александр, как в военную зиму снесли на погост деда. Грустно... Да, но чтобы без утрат и скорбей — так не бывает. Отмирают старые побеги. Вырастают новые. И много их выросло. Но уже в другие годы. Они помнят о других днях. А о тех, о моих?.. Может, одного меня волнуют сейчас воспоминания о тех днях, мелькают, как в тумане, полузабытые лица, доносятся обрывки фраз... слова бабушки... слова деда... Кружится и кружится земной шар, наматываются годы, скрываются за горизонтом и солнечные и хмурые дни... Что еще забудется через десятилетие?

«Ничего, дружок, не унывай, все будет хорошо».

И мальчонка твердо верит: все будет хорошо.

Надо бы в музеях хранить старые портреты. Сколько их, оставивших неизгладимый след в жизни людей!..

Тот ленинский портрет, портрет моего детства, остался в сельской избе.

Сколько лет он висел у нас на стене? Год, два, три? Мне кажется, целую вечность. Зима сменялась летом, наступала осень, снова выпадал снег, уезжали и приезжали близкие мне люди, надолго уехал учиться отец... а добрый старик с красным бантом на груди оставался на своем месте и неизменно поглядывал на меня.

В то время я был убежден, что Ленин глядит только на меня. Это было совсем нетрудно проверить. В какой бы угол я ни забивался, все равно доставал меня улыбчивый взгляд: «Ну как живешь, дружок?»

У детства много открытий. Это — самое для меня чудесное. Я думал, что никто не догадывается о моей тайне, гордился ею и хранил до тех пор, пока сам не открыл причину иллюзии. Но незримые нити, тянущиеся от детства, никому не оборвать. Если ты мальчишкой в мечтах парил над крышами, как птица,— всю жизнь тебе летать в поднебесье. Если в светлые детские годы поразила, как чудо, и увлекла тебя книга,—с книгой ты навек и останешься. Если тебе казалось, что на заре своего дня ты жил рядом с Лениным,— значит, так оно и есть на самом деле.

5

Так оно и есть на самом деле...

Так оно и было.

Прошло лет десять или даже больше. Остались позади школьные годы. Шла всенародная священная война. Я учился в военно-авиационной школе.

Однажды перед отбоем курсанты заговорили о Ленине. В нашем взводе служил курсант, дед которого был старым большевиком и хорошо знал Ленина. Он встречал Ильича на Финляндском вокзале в Петрограде, выполнял поручения вождя. Не раз видел Ленина и отец этого курсанта, тоже член партии с дореволюционным стажем. Он рассказывал сыну, когда и как это происходило.

— Когда? Как? — закидали курсанта вопросами.

К сожалению, ничего интересного, никаких подробностей он припомнить не мог. Да и косноязычен к тому же был этот счастливый парнишка: мямлил, выталкивал по слову, заикался.

— Неужели забыл? Ну припомни что-нибудь! — умоляли незадачливого рассказчика. А он словно не понимал, что от него требовалось.

И вдруг мне стало так обидно, что я, помимо своей воли и совершенно неожиданно для себя объявил во всеуслышание, что тоже видел Ленина. Правда, всего один раз и в самом раннем детстве, но видел все же, собственными глазами видел! Ленин, мол, приезжал в то село, где я родился. Конечно, мне неизвестно, зачем он приезжал. Может, по делу. А может, на охоту. Это было зимой. А Ленин, как известно, любил в свободное время поохотиться. Вот это все я и выпалил, обиженный на курсанта, который не мог толково рассказать нам о Ленине и о своих родных, которым посчастливилось жить и работать рядом с Лениным.

Выпалил — и замер, ужаснулся. Непредумышленная ложь потрясла меня, ошеломила. Как? Это я видел Ленина? Я сказал про себя?!

Мне показалось, что меня, жалкого лгунишку, засмеют, опозорят. Но ничего подобного не случилось. Никому и в голову, должно быть, не пришло уличать меня во лжи. Все повернулись ко мне, наперебой забросали вопросами. Мне поверили!

Помнится, я лепетал, что Ленин приезжал на санях, его окружили мужики, он с ними долго разговаривал.

— Точно, я читал об этом! — сказал один из курсантов.

— И я читал! — подхватил другой.

Так оно и было в действительности: Ленин часто бывал в подмосковных селах и, конечно, не раз беседовал с крестьянами. Только я не мог быть свидетелем ни одной из этих бесед, я, как и мои товарищи, читал об этом в какой-нибудь книжке.

И все-таки... Да, все-таки мои неожиданные слова не были простым хвастовством. Обдумывая после этот случай, я понял, что в душе свято верил в сказанное. Ленин как живой стоял у меня перед глазами. Он не разговаривал с крестьянами, он говорил со мной: «Ну как дела, дружок? Как живешь? Ничего? Я рад за тебя, рад...»

Нет, это правда, я видел Ленина, все-таки я его видел! Все самое яркое в моем детстве связано с Лениным, и из детства еще доносятся ленинские слова...

Как говорится, из песни слова не выкинешь. И теперь, вернись я в мою суровую военную юность, в тот вечер перед отбоем, вновь, как клятву, повторил бы, что видел Ленина. Из песни слова не выкинешь.

Миллионы и миллионы людей земного шара живут рядом с Лениным. Ленин у них — с детства, с первых младенческих слов, с изначальных открытий мира. Биографии миллионов невозможны без Ленина. И моя биография тоже.

Можно сказать, что началась она в тот день, когда дед повесил в нашей избе ленинский портрет. С этого события я и веду отсчет. Ленинская улыбка провожала меня в ту дальнюю дорогу, которая называется жизнью.

Дорога вьется. Давно нет избы, где прошло мое детство. Почему ее не стало? Куда она исчезла? Это неважно. Все равно висит на стене портрет Ленина, все равно светит его улыбка. Вот что главное.

СЧАСТЬЕ БЫТЬ КОМСОМОЛЬЦЕМ

Кетеван ГОГИТИДЗЕ,
Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР, член бюро ЦК ВЛКСМ

А у нас на побережье Черного моря давно уже весна. Розовым цветом цветут персиковые деревья, выбрасывают свои нежные, бледно-зеленые листья чайные кусты. Я смотрю вокруг и думаю: как же красива, как нежна весна!

Смотрю на своих подруг, собирающих чай, и думаю: понимают ли они, что у них сейчас самая счастливая пора — весна жизни, юность? За этот столь мгновенно пролетающий отрезок времени можно сделать так много хорошего, полезного! Так же, кстати, как можно прожить его пустоцветом, никчемным сорняком, не оставляющим по себе доброго следа на земле. И еще об одном прекрасном законе всего живого думаю я: о том, что добрых растений на земле больше и они всегда побеждают. Иначе не обновлялось бы все так каждую весну и молодость не была бы вечной для человечества. Ведь человечество немыслимо без молодых!

Наша советская молодость крепко-накрепко связана с Ленинским комсомолом, организацией молодежи, которая целиком посвятила себя борьбе за счастье трудовых людей. И я уверена, нет ничего благороднее на свете, чем эта борьба. Только кому что выпадет на долю: кому винтовка и граната и обагренная кровью шинель, кому летка огненной мартеновской печи или штурвал комбайна, кому тихий, но головоломный научный поиск. Мне выпала забота о земле, о чайном кусте.

Я была участницей XVI и XVII съездов ВЛКСМ. И вот теперь вместе с другими собираюсь принять участие в работе XVIII съезда нашего Ленинского союза.

Я сказала «вместе с другими» и подумала, что, наверное, было бы справедливее подразумевать под этими словами не только тех, что съедутся в апрельские дни в Москву, но и всю нашу 37-миллионную армию комсомола. В самом деле, представьте себе 37 миллионов молодых людей, которые договорились оглянуться на истекшие с последнего комсомольского съезда четыре года. Иные говорят, что молодость не любит оглядываться, ей, мол, это не присуще. Неправда. Я-то знаю, что именно в эту пору жизни человек больше всего размышляет над тем, какую ему избрать дорогу, пробует свои силы в одном, в другом, анализирует поступки и лишь на основании этого анализа и пробы сил двигается вперед. Что уж говорить о целой организации, да еще такой массовой, как Ленинский союз молодежи, целью которого является всегда и во всем быть помощником и боевым резервом Коммунистической партии Советского Союза.

Вот об этом и скажем поначалу — о том, что прошедшие четыре года мы жили всеми теми событиями, которыми была обозначена жизнь нашей партии и народа. А она была обозначена поистине историческими вехами.

Мне выпало огромное счастье быть участницей XXV съезда Коммунистической партии Советского Союза. Коммунисты республики, посылая меня на этот съезд, сказали тем самым, что они доверяют молодости, доверяют совсем еще юному, «необстрелянному» коммунисту быть их представителем на таком высоком собрании. Именно так я поняла это. А уже делегаты съезда оказали мне доверие еще более высокого ранга, избрали в Секретариат съезда, приобщив таким образом еще ближе к историческим партийным документам, над реализацией которых работает сегодня вся наша страна. Все это я приняла не на счет своих личных способностей, а как знак большого уважения к нашей трудовой молодежи, которая всегда держала и будет держать революционный шаг.

«Революционный держим шаг!» Под таким девизом прошел у нас следующий, 1977 год, год шестидесятилетия Великого Октября.

Такие дорогие для всего нашего народа даты помогают нам вызвать волну нового патриотического движения среди молодых. Это и октябрьская вахта, лучшие из участников которой удостоились сфотографироваться у легендарного крейсера «Аврора» и поставить свою подпись под рапортом Ленинского комсомола ЦК КПСС. И неделя революционной славы, посвященная пропаганде идей интернационализма, дружбы и братства советских народов. И международная молодежная встреча на тему «Октябрь и молодежь». Много интересных дел придумывала молодежь, встречая этот революционный праздник. Особенно хорош был состоявшийся в Иванове Всесоюзный слет победителей похода по местам революционной, боевой и трудовой славы. За спиной участников похода 140 тысяч открытых или пополненных общественных музеев, комнат или уголков славы. Они соорудили 65 тысяч мемориальных знаков в местах, отмеченных подвигами советских людей, для того, чтобы подвиги эти никогда и никем не были забыты.

1977-й отличается еще одной исторической вехой. Пройдут годы, но мы, участники сессии Верховного Совета СССР девятого созыва, принявшие новую Конституцию СССР 1977 года, никогда не забудем этого дня.

А как много значит то, что 18,4 процента общего числа народных депутатов высшего органа Советской власти составляет молодежь. Скажем кстати, что в американском конгрессе эта цифра не достигает и одного процента...

Западная молодежь часто задает нам один и тот же вопрос: «Как вы можете жить без проблем, без борьбы? Вот мы, например, боремся против безработицы, боремся против правительственных беззаконий. А вы?»

У нас проблем хоть отбавляй, отвечаем мы таким. Просто они совсем другие. Вот, скажем, проблема молодых профессиональных рабочих кадров. Рабочих не хватает: дел больше, чем людей, которые способны их выполнить. Проблема воспитания. Нашей молодежи много дано, и это притупило у некоторой ее части чувство отдачи, вызвало иждивенческое, легкое отношение к государственному добру. Проблема качества учебы. Учатся у нас очень многие, 42 процента всех комсомольцев. Но всегда ли это на высоком уровне? Словом, всего не перечислишь. Говорю это потому, что дел у комсомола много. И если организация союза численно растет (за время от съезда к съезду в нее влилось более 4 миллионов человек), то можно считать, что молодежь привлекает серьезность проблем, которые взялся решать комсомол.

А посмотрите, какое большое влияние на авторитет ВЛКСМ оказало участие комсомольцев в крупнейших стройках страны! Горячее, живое и страстное дело всегда необходимо молодым для приложения и испытания своих физических и духовных сил. Новостройки большие, сложные, условия работы, как ни старайся, далеко не домашние. Но добровольцев — хоть отбавляй!

Огромное капитальное строительство ведется на территории нашей страны во всех отраслях народного хозяйства. Ежегодно вступают в строй новые доменные и сталеплавильные печи, электростанции, прокладываются новые тысячи километров газо- и нефтепроводов, железных дорог, строятся угольные шахты, производственно-территориальные комплексы, предприятия большой химии, мелиоративные и водохозяйственные объекты. И всюду на этих стройках — комсомол с его задором, энтузиазмом, стремлением творить, созидать.

И есть еще у комсомола обязанность — хорошо трудиться на своих самых обыденных постах: в колхозах, на заводах, в исследовательских лабораториях, на транспорте, в учреждениях, в искусстве, спорте, в сфере обслуживания. А что значит хорошо трудиться, об этом с предельной ясностью сказал нам XXV съезд КПСС. Всемерно поддерживая решения этого съезда, комсомол выдвинул как самую свою главную заботу дня: «Пятилетке эффективности и качества — энтузиазм и творчество молодых!» Начавшееся под этим лозунгом движение в производственных комсомольско-молодежных коллективах Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев назвал ярким, убедительным доказательством верности молодого поколения идеалам коммунизма, заветам Ленина, делу Коммунистической партии. Более 20 миллионов юношей и девушек участвуют сегодня в этом движении, около десяти миллионов из них удостоены звания «Ударник коммунистического труда». В период между съездами десять тысяч молодых тружеников награждены высокими правительственными наградами. 7386 человек — знаками ЦК ВЛКСМ «Молодой гвардеец пятилетки».

В дни, когда подводятся итоги пройденного от съезда к съезду, нельзя не сказать о той славе, которую приносят нашей Родине советские спортсмены, молодые деятели искусства, художники, певцы, музыканты, актеры. Мы возлагаем большие надежды на тех, кто будет защищать спортивную честь Родины у себя дома на предстоящей Олимпиаде-80, а пока рабочая молодежь не покладая рук трудится на строительстве основных объектов Олимпиады, объявленных Всесоюзной ударной комсомольской стройкой.

Строим, строим, строим... Строим свои города, заводы, фермы, рабочие поселки. Строим свою жизнь. Строим свою биографию. Что касается одной моей маленькой жизни в течение этих четырех лет, здесь выдалось много незабываемого, прямо-таки сказочного. Я уже говорила: я была членом Секретариата XXV съезда КПСС. К тому времени я закончила институт и стала обладательницей диплома агронома. Вторично избранная депутатом Верховного Совета СССР, я продолжала свою депутатскую деятельность в Чаквском округе.

Были и личные радости за эти годы. Появился у меня спутник жизни, он инженер-электрик. У нас уже есть сын, ему полтора годика. Мне кажется, счастливее меня нет человека на свете. Недаром друзья и знакомые спрашивают меня: «Покажи, Кетино, ту колыбель, в которой ты выросла!»

А я выросла в самой обыкновенной деревенской люльке в доме колхозного бригадира. А потом встала и пошла в ногу со своим поколением. Это большое счастье — быть комсомольцем и идти в ногу со своим поколением!

СОЛИДАРНОСТЬ

Отто ГОЧЕ,
писатель, общественный деятель (ГДР)

Вместе мы образуем прочный союз. Никто не в силах разорвать узы нашего содружества.

...Когда в России было свергнуто самодержавие, у трудящихся Германии, у горняков моего родного края появилась надежда, что русская революция принесет им мир. В Германии царил голод, народ устал от войны. На военных заводах в Галле, на предприятиях «Лойна» рабочие отказывались повиноваться, тысячами выходили на демонстрации. На мансфельдских шахтах дело дошло до стычек с администрацией. Последовали аресты, многие горняки были посланы в окопы. Война продолжалась. Потом дошли вести о расстреле июльской демонстрации в Петрограде, о том, что Ленин был вынужден перейти на нелегальное положение.

Ленин! Прежде имя Владимира Ильича было мало известно моим землякам. Правые лидеры немецкого рабочего движения помешали распространению его трудов. Но тем громче, словно долго копившийся грозовой разряд, раздалось на весь мир новое ошеломляющее известие: в России восстание.

Сообщение это всколыхнуло простых людей. Но лишь на следующий день, 28 октября, в нашей «Фольксблатт» появилось уточнение: правительство Керенского свергнуто, власть в руках пролетариата! И все же историческое мировое значение тех октябрьских дней доходило до сознания горняков не полностью. Этому помешала цензура. Буквально по крупицам, часто в искаженном виде просачивались новости о происходящих в России событиях. Большей частью они приходили через Лондон или Стокгольм и изобиловали сообщениями об «ужасных преступлениях» большевиков. Уже тогда началась кампания клеветы на русских рабочих и крестьян, на их государство. Родилось уродливое чадо антибольшевизма.

Но правду утаить не удалось, до нас дошли ленинские требования: Немедленно начать мирные переговоры! Земля крестьянам! Вся власть Советам! Помню, словно это было вчера: горняки только и говорили о революции в России. «Что будет у нас в Германии?» — задавались все одним вопросом. «Враг — в нашей собственной стране!» — убеждали члены «Союза Спартака», сторонники Карла Либкнехта. И нет другого пути, кроме того, что предложен Лениным. Я присоединился к ним. «Долой войну! Покончить с массовым убийством!» — писали мы в своих листовках. В ноябре 1918 года мы подняли на крыше ратуши тысячелетнего Айслебена красный флаг. «Руки прочь от Советской России!» — этот клич, подхваченный миллионами голосов, звучал во время каждой нашей демонстрации. Немецкие рабочие собирали хлеб, инструменты, деньги на медикаменты и продукты, чтобы помочь молодой Республике Советов.

Революция в Германии потерпела поражение. Да, тогда мы проиграли битву за нашу собственную революцию, это горькая историческая правда. Немецкому рабочему классу недоставало марксистско-ленинской партии, труды Ленина «Что делать?», «Государство и революция» и другие стали известны нам позже. Лишь с появлением во главе нашей партии Эрнста Тельмана мы вступили на путь развития партии ленинского типа. И сегодня я признаюсь откровенно: я тоже один из тех немецких коммунистов, которые смогли преодолеть свой социал-демократизм, пустивший тогда крепкие корни в наш рабочий класс, лишь спустя многие годы борьбы, ошибок и неслыханных потерь. В октябре 1923 года вместе с тысячами других коммунистов я был арестован. Весть о кончине Ленина встретил в тюрьме Айслебена. Не мне одному тогда казалось, что все кончено. Кончено? Нет, это было заблуждением. Росла и крепла Советская держава, жило творение Ленина! Свет исторической правды исходил от Страны Советов, и с каждым годом рос ее авторитет.

В первое воскресенье сентября 1927 года молодежь мира праздновала свой международный день солидарности. Тогда, десять лет спустя после Великой Октябрьской социалистической революции, в составе делегации из пяти молодых немецких рабочих я приехал по приглашению ЦК комсомола в Москву.

Десять тысяч комсомольцев собрались на Красной площади, прошли маршем, частично вооруженные, мимо трибун тогда еще деревянного Мавзолея, где стояли руководители Советского государства. Площадь слушала их выступления. Мы, представлявшие Коммунистический союз молодежи Германии, были несказанно горды, что присутствуем на этом празднике. Один из нас тоже взял слово.

А пятью месяцами раньше IV съезд Советов поручил Советскому правительству разработать первый пятилетний план. Немецкий поэт Иоганнес Бехер писал свой эпос «Великий план». Музыкой звучали для нас названия — Турксиб, Днепрострой, Волховстрой. Мы видели, как вырастали в Москве на старой Тверской первые большие дома, и в их числе здание с глобусом на фасаде — одна из достопримечательностей сегодняшней улицы Горького. И мы радовались темпу стройки вместе с московскими товарищами. Многие молодые немецкие рабочие трудились в знак солидарности вместе с советскими друзьями на предприятиях первой в мире страны социализма.

В империалистической Германии господствовала безработица, почти семь миллионов рабочих были лишены куска хлеба, треть всех рабочих семей сводили концы с концами только благодаря пожертвованиям. Именно тогда Советский Союз направил Германии огромные заказы. Сотни тысяч немецких рабочих и специалистов получили работу, и все они знали о братской солидарности советских людей.

В самые тяжелые годы разгула нацизма мы никогда не теряли надежды, наша вера в Советскую страну была непоколебимой. Мои товарищи по антифашистской рабочей группе вели подпольную борьбу против господства нацистов.

После разгрома фашизма мы установили в Айслебене, моем родном городе, памятник Ленину, похищенный гитлеровцами в Пушкине под Ленинградом и привезенный сюда для переплавки, но спасенный советскими и немецкими товарищами...

В минувшем году мы поздравляли народы Советского Союза с 60-летием Великого Октября, с новым историческим законом — Конституцией СССР, которая стала путеводным маяком для всех людей, борющихся за свободу, мир и социализм.

Вам, дорогие советские друзья, читающие эти строки, мы обязаны тем, что у нас есть жизнь и свобода, счастливое мирное будущее, а главное — свободное рабоче-крестьянское государство, строительству социализма в котором мы отдаем все силы, — Германская Демократическая Республика. Вместе мы образуем прочный союз.

Берлин.

Микола НАГНИБЕДА

ПРОШУ ТЕБЯ, ДОЛЯ...

●

Не дай, моя доля, детей пережить мне,
Святую Отчизну не дай разлюбить мне,
Не дай никогда отступить от присяги,
Которую слышали Ленина стяги.

Не дай мне, о доля,
Лжи покориться,
Не дай мне смиренно врагу поклониться,
Не дай позавидовать радостям юных,
Не дай не дослушать хоров многострунных.

Не дай мне, о доля,
И капли сомненья,
Неискренним быть мне не дай и мгновенья,
Не дай позабыть дорогие могилы,
Где витязи спят, что фашистов громили.

Не дай с равнодушием,
Доля, мне знаться,
Не дай с себялюбцем спесивым обняться,
Не дай позабыть мне Тарасовы муки,
Не дай оскорбить мне рабочие руки.

Не дай, моя доля, детей пережить мне,
Святую Отчизну не дай разлюбить мне,
Не дай никогда отступить от присяги,
Которую слышали Ленина стяги.

ВИДЕНИЕ

Ю. П. БУТЫЛИНУ.

...Я умирал...
И в час последний мой
Предстала степь
И Днепр передо мной,
Что вспыхивал вдали зарницей...
И ты встревоженною птицей
Летишь по ниве росяной
С простертыми ко мне руками —
А журавли по-над тобой
Плывут, плывут, плывут ключами.

И я плыву, лечу средь них...
Уж превратились в крылья руки,
И я курлычу песни их —
Хоралы вечные разлуки.

Но землю слышу с высоты:
Как ты зовешь меня с любовью,
И стаю умоляешь ты
Вернуться в степи Приднепровья.

Я с неба голос подаю...
Но крыл сворачивать нельзя мне,
Чтоб на земную скорбь твою
Я мог упасть хотя бы камнем...

Но боль твоя мне сердце жжет
И крылья гнет...
И я из клина
Бросаюсь, свой прервав полет,
К тебе, к гнездовьям тополиным...

Проснулся ль я от долгих снов,
Иль брежу, как в тумане, зыбко...
В глазах тревожных докторов
Надежды первая улыбка...

А за окном,
вдали, вдали
Домой спешили журавли...

ЛАСТОЧКИ ДРУЗЕЙ

Не прячу я свою любовь —
Пускай все люди знают,
Что ласточки моих сябров
Мне в душу залетают.

Крылом по сердцу — и в полет...
Касанье душу растревожит,
И за Десну меня зовет,
Где озера синеет ложе.

Туда, где в зелени боров
Поднялись города и села —
На праздник песни у сябров,
На праздник щедрый и веселый.

Там, в пояс поклонясь борам
И Минску — гордому герою,
Я сердце настежь всем сябрам
И песням-ласточкам открою.

ИЗ ЮНОШЕСКОЙ ТЕТРАДИ

Пусть говорят,
Пускай судачат все,
Что ты самозабвенно полюбила,
Что босиком по утренней росе,
По кромке неба ты ко мне спешила.

Пусть говорят,
Что из лугов весны
Ты соткала цветастые наряды
И лентами из даль-голубизны
Обшила их на счастье и на радость.

Пусть с завистью толкует все село,
Что ты на нитку росы нанизала
И горделиво юное чело
Венцом из рос жемчужных украшала.

Пускай подруги шепчутся вокруг,
Таинственно, со знаньем дела,
Что посинели очи твои вдруг,
Поскольку ты в глаза мои глядела.

Пусть говорят...
Пусть говорят о том,
Что лен за всех сама ты выбирала,
Купалась обнаженной под дождем
И радугою перси вытирала.

Пусть мудрые толкуют старики
И бо́жатся, что, дескать, из зарницы
Сплетая золотистые пучки,
Вязала ими ты снопы пшеницы.

Пусть говорят, что, мол, коса твоя
Меня к тебе навечно привязала...
Когда же, наконец, услышу я,
Что ты со мною ночку коротала?

ПРОГУЛКА В ЛЕСУ

Все вспомнилось...
Ночные грозы,
И туч рассветных карусели,
И те бесстыдницы березы,
Что нашу ночку подглядели,
И как грибы в траве высокой
На нас глазели любопытно,
И две насмешницы-сороки,
Что обсуждали нас, как видно...

И сивого тумана бурка,
Что от нескромных глаз скрывала,
И козни белки рыжей, юркой,
Что в нас орехами швыряла.
И то, как ослепляли росы,
В насмешку будто, наши очи,
И дятла глупые угрозы,
Стучавшего что было мочи...

Мы вынесли достойно муки...

Пускай нам снова
Дятла стуки,
И птичьи сплетни и угрозы,
И ослепляющие росы,
Пускай стоцветные светанья,
Сторазовые расставанья,—
Пускай тебе и мне —
Пускай!

ВЫСОТА

Благословенный дар светанья,—
Часы раздумий и росы,
Ему отдашь без колебанья
Ты сердце, полное красы.

Благословенны все щедроты,
Рожденные в душе людской,
И первый взмах крылом работы,
И плуг, сверкающий росой.

Благословенны вы, знамена,
Зарей стремящиеся ввысь,
Моря просторов, что бездонно
Над родиною разлились.

Благословенны трудовые
Победы в наш веселья час
И руки матери, впервые
Поднявшие над миром нас.

Перевел с украинского
Евгений КРИЖЕВИЧ.

Владимир **КАТИН**

ЖЕСТОКО

Франция очаровывает. Такое восприятие страны не ново. В прошлом Франция всегда привлекала россиян, нравилась им, импонировала. И сейчас советские люди, бывая здесь, с интересом вглядываются в мелькающую карусель необычной парижской жизни. Даже в самой краткосрочной командировке найдется у приезжего «окно», чтобы побывать на холме Монмартра и потолкаться там среди экстравагантных художников, чтобы выбраться в неугомонный Латинский квартал, на простор Больших бульваров и в асфальтированный Булонский лес... Ведь все это заочно давно знакомо с детства — по книгам, фильмам, репродукциям, напевам.

Пожалуй, о Франции мы знаем больше, чем о любой другой стране. Заглянув в себя, видишь, что и в самом деле крепко отложилась в памяти ее легендарная история, лучше чувствуешь ее яркую культуру. Нельзя сказать, что это взаимно — французы знают о нас приблизительно и недостоверно. Причина тому — особое информационно-пропагандистское устройство, механизм которого действует так, что французская публика получает изображение нашей жизни до неузнаваемости деформированным, порой карикатурным. Но речь сейчас не о том.

Живя во Франции несколько лет, невольно глубже вникаешь в нее, обстоятельней узнаешь. Изо дня в день накапливаются наблюдения, порой мимолетные, на первый взгляд совсем незначительные, но, собранные вместе, они дают уже не глянцевое туристское впечатление, а нечто более серьезное. Ведь одно дело заглянуть, скажем, в гости на званый праздник, когда все к этому приготовлено, другое — постоянно жить в чьем-то доме и видеть то, что посторонним не показывают.

ДЕТИ, КОТОРЫХ НЕТ

В старинном городе Реймсе шестилетняя Мюрель была насмерть забита своим собственным отцом. Невзлюбив почему-то ребенка, родители взялись изводить его голодом, побоями, темнотой. Так длилось месяцами, пока обезумевшая, изувеченная девочка не скончалась...

Дикая, жуткая, но не единичная история. Юридические службы страны ежегодно регистрируют свыше двух с половиной тысяч детей, изуродованных их папами и мамами.

Когда я записывал эти страшные цифры в блокнот, полицейский чиновник заметил: «Помножьте на десять! Как минимум. Это только известные случаи, которые уж никак не скрыть, когда вмешивается полиция или не обойтись без врача».

Беседую с участковым фельдшером, работающим по вызовам. Вот его показания: «В моем округе меня часто приглашают к детям, страдающим от... ну, скажем, сурового нрава родителей. Я оказываю первую помощь, но не сообщаю в полицию. Ведь в противном случае ко мне перестанут обращаться, а хуже от этого будет только малышам».

В Центральном полицейском архиве хранится обширная картотека зверств над малолетними, зверств со смертельным исходом. Леденящая кровь документация, слабонервных сюда не допускают. На зеленоватых фишках из плотной, как картон, бумаги наклеены фотографии безмятежно счастливых детей — снимки взяты из семейных альбомов. В графе «причина смерти» мелькает: побои, удушение, истязание...

Все в том же Реймсе некий Жак Эврар, поссорившись с супругой и выгнав ее из дома, перестрелял своих четверых спящих в кроватках детей. Со зла. Чтобы досадить. Чтобы проучить жену. Случай не из ряда вон. Хладнокровно и обстоятельно точно такое же убийство повторил Клод Прево из Руана, от которого ушла жена. В отместку он застрелил из охотничьего ружья всех четверых детей — шести, десяти, одиннадцати и двенадцати лет.

Перебираю кипы пронумерованных трагедий... Андре Фурке после семейной ссоры отвел в лес двух детей — десяти и тринадцати лет — и расстрелял в упор из обреза... Четырехлетнюю Сабину Ваш родители избивали металлическими предметами, оставляя дома одну, связывали, морили голодом; соседи видели, как девочка ела на лужайке траву и цветы. Смерть наступила от побоев... Сильвия Жоффэи из Дьеппа заперла своих сыновей (два и четыре года) в пустой квартире и уехала в другой город к подруге. Дети погибли голодной смертью.

Довольно кошмарных репортажей, которым не видно конца. Посмотрим, что думает об этом правосудие. Полистаем салатного цвета фишки; вчитаемся в телеграфно-лаконичный язык досье, где в двух-трех строчках спрессованы трагедии, от которых, наверное, даже Хичкоку стало бы не по себе. Заглянем в графу «мера наказания», здесь проставлена кара.

Передо мной дело А. Полетто, сорокалетнего марсельца без определенных занятий. Несколько лет назад он нанес смертельные ножевые раны женщине, с которой вместе жил. Приговоренный судом к четырем годам лишения свободы, он уже через два года был освобожден за примерное поведение. Нашел новую подругу, однако вскоре убил и ее. Поскольку убийца-рецидивист, как уже было сказано, отличался безупречным поведением, тюремное начальство разрешило ему... увольнительные. Что это значит? Очень просто. Каждые три месяца осужденный выходит в пятидневные «отгулы» на волю. Под честное слово. Во Франции есть такое оригинальное правило или право, не знаю, как точнее назвать. Разумеется, всякого рода головорезы, насильники, грабители, фальшивомонетчики этим правом широко пользуются. Не всегда, конечно, свое «честное слово» сдерживают — порой «забывают» вернуться под стражу. Итак, во время очередного выхода из тюремной камеры в ту жизнь, от которой его изолировали, Полетто изнасиловал свою собственную десятилетнюю дочь и задушил ее... Его снова судили, уже в третий раз, признав, однако, умственно вполне нормальным.

Или вот другой случай. Рене Бази из Страсбурга несколько лет назад злодейски убил свою подругу и ее взрослую дочь. Осужденный на длительный срок, он вскоре оказался на свободе с аттестатом «хорошего поведения». Повстречав случайно двух юных сестер на прогулке в лесу, он жестоко расправился с ними. Убийцу снова будут судить или, может быть, уже осудили, но надолго ли?

В каждой стране свои порядки. Порой эти порядки кажутся несколько странными. Судите сами.

Молодые, полные сил и здоровья супруги Бэнке из Парижа так избили своего четырехмесячного младенца, что он скончался. Оказалось, ребенок в тот вечер громко плакал и мешал родителям развлекаться. Судебные власти простили их, посчитав неопасными для общества. «Это ведь не какие-то заправские гангстеры»,— благодушно резюмировал прокурор, отпуская с миром молодую чету. Жизнь их второго ребенка продолжалась всего два месяца, его постигла та же участь. Но и это сошло детоубийцам с рук.

Жоселина Лашарм из Лиона, по свидетельству родных и близких, обожала своего девятилетнего мальчика. Остро переживая семейный разлад и конфликт со свекровью, она ничего не придумала лучшего, как застрелить любимого сына из двадцатидвухкалиберного револьвера. На следствии заявила, что таким поступком доказала всем. Что доказала? Не знаю... Эта история меня очень потрясла. Почему-то казалось, что такая мать либо должна сойти с ума, либо наложить на себя руки. Навел справки. Приговоренная к двум годам, Жоселина вполне оправилась от испуга, работает сейчас в тюремной библиотеке, строит планы на будущее.

ГДЕ ИСТОКИ!

И в чем же все-таки первопричина? Почему люди, которым школа, дом, церковь прививали добро и миролюбие, скатываются до уровня нацистских подонков или ниже того? Трудно, очень трудно понять столь уродливые гримасы современной западной цивилизации. Но в каждой вопиющей драме, разыгравшейся при неодинаковых обстоятельствах, просматриваются крупицы какой-то общей породы. Крепко и глубоко сидит в здешнем индивидууме сознание собственности, личного, своего. Даже по отношению к детям... Каким-то косвенным, но последовательно органическим путем нашло это отражение и в самой юриспруденции, а отсюда вызревает психология безнаказанности, а из нее вылупляется жестокость.

Безнаказанность бывает вызывающей. На юге Франции, неподалеку от города Монпелье, настоятель интерната святой отец Фабр много лет садистски мучил вверенных ему детей. Все сходило с рук. Даже когда погибла тринадцатилетняя Изабелла Манш, «воспитателя» не привлекли к ответственности. Если исходить из постулата, что просто так ничего не бывает, то спрашивается: почему же закон глух?

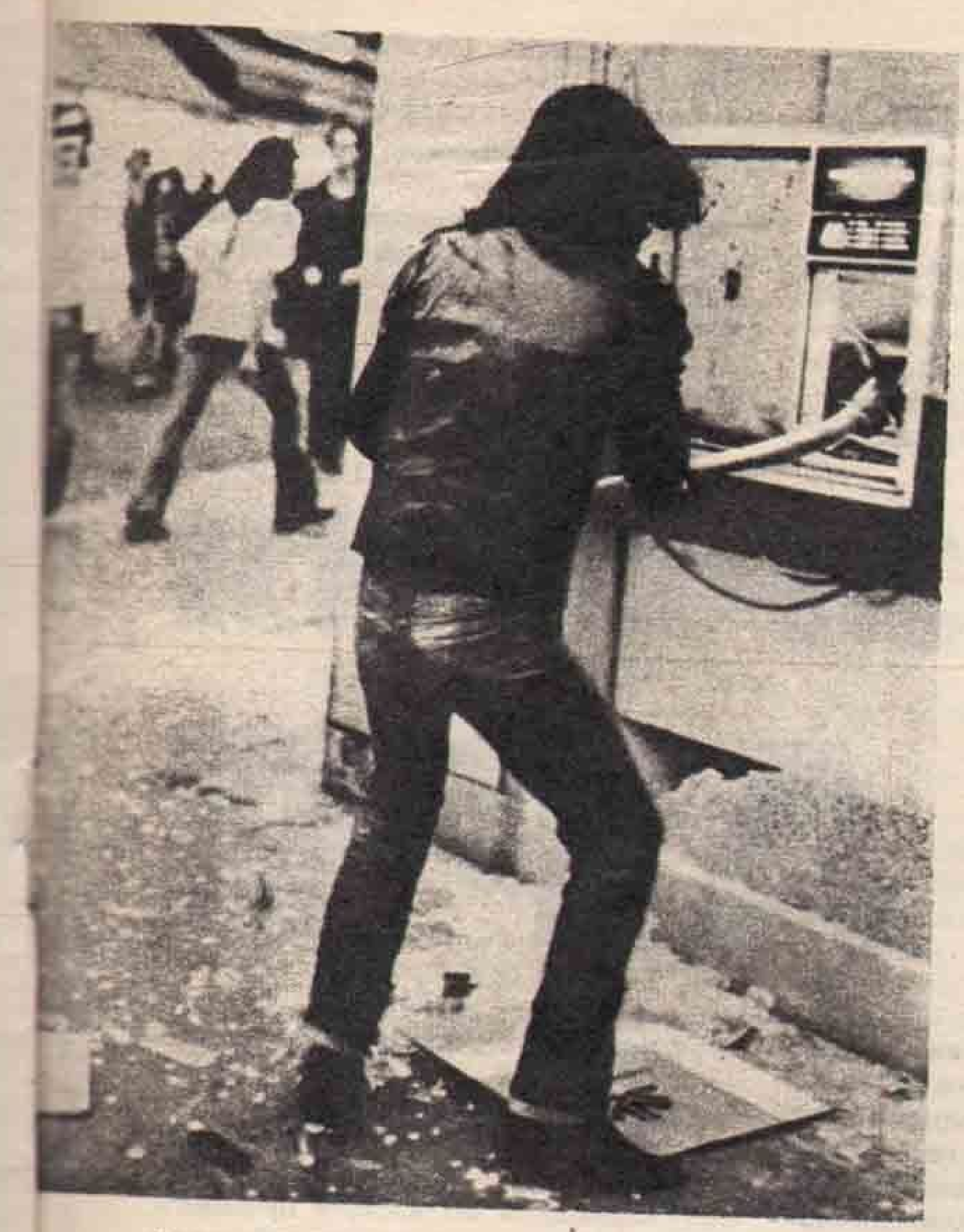
Известно, что преступниками не рождаются. Не рождаются и младенцы с генами садизма. Однако налицо ошарашивающая жестокость людей с хорошими манерами и отнюдь не разбойничьим обликом.

Может быть, впечатлительные детские умы с самых ранних лет поражают на Западе крутые перепады неравенства — у одних шикарные вещи, поместья, виллы, яхты, заводы, даже собственные самолеты и острова; у других ничего. И вкрадывается зависть.

Может быть, позже, уже прикасаясь к настоящей жизни, молодой человек изумленно открывает для себя несовпадение своих восторженных представлений о жизни с грубой ре-

---

Окончание. См. «Огонек» № 16.



В центре Парижа на Монпарнасе слоняющиеся без дела молодые люди громят игральные автоматы.

Фото из журнала «Пари-Матч».

ОСТЬ

альностью. И вклинивается разлад, и чахнут иллюзии.

Может быть, уже включившись в бойкий ритм современной жизни, интегрируясь с ней, человек механически начинает делать так, как все — локтями, ногами, уловкой... А может быть, обжигают воображение остро наперченные и густо посоленные полицейские романы, фильмы насилия и ужасов, весь этот загримированный под романтику гангстеризм.

Вспоминается облик Патрика Анри, фотографии которого обошли всю прессу, мелькали на голубом экране. Молодой франт с интеллигентным лицом, внимательные глаза за стеклами в тонкой оправе, аккуратный пробор. Тайно заманив сынишку своих знакомых к себе в дом, он держал его заложником, требуя по телефону выкупа, а получив деньги, мальчишку задушил. Кажется, от страха быть разоблаченным. Отбывая срок, убийца ведет сейчас из тюрьмы оживленную переписку с массой добровольных корреспондентов (ведь он стал известен на всю страну), которые советуют не падать духом — свобода не за горами. Чтобы даром не терять времени за решеткой, он энергично занимается гуманитарными науками, готовясь заочно защищать диплом. Раскаяние, страх перед будущим, мальчики кровавые в глазах? Ничего подобного. Самым сильным ударом оказалось известие, что конфискована его собственность — полдюжины сельскохозяйственных машин, которые он сдавал в аренду крестьянам. Даже видавшие виды тюремные сторожа качали головами, удивлялись, видя, как горько переживает мсье Анри потерю своего добра — словно и не было задушенного мальчишки. «Мне решительно не везет!» — исступленно кричал убийца, мечась по камере.

Да, такого предмета — жестокость — нет в школьных программах. Не велит убивать ближнего церковь. И в то же время...

Это случилось в небольшом городке Вальдуа, где все жители знают друг друга в лицо и по имени. Два подростка, каждому по пятнадцать лет, сыновья всеми уважаемых в здешних местах коммерсантов, решили раздобыть денег, чтобы купить себе дорогой спиннинг. Поразмыслив, они отправились к старожилу города, к известной своей добротой и отзывчивостью семидесятипятилетней мадам Леплан. Старая женщина, всю жизнь проработав на фабрике, давно вышла на пенсию и живет одна. Радушно встретив молодых людей, она предложила им чаю. Но угощение не интересовало гостей — старуху связали электропроводом и, пригрозив расправой, потребовали деньги. И она отдала свои скудные сбережения. Но парни, открыв для себя источник дохода, приходили еще и еще, избивали беззащитную, пытали ее раскаленным на газовой горелке ножом... «Они без конца требовали денег,— плача, рассказывала несчастная женщина.— Я отдала все, что было...» Когда розовощекие, ухоженные, как купидоны, без проблеска раскаяния в глазах подростки предстали перед судом, блюститель закона хотел отругать их, но махнул рукой и отпустил по домам, пообещав в следующий раз примерно наказать. Дома им тоже не попало. Горой встав на защиту отпрысков, родители во всем обвинили общество: это, мол, оно виновато, с него и спрос.

ОБЩЕСТВО КАК МОДЕЛЬ

Кстати, на общество сетуют беспрестанно, многое ему инкриминируют. Мне доводилось бывать на судебных процессах, и я заметил, что излюбленнейший прием здешних адвокатов — валить на общество все смертные грехи своих подзащитных. Будь то грабитель, насильник, мошенник или наркоман,— это общество его таким сделало, развратило, исковеркало. Недавно судили мужчину, насмерть замучившего своего ребенка побоями; экспертиза установила даже следы укусов на теле... Защитник и здесь винил общество.

Но обвинять общество — это обвинять самих себя, каждого и всех. Когда формируется характер человека, его склонности, вкусы и взгляды, то в этом сложном процессе построения личности общество играет роль как бы модели, с которой берут пример, с которой лепят себя.

Торжественная месса в соборе, куда отправляются всей семьей по воскресеньям, радужные переводные картинки, подаренные к рождеству, патетические и непонятные речи политических лидеров, услышанные по приемнику,— вся эта мишура не может заслонить, не может объяснить того, как в действительности живет общество, то есть люди вокруг. И подрастающий человек замечает, скажем, такое...

Граждан, которым государство и общество не могут дать работу, во Франции больше миллиона. Поскольку безработных так много, то их можно встретить повсюду. Однажды в Тулузе мне довелось увидеть сразу 240 человек. Все как на подбор — молодые, подтянутые. Но подавленные. Это были пилоты — выпускники Национальной школы гражданской авиации. На выпускном собрании им объявили, что работы на ближайшие четыре года не предвидится... Попробуем представить себе состояние этих людей: перед первым самостоятельным вылетом в большую жизнь их мечте беспощадно обрезали крылья. Куда же им теперь лететь? После невеселого собрания и выдачи документов дипломированные летчики расходились по домам. Мне подумалось тогда, что у каждого в семье есть, должно быть, братья, сестры. Гордые за старшего, они выбегут навстречу, потребуют показать голубой с золотым тиснением диплом и станут расспрашивать, почему невесел. Такие события не заноза в пальце. Они не проходят бесследно и действуют на разных людей по-разному. Диапазон протеста может колебаться от затаенной обиды до проклятия, вызова и преступления. Адресат один — общество.

Во Франции строгие статьи закона для неплательщиков. По-иному, очевидно, и нельзя, иначе государство придет к экономической неразберихе. Но не платят, конечно, те, у кого нет денег, то есть обездоленные. Каковы же, интересно, санкции властей?

Мадам Видаль проживает в Париже в крохотной квартире по улице Фобур-дю-Темпиль с 1911 года, сейчас ей 93... В одно прекрасное утро явился фининспектор и стал описывать вещи — старинные часы, тяжелый буфет, шляпы довоенных мод. Оказалось, что старая женщина уже два года неправильно перечисляет квартплату, сумма которой увеличена. Власти приняли решение: чтобы погасить задолженность, конфискованное имущество продать с молотка, а незадачливую квартирантку выселить... В городе Леваллуа шестидесятивосьмилетняя Элен Верне была в постели, когда ее пришли выселять. Она отказалась: «Здесь я прожила пятьдесят четыре года, здесь и умру!» Но завершить свою жизнь ей придется все же где-то в другом месте. Бунтовщицу вынесли прямо с матрацем — в том, в чем была, и отправили в психлечебницу, откуда ее потом вызволили родственники. Закон, конечно же, есть закон. Но жестокий закон сеет жестокость.

Перед рождеством в самом центре Парижа, возле церкви Мадлен, был взорван шикарный гастроном «Фошон», где в любое время года по очень дорогим ценам можно купить свежую малину, арбуз, стерлядь, трюфели и прочую изысканную снедь. Через день взорвали знаменитое кабаре «Распутин», затем летели в воздух богатые цветочные магазины, кинотеатры, ювелирные лавки, вокзальные помещения, конторы электрокомпаний, телевизионные станции и т. д. Всего за минувший год по стране учтено 548 диверсионных взрывов, поджогов, актов саботажа.

Каждые сутки во Франции происходит несколько вооруженных ограблений банков, сберкасс. Банды гангстеров похищают дорогостоящих деловых людей, назначая за них астрономические цены выкупа. То и дело в разных местах запеленговывают появление фальшивых банкнот. По морю, воздуху и суше высаживаются десанты торговцев наркотиками, и для борьбы с ними дрессируют служебных собак. В прессе — предупреждения полицейских служб: женщинам не ходить по пустынным улицам, не ездить вечером в метро, не открывать дверь почтальону и водопроводчику... Автомобилистам в ночное время рекомендуется закрывать дверцы изнутри: участились случаи внезапных нападений, когда машина останавливается на красный свет светофора. В кинотеатре перед началом сеанса вас вежливо предупреждают с экрана: не кладите сумки и портфели возле кресел, вы их можете потом не найти. Многие магазины не принимают чеки: «Оплата только наличными, слишком часто чеки не обеспечены вкладами».

Все это фрагменты жизни сегодняшней Франции, в которой поселился и живет страх. Проявляется он по-разному, этот страх, у него, как у гриппа, могут быть самые разнообразные формы. Но главное, что страх угнездился везде и повсюду, по всей вертикали общества — от нищей старухи, которую истязают сорванцы, до барона Эмпена — мультимиллиардера, украденного в январе этого года возле его парижского дома по авеню Фош. Страх и жестокость идут рядом.

...На дорогах Франции, при въездах и выездах в города, патрулируют жандармы. Как будто и не мирное время... Учтиво проверяют документы, тщательно осматривают багаж. Миниатюрные, словно игрушечные, автоматики наперевес. Спрашиваю: можно ли угадать преступника по каким-то признакам, по его манерам или поведению? Жандармы смеются: «О нет, мсье! Так было прежде, когда преступный мир жил своим узким кланом, в своих границах, и мы знали, кто на что горазд. Теперь, мсье, все перемешалось, каждый с виду добропорядочный человек между делом может украсть, убить, изнасиловать и жить себе дальше как ни в чем не бывало».

И мне вспомнились газетные репортажи о полицейских, промышлявших грабежом.

Париж

По традиции хоккейный сезон заканчивается на самой высокой ноте — мировым первенством. В нынешнем году оно пройдет в Праге с 26 апреля по 14 мая. В составе советской команды много известных нам игроков, неоднократных победителей зимних Олимпиад, первенств мира и Европы. И открывается список сборной СССР фамилией Владислава Третьяка,— ведь команда начинается с вратаря. Вот уже много лет Третьяк с успехом защищает ворота сборной. В его коллекции — пять золотых медалей чемпиона мира, две золотые олимпийские медали. Сегодня Владислав Третьяк делится своими мыслями о современном хоккее.

С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ВРАТАРЯ

Владислав ТРЕТЬЯК,
член ЦК ВЛКСМ

Вратарей у нас менее всего знают в лицо: виноваты маски, надежно защищающие голкиперов не только от летящих шайб, но и от недремлющего ока телевидения. Полевой игрок, едва появившись в составе, уже знаком миллионам людей, вратари же могут играть целый сезон, а различают их лишь по номерам на свитерах. Я вовсе не хочу сказать, что они обделены славой и вниманием, но факт остается фактом: хоккейных вратарей на улице узнают редко. Хотя, повторю, вниманием наш брат не обижен. Болельщик — а он у нас, как правило, объективный, хорошо разбирающийся в игре — прекрасно видит, каково сейчас приходится вратарям, когда главный акцент в хоккее делается на атаку, когда нагрузки у вратарей возросли и соответственно изменилась, выросла их роль в команде. Болельщик с симпатией и состраданием относится к участи стражей ворот, чутко реагирует на их удачи, старается прощать промахи. Спасибо ему за это. А еще болельщик старается представить себе лицо под маской, проникнуть в психологию человека, в которого летят тяжелые, словно булыжники, шайбы.

У меня к зрителям навсегда останутся самые теплые чувства. Между нами никогда не было недоразумений, никогда, начиная с того памятного матча ЦСКА — «Спартак» в 1969 году, от которого я веду отсчет своей хоккейной карьеры. Когда в тот день А. В. Тарасов поставил меня в состав, даже бывалые армейские игроки восприняли это, мягко говоря, недоверчиво: еще ни разу их ворота не защищал мальчишка. Да, я был самый натуральный мальчишка — с чубчиком, с длинной цыплячьей шеей. Испуганный мальчишка. А Тарасов в меня поверил, и болельщики поверили: каждую мою удачу в том матче — даже самую маленькую — они награждали аплодисментами. С тех пор у меня установились самые теплые отношения с любителями хоккея, и я всегда рад встрече с ними.

Такие встречи проходят не только во дворцах спорта, но и в больших студенческих аудиториях, и в заводских клубах, и в воинских частях. Люди как будто хотят сопоставить наше хоккейное умение с чисто человеческими качествами, проверить свое отношение к тому или другому хоккеисту.

Вот об одной из таких встреч, состоявшейся в феврале 1978 года, я и хочу рассказать.

...Гигантский актовый зал полон. Украдкой из боковой двери я всматриваюсь в лица людей. Большинство из них молоды, и это понятно: актовый зал принадлежит крупному столичному институту. Меня охватывает волнение. Это мало похоже на те ощущения, что бывают во время матча. Там стараешься максимально сосредоточиться на игре, не видишь никого и ничего, кроме хоккеистов и шайбы, там стоит только начаться матчу, как от волнения не остается следа, а здесь у тебя глаза разбегаются, ведь полторы тысячи человек пришли словно специально для того, чтобы посмотреть, какой ты без маски. Да, весь вечер тебе «играть» без маски... Но тут же вносишь поправку в эту тревожную мысль: у меня есть время освоиться — перед встречей организаторы показывают фильм «Владислав Третьяк против Бобби Халла», снятый в 1974 году в ходе матчей сборной СССР со сборной ВХА.

Я уже видел раньше этот фильм, но все равно, как только гаснет свет, испытываю внутренний трепет, тот особый эмоциональный подъем, который всегда вызывают у меня воспоминания о встречах с канадскими профессионалами. Наверное, я самый внимательный зритель в зале и уж наверняка самый отзывчивый. На широком экране Бобби Халл снова и снова атакует мои ворота — воют сирены, ревут трибуны, со свистом летят шайбы. Держись, вратарь! Так и было в семьдесят четвертом. Незабываемые мгновения!

Фильм, кажется, задел за живое не только меня. Поднимаясь на сцену, вижу, как взволнованы люди, как искренни их аплодисменты. Успеваю подумать о том, что контакт с аудиторией вроде бы уже налажен, теперь важно его не потерять. И сразу же на меня обрушивается шквал вопросов. На столе вырастает целая гора записок. «Пожалуйста, Владислав»,— с улыбкой протягивает мне микрофон ведущий.

Беру наугад первую попавшуюся записку: «Какую черту в характере человека вы считаете самой главной?»

— Трудолюбие,— отвечаю я.

«Как вы относитесь к подобным встречам с болельщиками?»

— Очень хорошо. Такие встречи повышают нашу ответственность перед вами, любителями спорта. К тому же мой долг члена ЦК ВЛКСМ, комсорга сборной всячески пропагандировать физическую культуру среди молодежи.

«Кто, по вашему мнению, лучший из зарубежных вратарей?»

— Джерри Чиверс из ВХА.

«Бывают ли у вас минуты страха в ходе матча?»

— Раньше, когда только-только надел форму голкипера, случалось, боялся шайбы. Теперь же на льду я настолько погружен в свое дело, что все постороннее перестает существовать. Хотя, конечно, вратарей не нужно считать абсолютно бесстрашными людьми. Ничего не боятся только безголовые глупцы. Скажем, во время тренировок я всегда помню об опасности — ведь в створ ворот летят одновременно по пять-шесть шайб, на каждую не среагируешь. От прямого же попадания не спасают никакие щитки—боль страшная.

«Чем объяснить спад в вашей игре?»

Вопрос серьезный, тут двумя словами не отделаешься. Спад в моей игре... Об этом сейчас часто пишут газеты, призывая тренеров дать Третьяку отдых, об этом много говорят болельщики. Такое впечатление, будто впервые в игре хоккеиста заметили спад и он, этот спад, прямо-таки противоестественное, необъяснимое явление. А ведь ни один спортсмен не может сохранять высокую форму в течение всего года, это-то как раз и будет противоестественным. Да разве только спортсмен? Возьмите любого человека — периоды творческой активности неизбежно чередуются с какими-то остановками, отступлениями... В большом же спорте, когда речь идет о работе, о творчестве на грани человеческих возможностей, пик формы — дело чрезвычайно тонкое.

Ошибаются те, кто думает, будто раньше я защищал ворота всегда одинаково — что осенью, что зимой, что летом... В середине всех прошлых сезонов меня неминуемо ожидал некий кризис. Так было каждый год, за исключением, пожалуй, 76-го, когда я вполне удачно сыграл в «суперсерии» (но, впрочем, не совсем хорошо двумя неделями раньше в призе «Известий»).

Почему же нынешний спад в моей игре вызвал так много пересудов?

Размышляя об этом, я пришел к следующему выводу: виной тому неудача нашей сборной в матче с чехословацкими хоккеистами на декабрьском турнире «Известий», неудача, в которой не последнюю роль сыграл и я. Как же нелепо сложился для нас тот матч! Это была какая-то «трагедия ошибок», причем ошибались все без исключения. Будто на трибуне сидел некий, подобный старику Хоттабычу джинн и нагонял на нас порчу.

Так обычный спад приобрел столь необыкновенно широкий резонанс. Правда, здесь необходимо отметить еще одно важное обстоятельство. Не знаю, как других, а меня порядком измотала серия встреч с клубами ВХА — в Японии, США и Канаде. Какого-то особого удовлетворения эти встречи никому не принесли, зато сил отняли много. А вернулись домой — сразу чемпионат СССР, опять на лед.

Тут-то и начала себя выказывать усталость. Накапливаясь постепенно и в мышцах и в закоулках нервной системы, она теперь, как змея, стала выползать и жалить. Иногда очень больно. Скажем, в матче с «Трактором» я пропустил шесть шайб. Идет игра, я все вроде бы делаю правильно, я здоров, бодр, хорошо настроен, ни на что пожаловаться не могу, а шайбы влетают в ворота. На долю мгновения опоздал выкатиться навстречу атакующему игроку — гол. Чуть помедлил включиться во время дальнего броска — гол. Пропустив же две-три легкие шайбы, начинаешь нервничать и тогда, напротив, все делаешь чуточку быстрее, чем нужно. Опять плохо...

Легко было растеряться, запаниковать, но не такая у нас команда, чтобы дать игрока в обиду. Никто из ребят мне слова не сказал. Бывает, выгребаешь с понурым видом шайбу из своих ворот, а Михайлов подъедет: «Ничего, Владик, мы им сейчас больше забьем». И забивали — вспомните хотя бы тот злополучный матч с «Трактором»: счет все равно оказался в нашу пользу —8:6.

И тренерам спасибо. Виктор Васильевич Тихонов снизил для меня нагрузки во время тренировок,

старался всячески подбодрить. Иной раз на занятиях, чтобы полностью отключить меня от вратарских проблем, он говорил: «Поиграй в нападении»,— и я менял свою тяжелую клюшку на легкий «банан», забивал шайбы и радовался этому, как мальчишка.

Да, у каждого спортсмена в игре могут быть спады, но не нужно делать из этого трагедию. Гораздо полезнее помочь человеку не потерять уверенности в себе, помочь быстрее обрести высокую спортивную форму.

— Вы, наверное, тоже не всегда учитесь только на «отлично»,— говорю я студентам, и зал взрывается смехом.

«Почему так много матчей пропустил Бабинов?»

— В игре с «Трактором» шайба попала ему в лицо. После такой травмы не скоро поправишься. Но я знаю Сергея — характер у него стойкий, знаю, что он рвется на лед.

«Хорошо ли, когда вратарь отбивает шайбу в падении?»

— Плохо. Надо уверенно стоять на ногах. Вратарь, который часто опускается на колени, пропускает верхние и повторные броски. Лежачего голкипера легче обмануть, обыграть. Частые падения — это явный признак либо низкого мастерства, либо растерянности.

«Как развить свою реакцию?»

— Рекомендую пинг-понг и теннис.

«Как правильно действовать в обороне, если вратаря и защитника атакуют два соперника?»

Ого, это уже профессиональный вопрос. Наверняка его задал кто-то из хоккеистов.

— У вас в институте есть хоккейная команда?

— Есть,— дружно отзывается зал.

— Чемпионы района,— с гордостью подсказывает ведущий.

— Тогда, может быть, проведем тренировку? — Я еще раз вслух зачитываю вопрос и объясняю:— Вратарь несет ответственность за того игрока, который владеет шайбой. Защитник же в это время контролирует второго соперника и одновременно, по мере сил, мешает первому. При этом защитнику очень важно не суетиться, не метаться из стороны в сторону.

«Как строятся ваши взаимоотношения с защитниками?»

— У нас нормальные, дружеские отношения. К примеру, бывает, что защита увлечется атакой или «вздремнет» некстати, и соперник выходит со мной один на один, но я стараюсь никогда не обижаться из-за этого на своих товарищей, не выдавать своего раздражения.

Вообще-то тема эта, откровенно говоря, не простая. Начать хотя бы с того, о чем я уже упоминал: сегодня вратарю приходится гораздо труднее, чем раньше. Растут скорости. Игра стала более нацеленной на ворота — сказывается общение с профессиональным хоккеем. За счет новых, загнутых клюшек увеличились сила и скорость бросков. Выровнялся, став выше, класс большинства команд, и теперь практически нет матчей, когда бы можно было расслабиться, отстоять, как раньше, вполсилы. Все сказанное бесспорно. И, увы, так же бесспорно то, что при всем при этом не столь монолитны, чем прежде, защитные порядки.

Не пойму отчего, но с какого-то момента оборона в нашем хоккее стала явно отставать от нападения — и по числу новых ярких игроков, и по прогрессу в тактике, и по морально-волевым характеристикам. Словом, по всем показателям. У меня такое впечатление, что иные тренеры потеряли вкус к специальным занятиям с игроками задней линии, к воспитанию защитников высокого класса, к их правильной игровой ориентации.

Я, повторяю, не обижаюсь на партнеров, когда они «разрешают» соперникам выходы один на один. В игре всякое бывает. Но, право, трудно оставаться невозмутимым, если победа в дуэли за мной, а защитники все еще не проснулись.

Это теперь случается частенько. Вот свежий пример. В матче третьего круга с московским «Динамо» один на один со мной вышел Голиков-младший. Я, по своему обыкновению, далеко выкатился ему навстречу, однако чуть раньше, чем следовало, упал на лед. Хотя и этого было достаточно — соперник дрогнул, поторопился с броском, и шайба, звякнув о штангу, снова отлетела в поле. Я отчетливо понимаю, что вскочить на ноги и занять верную позицию уже не успею: к шайбе, опережая всех наших игроков, мчится Голиков-старший. Выход один — лежа прикрыть как можно большую площадь ворот. Голиков попадает мне прямо в лоб, шлем раскалывается вдребезги...

Такие или похожие ситуации сейчас, к сожалению, возникают очень часто.

Своими тревогами о подготовке игроков задней линии недавно в еженедельнике «Футбол—хоккей» поделился известнейший в прошлом динамовский защитник, а ныне тренер Виталий Давыдов. В частности, он пишет о том, что хоккеисты утрачивают навык приема шайбы на себя, молодые спортсмены не воспитывают в себе чувство дистанции и времени. Согласен. И в этой связи мог бы привести много примеров, когда защитники, неумело преграждая путь шайбе, лишь закрывали вратарю обзор, а команда расплачивалась за это голами.

Из сегодняшних молодых игроков задней линии лично мне, вратарю, больше всего нравится Василий Первухин — именно потому, что его отличает строгая, почти безошибочная игра. Отняв шайбу, он не будет изображать из себя Бобби Орра, а тут же переадресует ее форвардам. Этот парень отчетливо сознает свои задачи, он почти незаметен на поле, а пользу приносит огромную.

...Вопросам, кажется, не будет конца. Меня просят рассказать о личной жизни, интересуются планами на будущее, спрашивают, почему плохо играет «Спартак», чем занимается Константин Локтев, как я отношусь к Александру Якушеву и в чем причины неудач футбольной команды ЦСКА?..

Мы и не заметили, как промелькнули два часа. Пора прощаться. Из груды записок ведущий выуживает листочек в линейку, протягивает мне. «Владислав Александрович! — написано там.— Поздравляем Вас с десятилетним юбилеем выступления за команду ЦСКА. Огромных успехов Вам в спорте и прежде всего на предстоящем чемпионате мира! Ваши болельщики».

Спасибо, друзья!

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. И. МУРАДЕЛИ

ЖИВОЕ НАСЛЕДИЕ

«Бухенвальдский набат»— одна из десятков песен, сочиненных Вано Ильичом Мурадели. Композитор посетил Освенцим. После возвращения из Польши не мог он забыть страшных, неотступных, взывающих к разуму и совести впечатлений. И вот впервые — в его кабинете на Котельнической набережной — автором исполнен «Бухенвальдский набат». А после «домашней премьеры» песня вылетает на безбрежные просторы, аудитория слушателей исчисляется миллионами.

И так было у Вано Ильича всегда: то, что родилось по неодолимой творческой потребности, то, что поражает искренностью сострадания, протеста, веры, неизбежно обретет звучание гражданственное, близкое и понятное современникам. Недаром Мурадели — автор симфоний, опер, романсов, оперетт — всю жизнь был привязан к самому массовому, самому доходчивому, самому «мобильному» жанру: к песне.

В его песнях — бодрых маршевых, задумчивых, лирических, размеренно-торжественных, шутливо-комедийных — всегда отражены события истории. Песни Мурадели образуют некий живой и документально правдивый портрет эпохи.

А вместе с тем песня для Мурадели всегда и исповедь сердца и дорогое воспоминание. Таков посвященный памяти отца — малограмотного крестьянина и прирожденного музыканта — цикл «Горийские песни». Когда сегодня слушаешь эти пленительные мелодии, невольно возвращаешься к детским и отроческим годам автора. И мысленно видишь мальчика, что бродит по зеленым склонам и долинам маленькой деревушки Патара-Гареджвари близ Гори, жадно вслушивается в пение отца и старшего брата Гиго, а потом и сам пытается подражать старшим. Здесь — истоки извечной привязанности Мурадели к творчеству подлинно народному. Здесь — корни музыкальной одаренности, поражавшей преподавателей везде, от Тбилисской консерватории до оконченной по классу Н. Мясковского консерватории в Москве. Здесь объяснение глубинного, естественного демократизма, столь свойственного Вано Ильичу во всем — в манере беседовать с людьми, в бескорыстии, с каким композитор вел огромную общественную работу, и, разумеется, в любом из его произведений.

Что за образы волновали воображение? Что за идеалы воспевал композитор? О том нетрудно догадаться, заглянув в сочинения, побывав в театрах, где идут его оперы... Образ Сергея Мироновича Кирова, чьей светлой памяти посвятил композитор свою Первую симфонию... Образ Серго Орджоникидзе, с такой душевностью, с таким теплом очерченный в «Великой дружбе»... И, наконец, образ Ленина...

Личность Ленина, гений Ленина, прозорливость Ленина глубоко и неизменно волновали Мурадели — человека и художника. Слагал ли он свои песни о вожде революции, избирал ли труднейшую тему для монументальной оперы «Октябрь», страницы созданий Мурадели овеяны неподдельным человеческим волнением, незримым, но ощутимым присутствием его любимого героя.

По мысли композитора, «Великая дружба» и «Октябрь» составляли первые две части оперной трилогии. Третья часть называлась «Кремлевский мечтатель». Там, в первых очертаниях замысла, рисовалась композитору удивительная жизнь Человека, провидевшего свет сквозь мглу разрухи, сквозь испытания юной Советской России. Композитору не суждено было завершить оперу, венчающую трилогию. Не успел Вано Ильич реализовать и манившую его идею оперы о космонавтах. Остались незавершенными эти мечты. Но осталось огромное наследие, звучащее ныне на оперных подмостках, в концертных залах, на митингах, на демонстрациях, фестивалях политической песни. Наследие живое, жизнеспособное, жизнедеятельное.

Е. ЛУЦКАЯ

земля родная

ГРЕКОВЫ ПРОДОЛЖ БОЙ

Наша земля богата памятниками истории и культуры, свидетелями жизни, битв и свершений народов Советского Союза. Об уважении к прошлому, к истории Родины, к местам, связанным с деятельностью великих сынов нашего Отечества, говорится в статье 68 Основного Закона нашей страны: «Забота о сохранении исторических памятников и других культурных ценностей — долг и обязанность граждан СССР».

Под рубрикой «Земля родная» «Огонек» будет публиковать материалы о памятниках истории и культуры нашей Родины, о проблемах их охраны и использования.

Марк БАРИНОВ

Фото А. БУТЕЕВА

Мы живем в такое время, когда удивить человека становится все труднее. Грандиозные перемены в общественно-политической обстановке. Научно-техническая революция. Безграничные фантазии о будущем...

Мы живем в такое время, когда удивить человека становится все труднее, и в этом кроется определенная опасность. Ибо способность удивляться — антипод равнодушию, а это уже из категории важнейших человеческих качеств!

Эту способность, наверное, надо в себе воспитывать. Особенно когда удивительное в нашей жизни относится к сфере духовной жизни человека, к понятию культуры и в обобщенном и в конкретном смысле этого слова.

ДВАЖДЫ ПАМЯТНИК ВОИНСКОЙ СЛАВЫ

Шестьсот лет тому назад была закончена роспись небольшой церкви Спаса-на-Ковалеве, что в трех верстах от Новгорода. Вряд ли неизвестные нам мастера могли думать о том, что столетия спустя искусствоведы возведут их в ранг гениев, а ковалевские фрески назовут уникальными.

Фрески отличаются силой и страстностью характеров запечатленных на них персонажей. И еще тем, что среди обычных для такой росписи святых и праведников, пророков и мучеников ясно видна «военная тема»: на фресках мы видим изображения воинов, готовых поразить врага.

Роспись храма Спаса-на-Ковалеве была завершена ровно за два месяца до великой битвы русского народа на Куликовом поле.

Настроение глубокой, несокрушимой веры в победу справедливого дела освобождения Родины, несомненно, владело художниками, потому что в те годы это было общее настроение всего народа.

Ковалевская церковь с того славного времени и на многие столетия стала памятником воинской доблести, памятником победы над агрессором. И немало молебнов во славу русского оружия слышали стены этой скромной церкви за истекшие столетия.

«...Молебен у наших предков почти шесть веков тому назад был своеобразной формой общего собрания, формой митинга. Вряд ли следует нам упрекать их в том, что их способ проведения собрания был отличен от нашего. И шестьсот лет тому назад, во время нашествия хана Мамая, и позже, в дни Великой Отечественной войны, во время нашествия фашистов, воины перед боем давали клятву победить врага, победить в бою за Родину. Изменилась форма, но патриотическая суть осталась та же», — сказал лауреат Ленинской и Государственной премий СССР академик И. В. Петрянов на конференции «Тысячелетние корни русской культуры», проходившей в Новгороде в 1968 году.

И вот, когда пришло грозное время Великой Отечественной войны, Ковалевская церковь буквально грудью своей преградила путь гитлеровцам.

В августе 1941 года 28-я танковая бригада генерала И. Д. Черняховского, потерявшая в ходе кровопролитных боев почти все танки, оставила Новгород и, отойдя за Малый Волховец, насмерть встала на ближних рубежах города, оседлав Московское шоссе, преградив путь к столице, танкисты в пешем строю яростными контратаками остановили фашистов. И на целых три года стабилизировался фронт. До самых победных дней перехода в решительное наступление.

Фронт под Новгородом прошел по линии пригородных храмов, известных всему миру гениальных творений русских мастеров — знаменитой Нередицы, Николы-на-Липне, Успенья-на-Волотовом поле, Спаса-на-Ковалеве.

Случайно ли это? Нет, потому что монастыри, церкви, колокольни на Руси имели многообразное назначение.

Это были и мощные форты, опоясывающие древнерусские цитадели — кремли, и сторожевые башни, своим набатом предупреждавшие о грозящих бедах, и маяки на озере-море Ильмень, это были и хранилища казны, документов, летописей, произведений литературы — даже народные гулянья, деловые встречи, любовные свидания были не редкими в крытых галереях храмов. И строились они в удобных, господствующих над всей округой местах.

Девятьсот с лишним дней била фашистская артиллерия всех калибров по нашим позициям, и девятьсот с лишним дней гибли люди. Живые, в солдатских шинелях, и те, на фресках, созданные талантом предков шестьсот лет назад.

И когда в январе 1944 года двинулись наши войска за Волхов, через Новгород, на запад, на старом рубеже остались братские могилы и руины древних фортов-храмов, так недавно бывших мировыми шедеврами культуры.

«Если бы мне сказали шесть лет тому назад, что современный город может быть приведен в такое состояние, в какое немцы привели Новгород, я бы этому не поверил. Но когда я собственными глазами увидел его руины, когда посетил я развалины Нередицы, Волотова, Ковалева — этих прославленных на весь мир памятников древнерусского зодчества, украшенных изумительными росписями XII—XIV веков, я понял, что вандализм XX века намного превосходит вандализм IV столетия...» — так писал наш крупнейший историк и искусствовед Виктор Никитич Лазарев в 1947 году.

«РУКОПИСИ НЕ ГОРЯТ»

Отгремели залпы победных салютов незабываемого 1945 года, и мы стали подводить горестные итоги. Каждая семья и вся страна. Перебирать имена погибших друзей и близких. Названия городов и сел, которых не стало. Названия павших на боевом посту заводов и фабрик.

И был еще огромный скорбный перечень потерь, который и до наших дней не дает покоя, напоминает о себе, тревожит сердце и душу народа. Это перечень погибших библиотек и памятников, шедевров архитектуры и уникальных полотен — всего того, что люди называют высшими достижениями человеческого духа, материальными результатами, знаками, вехами на пути развития культуры.

И именно поэтому, еще задолго до победы, наши люди как в бой бросились восстанавливать все то, что было можно восстановить. Отказывая себе порой в самом насущном. Ибо, хотя трудно это объяснить, но истина в том, что жить легче, и путь не так труден, и препятствия более одолимы, когда знаешь, что есть Ясная Поляна и Домик няни, что невредим Эрмитаж, а в Клину над старым домом, как всегда, льется бессмертная музыка Петра Ильича Чайковского.

Люди восстанавливают все то, что можно восстановить. Но никогда не забывают о том, что умерло, погибло безвозвратно. И эта память, рождающая яростное неприятие забвения, становится мощным стимулом, как бы цепной реакцией, порождающей новые движения человеческого духа.

«Рукописи не горят!» — говорит один из персонажей Михаила Булгакова в весьма фантастической ситуации. Истинный смысл этой фразы в том, что подлинные создания духа человеческого не могут уйти из сознания и души людей бесследно.

В 1947 году академик Лазарев закончил свою горестную фразу о разрушениях Новгорода такими словами: «Конечно, Новгород будет восстановлен, будут построены новые дома, созданы новые фабрики, приведен в порядок чудом уцелевший кремль. Однако то, что погибло безвозвратно, уже не вернешь...»

В наши дни, тридцать лет спустя, после того как были написаны эти строки, любовь, труд и терпение людей внесли значительные коррективы в это утверждение старого академика. Ведь жив Новгород! Живы его прекрасные памятники, не просто «приведен в порядок кремль», но, как и в прежние времена, венчает древняя новгородская цитадель грандиозный комплекс архитектурных сооружений, шедевров тысячелетней давности.

Новгородцы, москвичи, ленинградцы совершили подвиг во имя мировой культуры, подняли из небытия, воскресили наш древний, прекрасный город.

Да, это был подвиг, но в ряду подвигов можно назвать и такой, который должен быть квалифицирован другим словом. Может быть, словом «чудо». Другого я не нахожу.

Потому что этим подвигом, этим трудом был брошен вызов последним словам Лазарева: «Однако то, что погибло безвозвратно, уже не вернешь...» Ковалевская церковь восстановлена, как и все другие пригородные храмы-форты.

Проезжая по Московскому шоссе, я всегда любовался ее чистым, белым силуэтом. Много раз собирался свернуть с дороги, проехать полтора километра по старой, разбитой военной колее, которая вела на Ковалево, потому что знал, что там уже не первый год творится чудо.

И вот однажды все-таки вырвался: отложил все дела, свернул на проселок.

Чудо выглядело очень буднично и знакомо. Несколько девушек и

парней, загорелых не курортным сочинским, а рабочим или крестьянским загаром, в старых тренировочных костюмах, выцветших майках, орудовали перед грубо сколоченным ситом и, как могло издали показаться, просто разгребали кучу земли возле сияющей свежей известковой побелкой стены.

Нет, это были не строители, не маляры. Здесь были разные молодые люди: студенты и рабочие, молодые и в общем-то не очень молодые специалисты. Занимались они очень простым, если его описать на бумаге, делом.

Во время девятисотдневного артиллерийского ада стены церкви и, естественно, фрески на них были превращены почти в пыль. Эта пыль и лежала с 1944 по 1963 год в виде высокого холма, поросшего кустарником, травой и даже молодыми деревцами.

Люди, работающие здесь, по песчинке перебирали десятки тонн земли, выбирая из нее мельчайшие кусочки фресок с тем, чтобы наперекор судьбе, вопреки здравому смыслу воскресить древнюю живопись.

Надо сразу поставить точки над «i». Никто в мире никогда ничем подобным не занимался. С точки зрения здравого смысла такая работа — чистейший сизифов труд, то есть бессмысленная трата времени. С точки зрения специалиста — абсолютно бесперспективное дело.

К этому следует добавить, что я увидел «второй заход». Раньше весь этот лом, мусор, прах один раз уже перебирали. И трудились тут ежегодно по нескольку десятков человек.

Молодые и не очень молодые люди, работавшие здесь, получали к мысли о том, как могли наши предки столь неосторожно украшать прекрасными своими творениями такие опасные и уязвимые места.

Быть может, с точки зрения историка, искусствоведа я скажу ересь, но, зная и любя Новгород, и сегодняшних ильменских рыбаков, и древние былины про Садко и Василия Буслаевича, много лет следя за работами знаменитой Новгородской археологической экспедиции, мне кажется, я понимаю дух, смысл и суть поступков наших пращуров.

Да, они умели ценить прекрасное и, конечно, понимали, какие мастера расписывают Ковалево! А рассуждали они примерно так: если уж суждено врагу быть под стенами Новгорода, пусть осеняют святые воины на фресках воинов живых, живых защитников господина Великого Новгорода! А уж если суждено будет вражеской силе одолеть наших, значит, так тому и быть: пусть гибнут и люди и камни! Потому что, проиграв бой, сражение, даже войну, никогда не проиграет жизнь свою, судьбу свою великий русский народ. А раз так — «рукописи не горят!» — будет жив народ — возродится и его великое искусство!

И, думая так, я снова вспомнил другую войну — недавнюю, Великую Отечественную, Ленинград. В первые же ее месяцы были укрыты под землю или на месте мешками с песком все памятники, все монументы работы великих мастеров.

Но специальным решением штаба обороны был оставлен на своем месте, открытом всем осколкам и снарядам, бронзовый Суворов с мечом в руке. До конца, до были обильно нашпигованы неразорвавшимися головками снарядов. Не раз и не два ученые приглашали саперов «для совместных мероприятий».

И вторая, более значительная причина, по которой эта работа должна быть приравнена подвигу, заключается в том, что Александр Петрович Греков, его постоянная, верная помощница, жена Валентина Борисовна и все их самоотверженные сотрудники и соратники вот уже двенадцать лет продолжают бой с фашизмом на Ковалевском рубеже, выигрывая сражение за сражением, поднимая из небытия то, что гитлеровцы так тщательно и беспощадно стремились уничтожить,— душу народную, воплощенную в великие произведения искусства.

Конечно же, и как журналист, и как просто любознательный человек, и как человек, с невольной завистью глядящий на творящееся рядом большое дело, я задал себе вопрос: а что же он за такой человек, Греков? И попробовал найти ответ.

Александр Петрович Греков. Реставратор? Формально да, но по смыслу и содержанию работы его труд должен называться как-то иначе. Какая-то смесь археологии и вдохновенного, азартного про- таких людей обычно не бывает приятелей. У таких людей не бывает поверхностных отношений. У таких людей — друзья и враги.

Когда я разговаривал с друзьями Александра Петровича, с его единомышленниками и соратниками, с теми, кто верно поддерживал его все эти годы, то даже в беседе по телефону видел их лица, излучающие всю гамму добрых чувств. А когда я разговаривал с его врагами, то ясно видел и понимал, как мешает им Греков, сколько лет не дает он им покоя, сколько лет будоражит он их мирный быт и тихую, никому вроде бы не мешающую лень.

Говорят иногда: наше дело — смотреть, видеть, а рассудит история. В данном случае ждать нечего: результаты сами проголосовали «за».

Из года в год работа в мастерской в новгородском кремле начинается по часам в 9.00. Про то, как один из добровольных помощников несколько лет назад опоздал на полчаса на работу, Грековы вспоминают так, словно бы речь идет о свершившейся катастрофе. За двенадцать лет у самого лично «свободного художника» и его первой помощницы таких «катастроф» не бывало никогда, а у его помощников из числа тех самых молодых и не очень моло-

КАЮТ

Возрожденный фрагмент фрески.

В. Б. Грекова и А. П. Греков в новгородской мастерской.

минимальную ставку работника учреждений культуры. Хором каменных на такую зарплату они явно себе не построили бы. И в то же время они были преисполнены гордости за свой труд, а частые посетители Ковалева смотрели на них с уважением и завистью.

Однако главное было не здесь. Упакованные в специальные ящики, эти кусочки цветной штукатурки, получившие вполне научное название «Фрагментов фресок», поступали в святая святых экспедиции — большое подвальное сводчатое помещение в древнем новгородском кремле. Здесь под руководством «главного волшебника» А. П. Грекова тонкие, чуткие пальцы его помощников и помощниц с бесконечным терпением искали и находили «стыкующиеся фрагменты». Больше половины фресок было возрождено таким образом. Великий труд, великая победа!

Но, может быть, главное даже не в этом, может быть, главное в том, что Греков, будучи первопроходцем, показал путь тем, кто пойдет (и сегодня уже идет) следом. Значит, родилась надежда на возрождение и других великих шедевров. Значит, сегодня уже многие «благоразумные» согласны с тем, что труд на Ковалевском холме не был сизифовым.

И вот теперь я хочу вернуться победы великий полководец был вместе с матросами и солдатами, ополченцами и всеми ленинградцами. Он вел сражение вместе с ними. И это не образные слова. Думаю, уже недалеко то время, когда умные машины сумеют посчитать и дать точный ответ: каков практический, чисто материальный результат подобных «иррациональных» поступков. Думаю, что наши предки и без машин знали это.

ТЕХНОЛОГИЯ ПОДВИГА

О том, что Александр Петрович Греков и возглавляемая им группа давно уже заслужили награждения воинскими орденами и медалями, говорилось неоднократно. То есть никто этого не говорил прямо, но, описывая обстоятельства их труда, любой автор, будь он журналистом или искусствоведом, говорил именно об этом.

Разбирая завалы ковалевской церкви, Греков и его группа не случайно и не однажды, а постоянно, ежедневно, в течение многих лет рисковали жизнями, поскольку слои «военной породы» зрения, ювелирного искусства и таланта живописца, неудержимого полета фантазии и строгости ученого-исследователя. Нет названия такой профессии!

А какой у него характер?

Разный. Мягкий, даже застенчивый человек, склонный к юмору. Любит говорить о своей работе. Любит неторопливую беседу за крепким чаем.

Но вдруг среди мирного течения разговора сверкнет, как клинок, резкая, беспощадно сформулированная фраза. Это в адрес обстоятельств или людей, которые мешают главному делу его жизни. И тут под мягкой оболочкой начинают вырисовываться латы, доспехи бойца. Двенадцать лет ведет свою труднейшую работу А. П. Греков и все двенадцать лет ведет бой со всем тем, что мешает, и со всеми теми, кто мешает в этом.

Мне нравятся люди определенные, то есть те, кто четко выражает свою позицию, свое отношение к делу, которому служит. У дых людей — разве что по пальцам сосчитать!

Говорю об этом потому, что ни голым энтузиазмом, ни гениальным прозрением, ни чем другим тут не возьмешь, если не будет терпения, воли, целеустремленности и «бухгалтерской» точности. Сказано очень верно: «Счастье есть результат длительного волевого усилия». «И точности в исполнении взятых на себя обязательств»,— добавил бы Греков.

Они трудятся постоянно, повседневно, по миллиметру прибавляя воскресшее к воскрешенному. Для них это повседневная, многолетняя работа.

А мы не имеем права не удивляться, не восхищаться этим подвигом, который длится вот уже двенадцать лет!

Думаю, что к 1980 году, к 600-летию завершения первого рождения ковалевских росписей, будет завершено и второе их рождение. Самое главное, во всяком случае, уже живет.

Верхолазы.

Послушайте, как поют молодые строители усть-илимского лесопромышленного комплекса:

Кто-то БАМ построит,
А мы Усть-Илим.
Не отдыхать, мы работать хотим.
Веселей, ребята, не надо унывать,
Надо побыстрее тайгу завоевать.

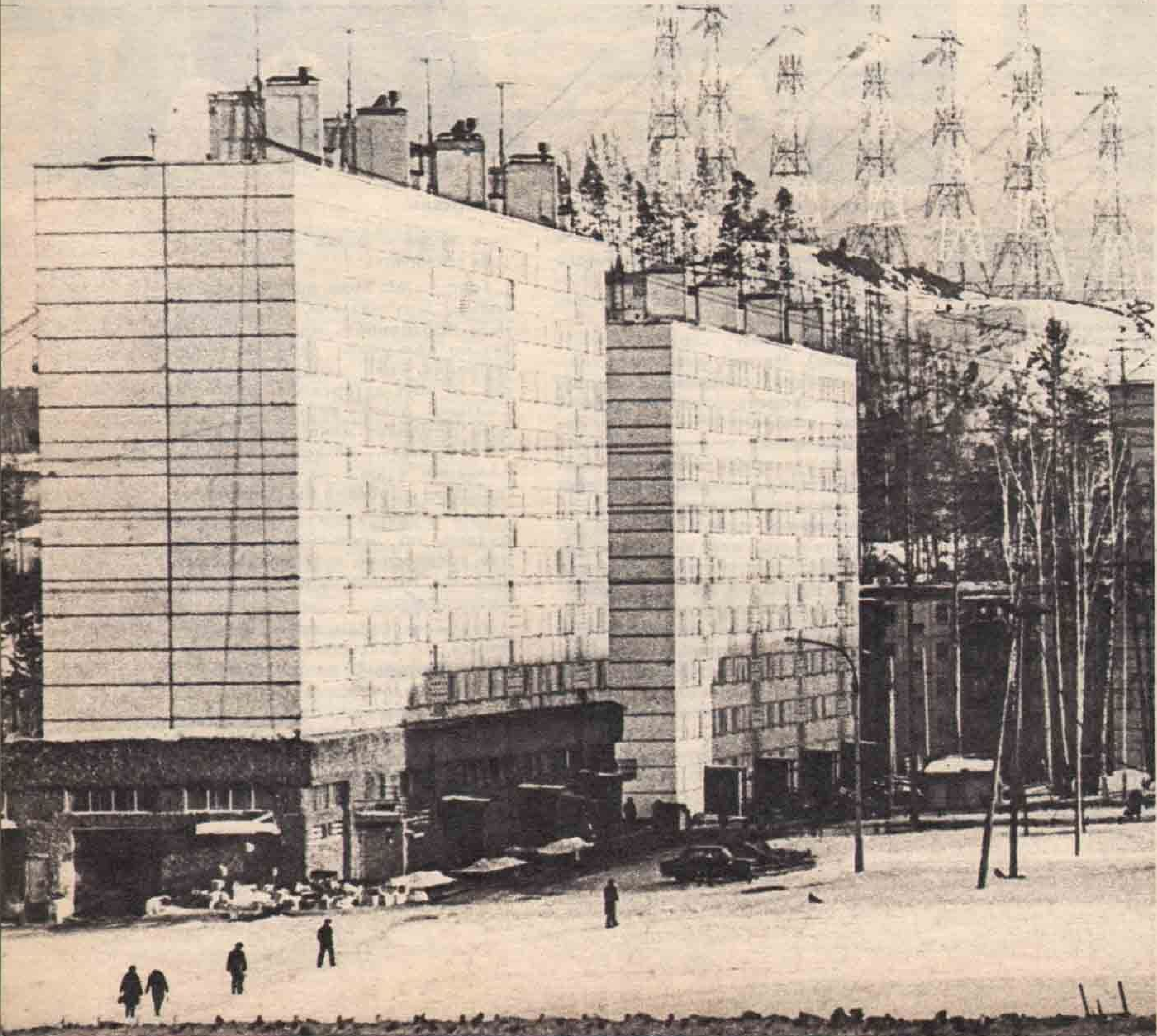
И правда, завоевывают тайгу быстро: совсем недавно здесь лишь праздно шумел дремучий лес, а теперь... На фоне гордых кедров и нежных березок вырастают по-современному деловитые и изящные корпуса ЛПК — Всесоюзной ударной комсомольской стройки.

«Вира!» Многотонная конструкция невесомо уплывает вверх, где в головокружительном поднебесье ее ждут монтажники. В считанные секунды, на лету превращаясь в игрушечный, словно из детского конструктора, ромбик, она достигает заданной отметки. А еще через мгновение в высоте вспыхивает салют сварки — горящие искры снопами падают вниз и потухают на долгом пути к земле.

Удивительное, захватывающее зрелище!

Буквально на глазах преображаются будущие цеха будущего комплекса — закрываются панелями стены, монтируется емкостное оборудование.

СТРОИМ УСТЬ-ИЛИМ



Сегодняшний Усть-Илимск.

Споро, ритмично, слаженно работают строители ударной стройки. Особенно хорошо трудится в эти предсъездовские дни один из лучших комсомольско-молодежных коллективов ЛПК — бригада С. П. Федорова. Отличное качество давно стало визитной карточкой бригады, неспроста именно федоровцев посылают на самые сложные участки и доверяют им наиболее ответственную и срочную работу.

Именно из этой бригады был выбран делегатом на XVIII съезд ВЛКСМ монтажник-высотник Владимир Линейцев.

В 1975 году девятнадцатилетним пареньком покинул он родной Васильков, что под Киевом, и с путевкой ВЛКСМ приехал сюда, в далекую, суровую Сибирь. Приехал, как говорит сам Владимир, за романтикой. И тут же поясняет: «Только не за той, которую воображают себе в виде голубых сопок и тайги, — такая пропадает, как дым костра, быстро и навсегда. Для меня и моих друзей романтика — это, во-первых, осознание необходимости нашего труда, во-вторых, сама наша работа и дружба, в-третьих, уверенность, что наш комбинат даст первую целлюлозу в 1979 году. И вообще романтика включает в себя все хорошее вокруг нас. А этого хорошего очень и очень много.

Пусть мороз под сорок,
Пусть жара печет,
Несмотря на трудности,
Комсомол, вперед!

И. НИКОНОВ

Фото автора

■ **Монтажник-высотник Владимир Линейцев — делегат XVIII съезда ВЛКСМ.**

Ю. ЛУШИН

Фото автора

ТАМ, ЗА ПУРОМ—РЕКОЙ...

Любопытные люди, скажу я вам, живут на земле тюменской. Когда по закону природы весна начинает ломать зиму, когда все живое радуется в предвкушении близкого тепла, в их душах поселяется смутное беспокойство, недовольство собой и всем на свете.

— Очень уж ранняя нынче весна,— ворчат они.— Что бы ей задержаться немного...

Можно подумать, что они из племени «моржей», которых отсутствие мороза повергает в глубокую печаль. Но дело тут в другом. Стоит хоть бегло взглянуть на карту Тюменской области, и многое станет понятным. Ибо карта почти сплошь покрыта этакими изящными штрихами, означающими на языке географов только одно — болота. Здесь, в Тарко-Сале, или по соседству, в Уренгое, болота всесильны, и лишь старый наш знакомый Дед Мороз способен победить их, да и то всего на несколько месяцев. В студеное время на промороженной неверной земле возникают дороги — зимники, по которым к буровым везут горючее, запчасти, продукты. Только в это время можно передвинуть с точки на точку буровую вышку. Да, непросто дается людям тюменская нефть...

Эту короткую лекцию прочел мне без отрыва от производства молодой бурильщик Николай Личушин, делегат XVIII съезда комсомола. Мне повезло. На буровой Р-69, где он работал, шло испытание скважины, и у всех было несколько взвинченное состояние. Р-69 время от времени начинала «говорить», и тогда из отводной трубы хлестала струя раствора, перемешанного с нефтью и газом. Потом пошла чистая нефть. Хлестало так, что гудело в трубе, а когда струю подожгли, пламя взметнулось выше деревьев. Буровики стояли вокруг молча. Ради этой минуты они десятки дней, сменяя друг друга, несли вахту. Потом кто-то сказал:

— Пошли, что ли, ребята?

И все потянулись к буровой. Надо было закрыть задвижку и поставить на всякий случай противофонтанную арматуру.

— Что же дальше? — спросил я, догнав Личушина.

— Дальше на новую точку, пока мороз держится,— ответил он.— Здесь все в порядке, нефть нашли. Теперь в другом месте поищем...

В другом месте, за Пуром-рекой и по притокам, тоже бурили. Везде бурили, но не везде нефть давалась в руки. Обидно, конечно, пробиться на три тысячи метров в глубь земли и не найти там ничего, но в разведке как в разведке.

На попутном «Урале» еду к соседям, на Р-62. Зимник то плавно укачивает нас, то вдруг устраивает такую зубодробилку, что становится страшно за машину. Шофер посмеивается над моими страхами и всерьез уверяет, что дорога хорошая. Едем через редкий лесок. Странные березы в желтых, почему-то не опавших к зиме листьях стоят по сторонам. Как будто осенью они задумались, да так глубоко, что забыли сбросить осенний наряд. Однако мои поэтические соображения опрокинула жестокая правда факта.

— Пожар тут летом прошел, эти березы мертвые,— сказал спутник.

— И в пожар тоже бурили?

— А что же делать, конечно, бурили.

На Р-62 шли последние метры бурения, самые трудные. Молодые парни (как же много тут, на Севере, молодых!) делали привычную работу: поднимали колонну, чтобы взять керн — визитную карточку недр. Три километра труб надо поднять, составить в этакую изящную стопку, чтобы потом, постепенно свинчивая их, вновь опустить в пучину болот, да не ошибиться и точно попасть к истоку нефтяной реки. И так через каждые 15 метров бурения! Работа, конечно, не для неженок. Как сказала поэтесса Людмила Татьяничева:

> Земля дрожит и ходит ходуном,
> Стараясь оттолкнуть землепроходца.
> Здесь каждый шаг немыслимым трудом
> И мужеством немалым достается...

Это не поэтическое преувеличение, это сама жизнь. Я спросил бурового мастера Валерия Проскунина:

— Сколько осталось бурить?

— Шестьдесят метров,— ответил он.

— Когда думаете закончить?

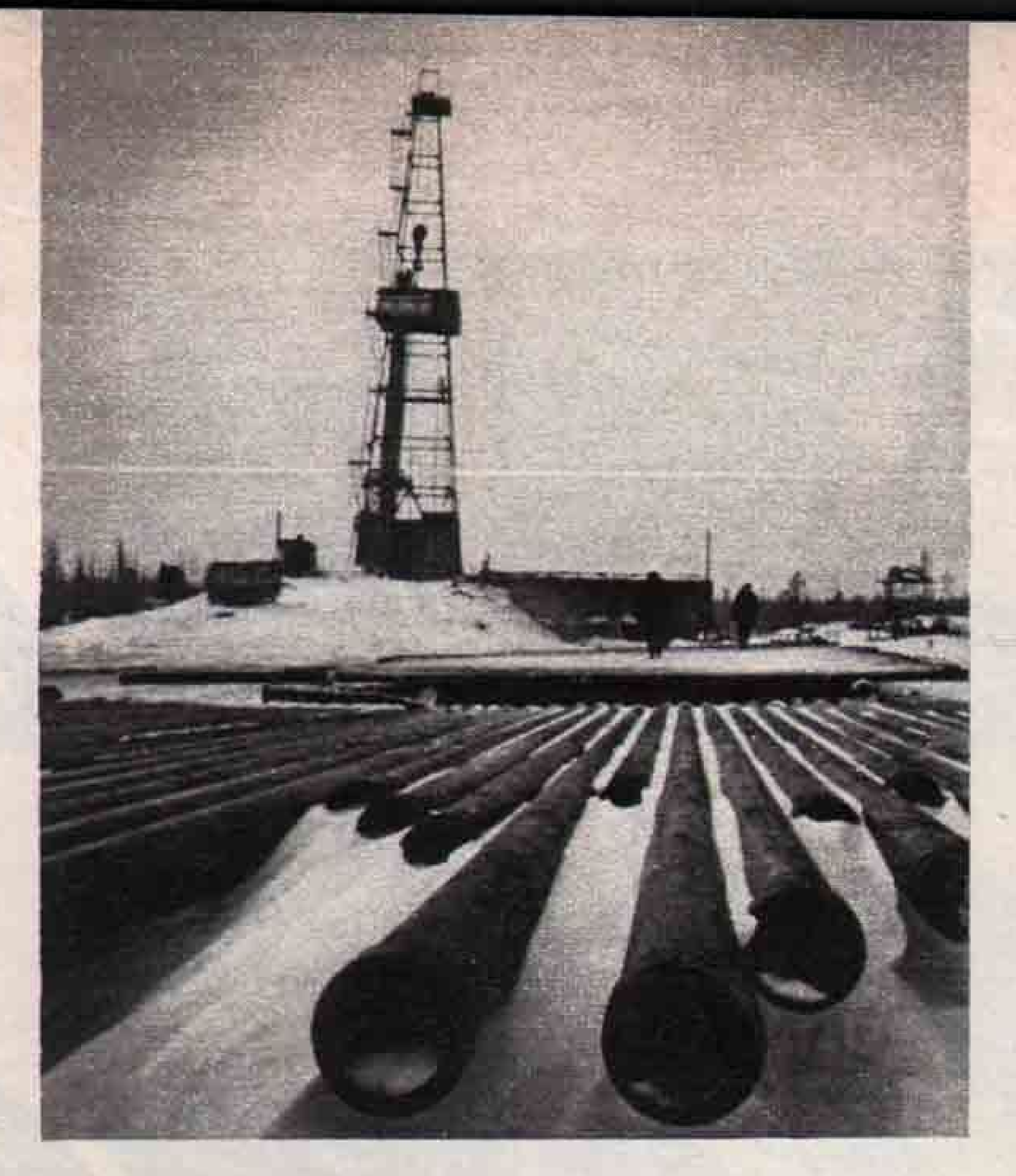
— Примерно через месяц, как раз к открытию съезда комсомола.

— Будет ли нефть?

В ответ мастер только развел руками, потом сказал:

— Посмотрим, что керн покажет...

Керн подняли в четыре часа ночи. Это был песчаник со слабым запахом нефти...



Мирные стволы.

Трудный случай.

Будущие нефтяники.

■

Геологоразведчики в поиске.

На тюменской земле еще один фонтан газа.

Алан УИННИНГТОН

РОМАН

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

Миллионы Фэрфакса

ГЛАВА 6

Детектив-инспектор Перси Галлет из Скотланд-Ярда всегда вставал пораньше, чтобы завтракать не торопясь, и сейчас сидел с газетой, допивая вторую чашку крепкого свежего чая.

Он читал сообщение, опубликованное в «Дейли саксес» под кричащими заголовками поперек первой полосы: «Сюрприз жены человека без сердца», «Вдова Джексона говорит: «Буду судиться».

Рядом с сообщением находились фотографии миссис Джексон, Лопфорд-холла, портреты Фэрфаксов, Уорда и еле различимая фотография Джексона.

Само сообщение об «обмене сердцами», написанное группой репортеров «Дейли саксес», гласило:

«М-сс Эльзи Джексон, 32 лет, вдова механика компьютеров, сердце которого было пересажено богатому м-ру Антони Фэрфаксу, вероятно, передаст в суд дело об убытках, как она заявила вчера «Дейли саксес».

М-сс Джексон сказала, что с ней не советовались относительно пересадки сердца ее мужа. Она заявила: «Я бы ни за что не дала согласия. Можно было попытаться спасти его жизнь».

В этот момент миссис Галлет подала треску, и муж осторожно прислонил газету к чайнику, собираясь читать ее за едой.

«Она добавила: «Он богат и теперь получил сердце моего мужа. По крайней мере он мог бы помочь его иждивенцам». Если м-сс Джексон подаст жалобу в суд, то это будет первый такой случай в нашей стране. Однако в Техасе м-сс Шэрли Карп потребовала по суду от м-ра Дентона Кули компенсацию в 4,5 миллиона долларов. Она проиграла дело. В Западной Германии вдова лесничего Рэтера подала иск на 32 тысячи марок в связи с тем, что печень ее мужа была использована без разрешения».

Галлет доел треску и дочитал сообщение.

— Милая моя, если я когда-нибудь попаду в больницу,— сказал он,— позвони по телефону и скажи, что я не хочу, чтобы мое сердце удаляли после смерти, а тем более до нее.

Гильда Галлет, невысокая, полная женщина, добродушно пошутила:

— Дело в том, что они не найдут у тебя сердца.

Пока он набивал трубку табаком, она подала ему пальто и котелок.

— Будешь сегодня к ужину?

— Вряд ли. Надо ехать куда-то в Биксэмуотер в Норфольк-броадс. Если не смогу вернуться — позвоню...

Галлет бросил взгляд на «вещественное доказательство».

— Из «этого» мы не много узнаем. Я подожду отчета патологов.

«Это» представляло собой человеческий торс. Голова, ноги и руки были грубо отрублены, очевидно, для того, чтобы легче избавиться от трупа и затруднить опознание.

Служащий морга снова вкатил платформу с ужасным грузом в холодильный шкаф. Галлет и его помощник сыщик-сержант Фицджеральд возвратились в местное полицейское отделение.

Опытный глаз Галлета сразу определил, что местный начальник полиции Арчер, вероятно, посещал школу, пользующуюся хорошей репутацией, служил в солидном полку, имел связи и вот автоматически занял высокий пост, обойдя рядового, трудолюбивого и умного полицейского.

— Виски?

Галлет кивнул. Фицджеральд покачал головой. Он был сторонник твердой дисциплины.

Арчер налил виски и подал Галлету. «Как видно,— подумал Арчер,— это полицейский старой формации и выдвинулся благодаря способностям, решительности и до некоторой степени благодаря хорошим связям... в уголовном мире».

Галлет был чуть ниже обычного для полицейского роста, но весил около ста килограммов. Внушительный мужчина с тяжелым, суровым лицом, с лысой, в шрамах, сужавшейся кверху головой. На большом, скривившемся влево носу виднелся тонкий синий шрам. В глубоких морщинах, шедших от ноздрей к губам, торчали черные волоски, которые не доставала бритва. Бледно-голубые глаза напоминали птичьи.

— Простите, что не мог встретить вас на станции,— сказал Арчер.

Галлет возразил:

— Я вообще против того, чтобы высокооплачиваемые люди зря теряли время, встречая друг друга. Мое начальство просило поблагодарить вас за то, что вы так своевременно уведомили Скотланд-Ярд.

Он поставил стакан так, чтобы его можно было легко наполнить, откинулся назад и стал разыскивать в кармане брюк прокуренную, почерневшую трубку.

— А сейчас, может быть, сэр, вы расскажете нам о деталях?

— Все началось,— сказал Арчер,— с местного дурачка, нашедшего в Биксэмуотер узел с одеждой. Он иногда браконьерствует — в лесу и на воде, живет в старом коттедже, принадлежащем местному фермеру мистеру Куику.

— Как его зовут, сэр?— спросил Фицджеральд.

— Пэйн, Сид Пэйн.

Фицджеральд сделал пометку в блокноте.

— От Пэйна почти ничего нельзя добиться. Насколько мы поняли, одежда была привязана к железной балке. Одежда, естественно, промокла, и он бросил ее обратно в воду. Но почему-то оставил пиджак и повесил сушить. Его заметила миссис Миллер, занимающаяся уборкой в доме Фэрфаксов в Биксэмуотер.

— Фэрфакс, которому пересадили сердце?— спросил Фицджеральд.— Я читал что-то в газете.

— Да. Миссис Миллер показалось, что пиджак ей знаком. Приглядевшись, она узнала пиджак Поля Фэрфакса, младшего брата мистера Антони. Она привела Пэйна в местный полицейский участок, где ей сказали, что нечего беспокоить людей по пустякам. Но миссис Миллер упрямая старуха. Она запугала полицейских, предупредив, что дело нечистое. Тогда они пошли на квартиру Поля Фэрфакса, где узнали, что Фэрфакса нет дома уже около двух месяцев. Это еще ничего не значило. У Фэрфакса достаточно денег, чтобы не работать. Предположим, мы поднимем катавасию из-за пиджака, а выяснится, что он прекрасно проводит время с чужой женой на Корсике и не хочет, чтобы его обнаружили.

Галлет сочувственно покивал головой.

— Исчезнувшие люди — бич нашей профессии. Надо бы рассматривать исчезновение как преступление.

Арчер улыбнулся.

— Местные полицейские пришли ко мне. На всякий случай я приказал обшарить пруд. Вчера аквалангист обнаружил торс, который вы видели. Он был привязан проволокой к цементной балке весом в сорок килограммов. Тогда я решил позвонить вам, одновременно начав поиски остатков тела.

— В полдень приедет патолог министерства внутренних дел,— сказал Галлет.— Что вы думаете делать дальше, сэр?

Продолжение. См. «Огонек» №№ 14—16.

— Пожалуй, вам следует осмотреть место происшествия.

— Правильно. Я возьму с собой и моего помощника. А потом решим, как поделить работу.

Галлет не скрывал своего мнения о том типе работников Скотланд-Ярда, к которому принадлежал сержант Фицджеральд, и с трудом удерживался от какого-либо оскорбительного замечания. Неприязнь к образованным выпускникам полицейского колледжа объяснялась недобрым предчувствием. Они составляли авангард нового отряда взращенных на компьютерах полицейских, идущих на смену сыщикам его типа.

Галлет рассматривал сидевшего напротив молодого детектива: его каштановые волосы с морковным отливом, сухую розоватую кожу с веснушками. Клерк, оператор компьютера — да. Но детектив? Галлет вздохнул и сказал:

— Следствие отложено. Нет достаточных доказательств для опознания личности. Патолог министерства внутренних дел сэр Джеймс Юлдон вынес свое определение. Торс находился в воде не менее пяти недель и не дольше десяти недель. И сделал удивительное заявление: человека бросили в воду уже мертвым. Иначе говоря, он не утонул, привязав себя случайно проволокой к цементной балке!

Фицджеральд не выносил острот Галлета. Он сказал:

— Значит, тело бросили в воду между последней неделей июля и концом августа.

— Если сэр Джеймс прав. А в таких делах он обычно прав. Узнали что-нибудь еще от Пэйна?

— От него ничего не добьешься. Сумасшедший. Говорит только «ага» или «точно». А больше молчит.

— Лучше обойдите дома у пруда,— посоветовал Галлет.

ГЛАВА 7

— Итак, Фэрфакс,— сказал Уорд,— шумиха кончилась. Три дня — лимит для бульварной прессы. Что касается миссис Джексон, с ней займусь я. Как говядина?

— Прекрасная. Вы думаете, дело не дойдет до суда?

— Нет. Ей и ее грязному адвокатишке нужна лишь реклама. Они отступятся.

Фэрфакс впервые после операции приехал в Лондон, и они обедали в «Рулсе», небольшом изысканном ресторане к северу от Стрэнда.

— Стаканчик не повредит, но ваша жена говорит, что вы пьете слишком много.

— Не вам, а мне приходится жить в постоянном ожидании смерти.

Уорд помолчал, будто продумывая сложную проблему.

— Дадите слово никому не говорить о том, что я вам скажу?

— Клянусь моим сердцем,— ухмыляясь, ответил Фэрфакс,— то есть сердцем Джексона.

— Фэрфакс, сейчас вам уже понятно, что мой метод пересадки отличается от всех предыдущих операций. Вы встали на ноги через две недели, через три вышли на улицу, и мы почти не даем вам лекарств, подавляющих иммунитет.

Фэрфакс слушал внимательно.

— Я боюсь, что начнется новая волна пересадок, которая опять дискредитирует всю идею, как было раньше. Вот почему я опасаюсь публично заявить, что вам, по моему мнению, почти не угрожает отторжение.

Фэрфакс откинулся назад, опустив голову и закрыв глаза.

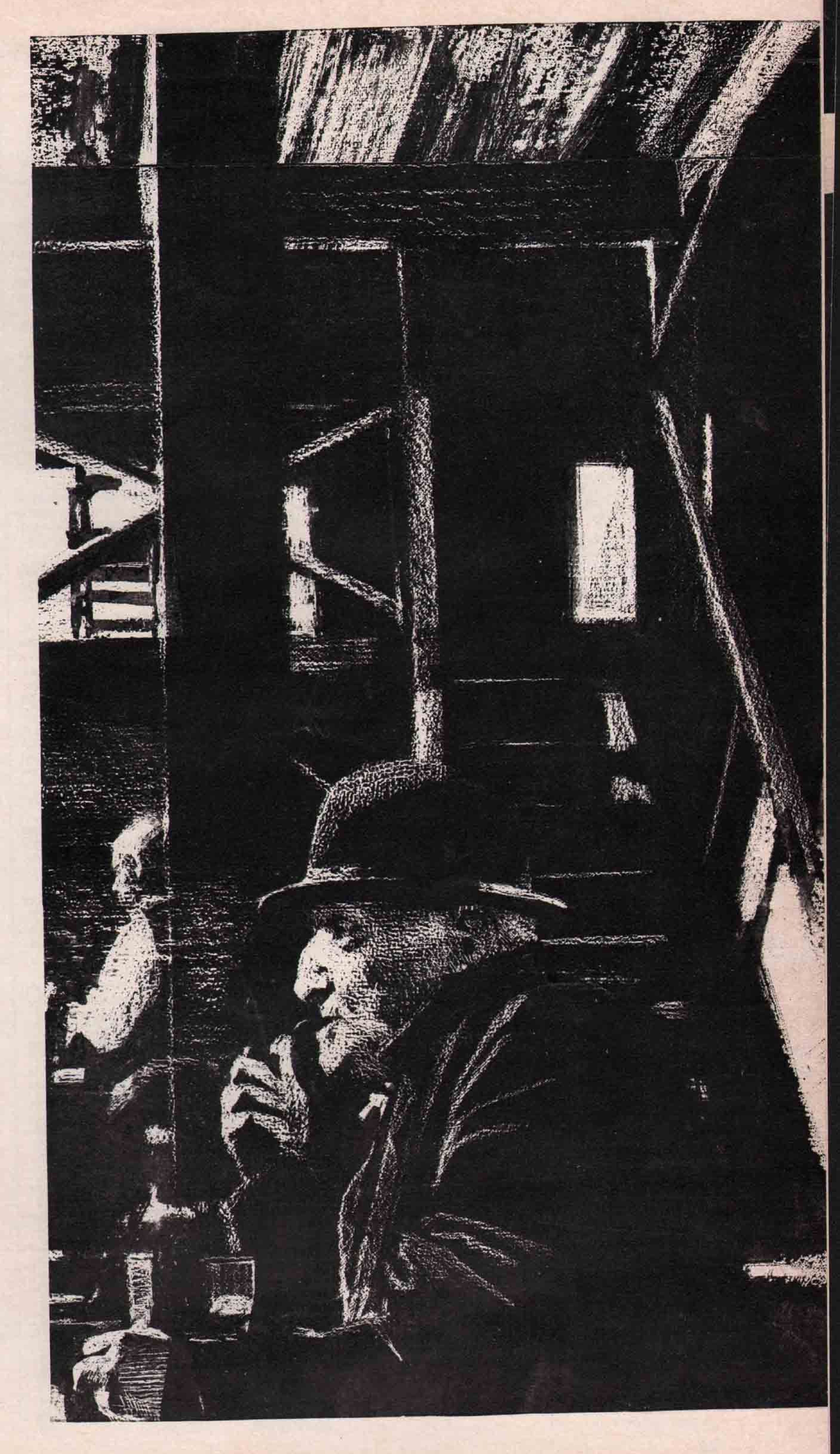
— Но не на сто процентов?

Уорд пожал плечами.

— В медицине не существует ста процентов. Я убежден, что новое сердце стало частью вашего тела, оно принято организмом, а не просто терпимо им. Оно само отражает атаки врагов, а не только с помощью лекарств.

— Но позднее, Уорд, вы будете продолжать пересадки?

— Позднее — наверняка. Скажем, когда вы проживете два года или больше.



Фэрфакс засмеялся.

— И уже в качестве сэра Джошуа Уорда, как я слыхал?

— Я этого не слышал, но почему бы и нет? Другие получают титулы за меньшие достижения.

— Я с запозданием должен извиниться перед вами, Уорд. И все же вы меня обманули.

— Зачем бы мне это понадобилось?

Фэрфакс иронически улыбнулся.

— Потому что я оказываю большую финансовую поддержку больнице, а вы знамениты и возглавляете отделение сердечной хирургии. Одним словом, все благоприятствует тому, чтобы вы продолжали работу над пересадками. Но вы прекрасно знали, что я сказал бы «нет». Поэтому вы втянули в заговор Мэрилин. Могло случиться, что я умер бы через четыре дня, как Вашански. А получилось так, что мы обедаем втроем: вы, я и бедняга Джексон.

Не глядя на Фэрфакса, Уорд мял крошки хлеба. Затем спросил:

— Вы бы хотели стать таким, каким были 31 августа?

— Не знаю. Сейчас я жив, но ненавижу свою жизнь. Я цирковой аттракцион, а жена охладела ко мне.

— Потерпите, Фэрфакс. Вы оба привыкнете к новой ситуации и снова влюбитесь друг в друга. Глядите вперед, мой мальчик...— Он посмотрел на часы.— Мой поклон вашей очаровательной супруге. Звоните мне в любое время, если понадобится.

— Где вы еще найдете такое угощение, как в старомодной английской таверне?— спросил Галлет.— Хороший хлеб, крепкий чеддер, пикули домашнего приготовления, холодная свинина, выращенный на месте салат, пиво.

Он положил нож и вилку.

— Пошли в мою комнату, сержант, я вам кое-что покажу.

Несмотря на свои сто килограммов, Галлет легко поднялся по скрипящей лестнице «Привала рыболова» и открыл дверь. На кровати лежал магнитофон.

— Послушайте,— сказал Галлет и нажал на клавишу.

Сначала ничего нельзя было разобрать. Слышались шум, голоса и смех. Голос Галлета, хозяина таверны и нескольких местных жителей с картавым норфолькским акцентом; затем раздался смех, и кто-то сказал: "Точно».

Говорил Пэйн, дурачок. Фицджеральд взглянул на Галлета и встретил торжествующий блеск его суровых голубых глаз. Повидимому, веселое сборище проходило вечером, когда Фицджеральд обследовал дома у пруда. Он понял, что потерпел поражение.

— Пока еще неинтересно, просто я его старался раскачать.

Галлет прокрутил часть пленки.

— ...если на то пошло,— говорил кто-то на местном диалекте,— лучше всего в субботнюю ночь, когда все сидят в таверне или уставились в телевизоры. А, Сид?

— Ага.

— В это время ты и плаваешь за рыбкой на воскресенье? А, Сид?

Сид захихикал, и послышался голос Галлета:

— Мой черед.

— Вы только что заказывали.

— Неважно, у меня день рождения на этой неделе. Если я вас хорошо угощу, может быть, добуду дичи и привезу в Лондон.

Все засмеялись.

— Не обходите Сида,— проговорил Галлет.— У всех есть пиво? Доброго вам здоровья.

— С днем рождения, инспектор.

— Думаю, Сид здесь на многое насмотрелся,— сказал Галлет.

— Верно, Сид? Чего только там не увидишь! Голые купаются, а?

— Он ловкий пар-рень, Сид,— протянул Галлет.— Нашел же эту одежду. Наверное, и награды не получил. Получай, Сид, надо было еще раньше тебе дать.

— Фунт! Погляди-ка, Сид!

— Ну как, видал что-нибудь в последние ночи?

— Ага.

— Что ты видел, Сид?

— Человек плавал.

— Он говорил?

— Ага.

— Что он сказал?

Молчание.

— Голос был городской?

— Ага.

Галлет, довольный собой, выключил магнитофон.

— Не знаю, что нам это даст,— ухмыльнулся Фицджеральд.

— И я тоже,— мрачно сказал Галлет.— Но даже что-нибудь лучше, чем ничего. Мы не знаем, как торс попал в пруд, верно? Пруд большой. Но мы знаем, что плавал мужчина с голосом горожанина.

— Каким же пловцом он должен быть, чтобы плавать, держа в руках торс и цементную балку в сорок килограммов!

Галлет зажег трубку и поглядел на сержанта сквозь клубы голубого дыма.

— Как бы вы доставили такой кусок мяса, привязанный к балке, на середину пруда?

Фицджеральд ответил:

— Очень трудно. Маленькая лодочка опасна — груз легко опрокинул бы ее. Перевезти груз на большой лодке, конечно, легче, но она привлекла бы внимание. Кроме того, остались бы пятна крови. Мне кажется, вы знаете ответ, инспектор.

— Нет, сержант, не знаю. В нашей профессии,— он подчеркнул это слово,— самое главное — задавать правильные вопросы. Нам остается только порыскать вокруг.

— Когда же это прекратится?— Фэрфакс сложил «Дейли саксес» на той полосе, где печатались сплетни о «высшем обществе». Там говорилось:

«Вчера в «Рулс» видели м-ра Антони Фэрфакса, которому недавно пересадили сердце, с оперировавшим его м-ром Джошуа Уордом, знаменитым хирургом. По слухам, м-р Уорд не долго останется простым «мистером». Предпринимаются шаги, чтобы включить его имя в следующий королевский список на получение титула за заслуги в медицине. Но, как стало известно, вдова человека, чье сердце было пересажено м-ру Фэрфаксу, просила адвоката потребовать эксгумации тела ее мужа».

Мэрилин положила газету. Ежедневно не то, так другое бередило рану.

Вчера, узнав, что Тони поедет в Лондон на встречу с Уордом, она решила поговорить с Джонсом, позвонила ему и договорилась пообедать вместе в Бишопс-Стортфорде.

Джонс был полон энтузиазма в связи с новыми успехами в своих экспериментах. Казалось, он говорил, чтобы только занять время и избежать волновавшей их обоих темы. Все же к концу обеда он заметил нетерпение Мэрилин.

— Наверное, я утомил тебя, дорогая?

— Нет, просто я тебя не понимаю, Рэсти. Мне бы очень хотелось так же увлекаться работой. Но у меня тяжело на душе.

Он погладил ее по руке.

— Я паршивый эгоист. Скажи мне, в чем беда?

— Все время что-нибудь происходит. Мы словно в центре заколдованного круга. Теперь еще этот ужасный труп... Ты знаешь, что полиция обнаружила часть тела мужчины в норфолькском пруду — Биксэмуотер?

— Подожди, Биксэм? Это не...

— Да. Там у нас летний домик.

— Ну хорошо, какое это имеет отношение к тебе?

— Полиция подозревает, что это брат Тони — Поль.

Джонс свистнул.

— Поль? Я видел заголовки, но не понял, в чем дело.

— Позвонила миссис Миллер. Она сказала, что полиция интересуется, где находится мистер Поль Фэрфакс. Они нашли в пруду пиджак, который якобы принадлежит ему.

— Не делай поспешных выводов, дорогая,— успокаивал Джонс.— Я думаю, что они ведут обычные расспросы.

— Может быть, хотя все равно страшно. А тут еще мы в центре внимания прессы, и если газеты доберутся...— Она с мольбой поглядела на него.— А они обязательно доберутся. Я больше не выдержу... Говорят, вызвали кого-то из Скотланд-Ярда.

Он взял ее за руку.

— Конечно. Тут нет ничего особенного. Всегда так делается в случае убийства. Но почему это должен быть Поль? Только глупец мог избавляться от трупа там, где жил убитый.

Она с трудом выдавила улыбку.

— Надеюсь, ты прав, Рэсти. Уж очень много неприятностей сразу. Противно притворяться перед Тони. Я презираю себя. Мы каждый день ссоримся, а раньше этого не было.

— Бедняжка, бедняжка,— нежно сказал Джонс.

— Теперь я уже не уверена, может быть, и впрямь сердце — источник всех эмоций. Тони так изменился, что, по-моему, заимствовал даже душу неизвестного мистера Джексона.

Джонс усмехнулся:

— Просто заработал психоз, присущий, очевидно, всем пациентам, которым пересаживали сердце.

Она глядела на него недоверчиво, исподлобья. Джонс говорил уверенно и холодно, а она нуждалась в теплоте, любви и утешении. Заметив, что ей что-то не нравится в его поведении, он поднес ее руки к губам и начал целовать.

— Пожалуй, я брошу исследования, найду работу, и мы сможем быть вместе.

Слеза побежала по ее щеке.

— Не говори чепухи, Рэсти. Я не могу сейчас оставить Тони. И я никогда не простила бы себе, если бы так эгоистично сорвала твою работу. О боже, я знаю, что если буду ждать, то все погибнет! Все!

— Ты торопишься?— спросил он.

— Нет. Не думаю, чтобы Тони так рано вернулся.

— Поедем ко мне, моя радость.

Она не протестовала, когда он направил машину к своему дому...

ГЛАВА 8

В библиотеке в синем трубочном дыму виднелась грузная фигура Галлета. Он поднялся и, поприветствовав Мэрилин, предложил ей кресло. Фицджеральд молча стоял позади. Инспектору особенно не нравилось, что помощник все стенографирует.

Голос Галлета звучал громко и сурово:

— Не хочу ходить вокруг да около, миссис Фэрфакс. В одном из норфолькских прудов — точнее, в Биксэме, где у вас есть дом,— найдено мертвое тело. Подозревают, что это тело брата вашего мужа,— он заглянул в блокнот,— мистера Поля Фэрфакса. Не согласитесь ли вы ответить на некоторые вопросы, миссис Фэрфакс?

Она кивнула.

— Сделаю все, что могу. И буду рада, если впредь вы позвоните сначала мне. Сейчас было бы весьма опасно беспокоить мужа.

— Я понял из слов миссис Даунтри, что мистер Поль Фэрфакс жил у вас, но она не помнит, когда он уехал. Не вспомните ли вы, мадам?

Мэрилин точно знала дату и не могла бы забыть ее. Это случилось на следующий день после той незабываемой ночи, когда она поехала с Джонсом в деревенскую таверну в Литл Парей.

— О да, я попытаюсь вспомнить поточнее... Кажется, он уехал отсюда 26 июля.

— Миссис Миллер говорит, что с вашего разрешения он дважды в августе останавливался в вашем доме в Биксэме. Первый раз он был вместе, как она сказала, с «птичкой», примерно 12 августа, а второй раз был один. Это случилось 28 августа, в день рождения мужа миссис Миллер.

Галлет захлопнул блокнот, переплетенный в мягкую черную кожу.

— Вопрос о том, чье это тело — вашего деверя или кого-нибудь другого,— остается открытым. Может быть, мы или вы найдем кого-либо, кто видел мистера Поля после упомянутых дат. А может быть, он сам появится тем временем...

— Не пытались ли вы найти Поля? Он часто уезжает надолго.

— Мы наводили справки. Поэтому я вам и задаю вопросы. Другие расспрашивают его друзей и подруг. Мы направили запрос даже в Интерпол.

Она кивнула.

— Прежде всего, мадам, я хочу узнать у вас относительно поместья Фэрфакса. Я просто хочу найти путеводную нить. Миссис Даунтри говорила что-то о правах наследования поместья.

— Да, оно закреплено за наследниками без права отчуждения.

— Вот именно, так она и говорила, хотя и не очень связно. Предположим, что ваш деверь мертв, кто от этого выгадает — cui bono?— добавил он, хвастаясь эрудицией, но произнося «чуи боно». Латинская цитата всегда вызывала у него представление о собаке, грызущей кость.

— Короче: вы бы выгадали? Ваш муж? Или миссис Даунтри?

Мэрилин удивленно посмотрела на него.

— Ни я, ни мой муж. В марте вступит в силу дарственная грамота, по которой я получу часть поместья Фэрфаксов. Если бы мой муж умер до марта, Поль унаследовал бы все. Если бы и он тоже умер, поместье перешло бы к миссис Даунтри. Я не могу наследовать. Мог бы мой сын, но у меня нет детей.

— Когда умершего в конце июля или в августе бросили в пруд, у вашего мужа было мало надежды на выздоровление, не правда ли?

— Вы намекаете, что в ожидании смерти моего мужа миссис Даунтри и ее муж устранили Поля, а затем, когда мой муж остался жив, их планы были расстроены? Если это так, инспектор, то, насколько я понимаю, вы считаете, что мой муж сейчас в большей опасности, чем раньше, хотя и по другим причинам.

В глазах Галлета появились слабые признаки восхищения.

— На вашем месте я бы не разрешил посторонним подходить к его лекарствам.

— Все вы сошли с ума,— резко сказала Мэрилин.— Я не верю, что это тело Поля. Я не верю, чтобы Даунтри были способны на убийство, да и вообще они не способны сами сделать ничего — после них кто-нибудь обязательно должен все подчистить. По вашему убеждению, все сводится к наследованию поместья, а отсюда и «cui bono».

Она произнесла латынь правильно, смутив Галлета и обрадовав Фицджеральда. Затем Мэрилин встала и попрощалась.

Галлет глядел на дверь, через которую вышла Мэрилин.

— Хорошая женщина. Очень умная. Странно, что она упустила главный пункт.

Молчание подтвердило, что Фицджеральд тоже упустил главный пункт, и Галлет продолжал:

— Конечно, она могла упустить его, но в этом случае мы должны были бы считать ее невиновной, а мы пока еще не можем себе этого позволить. Правда ведь?

Он наслаждался растерянностью Фицджеральда.

— Или она притворялась. Надо полагать, что такая ловкая женщина сумеет избежать любой западни. Если подозрение в убийстве Поля падет на Даунтри и их осудят, они никакой выгоды от преступления не получат. Тогда к кому же перейдет все имущество?

— Я не верю, чтобы это убийство совершила женщина, не поверят и присяжные заседатели.

— В нашу эру женской эмансипации все, что мы можем сделать, женщины могут сделать еще лучше. Хотя в этом случае вы, вероятно, правы.

— Значит, ее надо исключить.

— Ни в коем случае. — Галлет напоминал сейчас человека, победоносно завершающего игру в крестики и нолики.— Просто надо выяснить, есть ли у нее любовник!

Фицджеральд вздохнул. Нет, этого мерзавца не переплюнешь.

Перевел с английского О. ОРЕСТОВ.

Продолжение следует.

К 60-ЛЕТИЮ НАРОДНОГО АРТИСТА СССР А. А. ПОПОВА

МАСШТАБЫ АКТЕРА ДРАМАТИЧЕСКОГО

Вспомним сначала истинный смысл этого слова: драматический. Оно означает: потрясающий. И тогда согласимся, что мало кто умеет в наше время оставаться таким актером в искусстве сцены, каким и следует быть согласно предназначению, а именно — актером драматическим.

Вот этот-то наиглавнейший завет искусства, осуществляемый всей жизнью художника столь полно и всеобъемлюще, и делает событием незабываемым каждую нашу зрительскую встречу с народным артистом СССР Андреем Алексеевичем Поповым, где бы она ни происходила: на сцене ли театра или на экране кино.

Прикосновение этого актера к образу никогда не остается пустым, нерезультативным; подобно вольтовой дуге оно вызывает вспышку живых и ярких представлений, эмоций... Но в этом, пожалуй, еще нет чуда, это закон сценического существования. Чудо — в глубинном постижении, неповторимости создаваемых актером характеров. Есть роли, которые, думается, после Попова сыграть второй раз вообще нельзя. В них могучим художником исчерпаны не просто все психологические аспекты и все внутренние «запасы» самого человека, которого нам показывает Попов. Нет, мы видим в них нечто гораздо большее. Мы видим еще и самую жизнь, самый способ существования, выпавший на долю этого человека. И это как раз она, жизнь, сложнейше вылепила такой именно облик, сформировала такой нрав и характер, определила диалектику души, а значит, и манеру поведения всех героев А. А. Попова. Их множество. И все они принадлежат истории театра, науке сцены, искусству режиссуры как создания целостного и в то же время многопланового, содержательного образа... Я позволю себе напомнить лишь некоторые роли, поднятые мыслью и всем существом артиста на такую именно высоту свершения. И прежде всего назову красавца и умницу, каким был Яго в фильме «Отелло»,— фигура, равно в той же мере трагическая, как и заглавный герой, уничтожаемый Яго тайным орудием клеветы... Дуэт Попова и Бондарчука показывал эпоху, ломавшую человека своей бесчеловечностью.

Совершенно иные краски — при той же масштабности, огромности, силе трагизма создаваемого образа — нашел А. А. Попов, играя царя Ивана Грозного на сцене Центрального театра Советской Армии. Весь облик изможденного, зловещего героя — совершенно иной, даже сама фигура артиста изменилась до полной неузнаваемости. Подобный сказочному Кащею — черный, длинный, худой,— Грозный Попова до последнего издыхания борется за власть; и это все еще исполин. Уже и мертвый, он все еще страшен, грозен своей неистовой злобой, подозрительностью, завистью к тем, кто остается жить...

И, наконец, недавний совсем Лебедев в чеховском «Иванове» на сцене МХАТа имени Горького. Вроде бы этот располневший и добродушный приятель Иванова, обыватель, подчинившийся целиком настырной своей Зюзюшке, хищнице-жене, вполне благополучен. Но сколько же неизбывной, душевной беды, тоски, боли, бессильного отчаяния и трагизма в этом Лебедеве! И какое исчерпывающее объяснение нравственному крушению Иванова! Да и всему уродливому, что происходит в той жизни, какую обличает Чехов...

Ничего мне больше не остается, как повторить: встреча с А. А. Поповым всегда праздник.

Н. ТОЛЧЕНОВА

Фото И. Александрова

КОНЦЕРТ СТАЛ СОБЫТИЕМ

Недавно в Зале имени Чайковского состоялся концерт Академического симфонического оркестра Московской государственной филармонии под управлением Дмитрия Китаенко. Дирижер включил в программу музыку Скрябина, Глинки, Чайковского. Думается, для слушателей этот концерт стал интереснейшим музыкальным событием: в нем солировала талантливая японская пианистка Хироко Накамура.

...Раздались вступительные аккорды Первого концерта для фортепиано с оркестром Чайковского, мощные, динамичные звуки наполнили зал... Хотя Хироко Накамура трактует партию фортепьяно по-своему, раскрывая прежде всего гуманизм, светлый лиризм мелодики автора, тем не менее манера ее исполнения близка русской традиции, школе. В игре молодой пианистки ощущается истинно русская душевная щедрость, широта, мягкая проникновенность и бурный темперамент.

Японская пианистка надолго запомнилась москвичам. И тому немало способствовал, конечно, оркестр, тонко почувствовавший своеобразие таланта солистки. Кстати, и сама Хироко Накамура в беседе с журналистами отметила мастерство заслуженного артиста РСФСР Д. Китаенко и выразила глубокую благодарность оркестрантам, а также всем советским слушателям, очень тепло и радушно принимавшим гостью.

Фото Л. Шерстенникова

ЧЕТЫРЕ РАССКАЗА

Ярослав ГАШЕК

Автор «Похождений бравого солдата Швейка» о братьях наших меньших

Для некоторых читателей, вероятно, будет новостью узнать, что Ярослав Гашек очень много занимался весьма актуальной в наши дни проблемой — взаимоотношениями человека и природы, в частности человека и животных.

В литературном наследии Гашека можно найти и серьезные пропагандистские статьи о бережном, гуманном отношении к нашим меньшим братьям, и веселые юморески о проказах этих меньших братьев, и окрашенные горечью повести о бездомных, всеми гонимых псах, в участи которых он персонифицировал собственную судьбу писателя, отвергнутого буржуазным обществом.

Иногда же Гашек давал простор своей буйной фантазии и публиковал озорные мистификации о не существующих в природе редких экземплярах животного мира (якобы обнаруженных где-то «в дебрях Африки») вроде «слона-малютки», обитающего исключительно в болотах, или особого вида обезьян «со светящимися по ночам глазами».

При этом он настолько подробно описывал своих придуманных персонажей, ссылаясь на авторитет научных светил, что люди верили в них и требовали новых и новых сведений об этих «находках века».

Такой же характер носили и его «информации» о чудесах, творимых дрессированными зверями. Например, о носороге, который умел топить печь, жарить яичницу, любил играть на фортепьяно вальсы, мог исполнить на скрипке и рапсодию Листа. И все это подавалось опять-таки со ссылкой на какого-нибудь известного дрессировщика и определенный город, где он выступает.

И, наконец, в гашековской «зооэнциклопедии» есть и еще одна группа произведений — сатирические и юмористические микроновеллы, в которых образы животных играют лишь подсобную роль, помогая или острее выявить и осмеять пороки различных слоев буржуазного общества, или же просто усилить комизм ситуации.

К ним относятся и публикуемые нами маленькие рассказы. Они были напечатаны Гашеком в журнале «Свет звиржат» («Мир животных»), который он некоторое время (1909—1910 гг.) редактировал.

На русский язык переводятся впервые.

С. ВОСТОКОВА

О разумном песике, который откликался на две клички

Недавно на судебном заседании одного из сельских судов в Чехии присутствующие познакомились с поучительным примером, как можно научить пса откликаться на несколько кличек.

Стрелочник местной железнодорожной станции имел зуб против жандармского вахмистра, человека весьма свирепого нрава, и однажды, крупно с ним поссорившись, он неожиданно крикнул, повернув голову к своей будке: «Куш, Вахмистр!»

Это было, бесспорно, оскорблением официального лица при исполнении служебных обязанностей, и... убогого стрелочника притянули к суду.

Защищаясь на суде, он показал, что у него есть пес, который именуется Вахмистр. Вот он ему и кричал «Куш!». Стрелочник божился, что может это доказать. Его пес ждет перед входом. Пусть пан судья прикажет его впустить.

Судья, человек весьма рассудительный, согласился.

— Вахмистр! Иди сюда! — позвал он появившегося пса.

Пес радостно завилял хвостом и быстро подбежал к судье.

Поскольку невиновность стрелочника была доказана, его с миром отпустили домой.

Но прошло немного времени, и беспокойный стрелочник снова предстал перед судом. На этот раз жалобщиком был ксендз местного костела Шорейс. Он обвинял стрелочника в оскорблении своей священной особы, так как во время одного назидательного разговора с обвиняемым тот вдруг дерзко воскликнул: «Ну и болван же ты, Шорейс!»

Стрелочник, как и в первом случае, уверял, что его пес откликается и на кличку Шорейс и что он в тот раз обругал своего глупого пса.

Снова судья разрешил провести очную ставку и громко позвал вбежавшего пса:

— Шорейс, ко мне!

И снова разумный песик, ласково виляя хвостом, дружески прижался к ногам судьи.

Пришлось и на этот раз отпустить стрелочника без наказания. Но, оглашая приговор, судья все-таки предостерег неугомонного дрессировщика собак:

— Только не вздумайте научить вашего пса откликаться на кличку Ян. Это вам дорого обойдется!

Оказывается, так звали пана судью.

Отвага

Очаровательная дрессировщица выступала в цирке с группой львов. Однажды она продемонстрировала сцену, заставившую замереть сердца зрителей: лев брал сахар прямо из ее рта.

— А я бы тоже сумел! — воскликнул один из зрителей.

— Дорогой друг, что-то вы не выглядите столь отважным, — заметила дрессировщица.

— Ерунда! — раздалось в ответ. — Держу пари, что я проделаю это ничуть не хуже вашего льва!

Последний петух

Однажды набожный дервиш Омар бен Саид забрел в дом Хасана Ага Махмуда и задержался у него. Хозяин всячески ублажал гостя едой и питьем.

Когда прошла неделя, жена Хасана Аги сказала своему мужу:

— О господин мой, не пора ли уж нам избавиться от дервиша? Он ест за троих и скоро выест нам весь дом.

— Это невозможно, — горестно ответил Хасан Ага. — Выгнать из дома набожного паломника — такой грех аллах нам никогда не простит.

Когда истекла и вторая неделя, жена Хасана снова обратилась к своему мужу:

— Господин мой, теперь-то уж дервиш должен от нас уйти: ведь нам скоро и самим есть будет нечего.

На этот раз пришлось Хасану решиться. Смиренно подступил он к Омару бен Саиду, который сидел в саду на траве и любовался ясными звездами вечернего неба.

Игорь КОНСТАНТИНОВ

В ЗАПОВЕДНОМ ЛЕСУ

Яркое весеннее солнце заставило зазвенеть ручьи. Лес меняется с каждым днем. Там, где вчера лежал снег, сегодня ковер голубой печеночницы. В березовой роще еще совсем недавно было тихо, а сейчас она гремит от разноголосого хора птиц. На оттаявшей земле небольшие когтистые следы — барсук из норы вышел. Его тоже весна разбудила. На глухариных токах начали собираться могучие бородачи. Не во всяком лесу можно их сейчас найти. Не много этих птиц осталось в наших лесах: они нелюдимы, им подавай глухомань да покой. Но есть недалеко от Москвы, в Нелидовском районе, Калининской области, такое место, где глухарь обычен. И зовется этот уголок Центрально-лесным заповедником.

Весенняя ночь недолга. Под утро погасли звезды и совсем почернело. Потом быстро развиднелось. Мы остановились и начали слушать лес. Он спал. Никто не нарушал его покой. А ведь где-то рядом сидели на деревьях глухари, ждали рассвета.

И вдруг откуда-то сверху, из чащобы донеслось цоканье. Через мгновение оно превратилось в негромкую короткую песню, похожую на шипящее бормотание. Глухарь начал токовать. И понеслось. Запел еще один петух, ему ответил другой, третий. Шесть глухарей на току. Такая редность!

Под песню можно легко подойти к утренним солистам. Ведь во время исполнения певец глух. Вероятно, за это и назвали этих птиц глухарями.

Солнце поднималось все выше и выше. Голосов в лесу прибавлялось. Запели дрозды. Понеслась дробь дятла. На макушке ели

— Высокочтимый отец,— начал Хасан,— прими тысячи и тысячи благодарностей за то, что ты почтил мой дом своим присутствием. Однако волею аллаха тебе придется теперь покинуть наше жилище, потому что последний баран и последние финики съедены.

Сын аллаха кивнул и набожно ответил:

— Да сотворится воля аллаха! Завтра утром разбуди меня пораньше, и я продолжу свое святое паломничество.

Утром, как только скрылись на небе звезды, Хасан Ага разбудил Омара бен Саида:

— Проснись, божий человек! Да благословит аллах твой путь. Пора! Уже и петух прокричал.

— Как так, у тебя еще петух есть!— удовлетворенно воскликнул дервиш и повернулся на другой бок, чтобы спокойно продолжать свой святой сон.

Святые

Молодой Али Бали отправился в далекий путь... Посреди голой пустыни его застигла ночь. Вдруг он увидел вдалеке какое-то возвышение. Приблизившись, Али Бали понял, что это была гробница некоего святого. Он попросил сторожившего гробницу старика приютить и покормить его.

Утром юноша хотел продолжить свой путь. Но Мезерех Хаджи (так звали старика) стал просить его остаться, говоря, что он уже стар и немощен и что Али Бали мог бы помогать ему собирать дары, которые приносят верующие, приходящие поклониться святой гробнице.

Однако Али Бали был послушным сыном и хорошо знал, что коран приказывает во всех важных случаях жизни советоваться с родителями. Поэтому он ответил старику, что должен сначала съездить домой за родительским благословением и тотчас же вернется обратно.

Тогда старец Мезерех Хаджи дал ему своего осла и просил возвратиться как можно скорее.

Али Бали тронулся в путь. Но на середине пути осел вдруг упал и тут же отдал душу аллаху. Али Бали горевал недолго. Он закопал осла в землю, обложил могилу камнями, соорудив подобие гробницы. Затем он побелил свое строение и водрузил на его верхушке полумесяц. Когда мимо проезжали или проходили путники, Али Бали громко провозглашал, что в этой гробнице покоятся останки святого Нэми Кораха.

Предприятие его процветало: верующие так и льнули к гробнице нового святого. А когда некий паломник, протрезвившись за ночь, проведенную возле гробницы, оказался наутро здоровым, ее слава разнеслась далеко-широко во все стороны.

Это была опасная конкуренция для Мезереха Хаджи, сторожившего старую гробницу, у которой не так давно нашел приют и Али Бали. Когда верующие совсем перестали к нему ходить, старец сам пришел поклониться новому святому Нэми Кораху.

Как только верующие, обступившие гробницу, разошлись, старик спросил своего молодого конкурента:

— Во имя бороды пророка скажи мне, милый сын, правду: кому принадлежат покоящиеся в этой гробнице останки?

Али Бали поклонился набожному старцу и произнес:

— Тебе, мудрый старец, я поведаю всю правду. Кости, покоящиеся здесь, в земле, принадлежат твоему ослу, который сдох у меня в пути.

— Милый сын!— ответствовал ему, явно обрадованный, старый Хаджи.— И я скажу тебе всю правду: мой святой был отцом твоего святого... Он также сдох у меня в пути.

Перевела с чешского
С. ВОСТОКОВА.

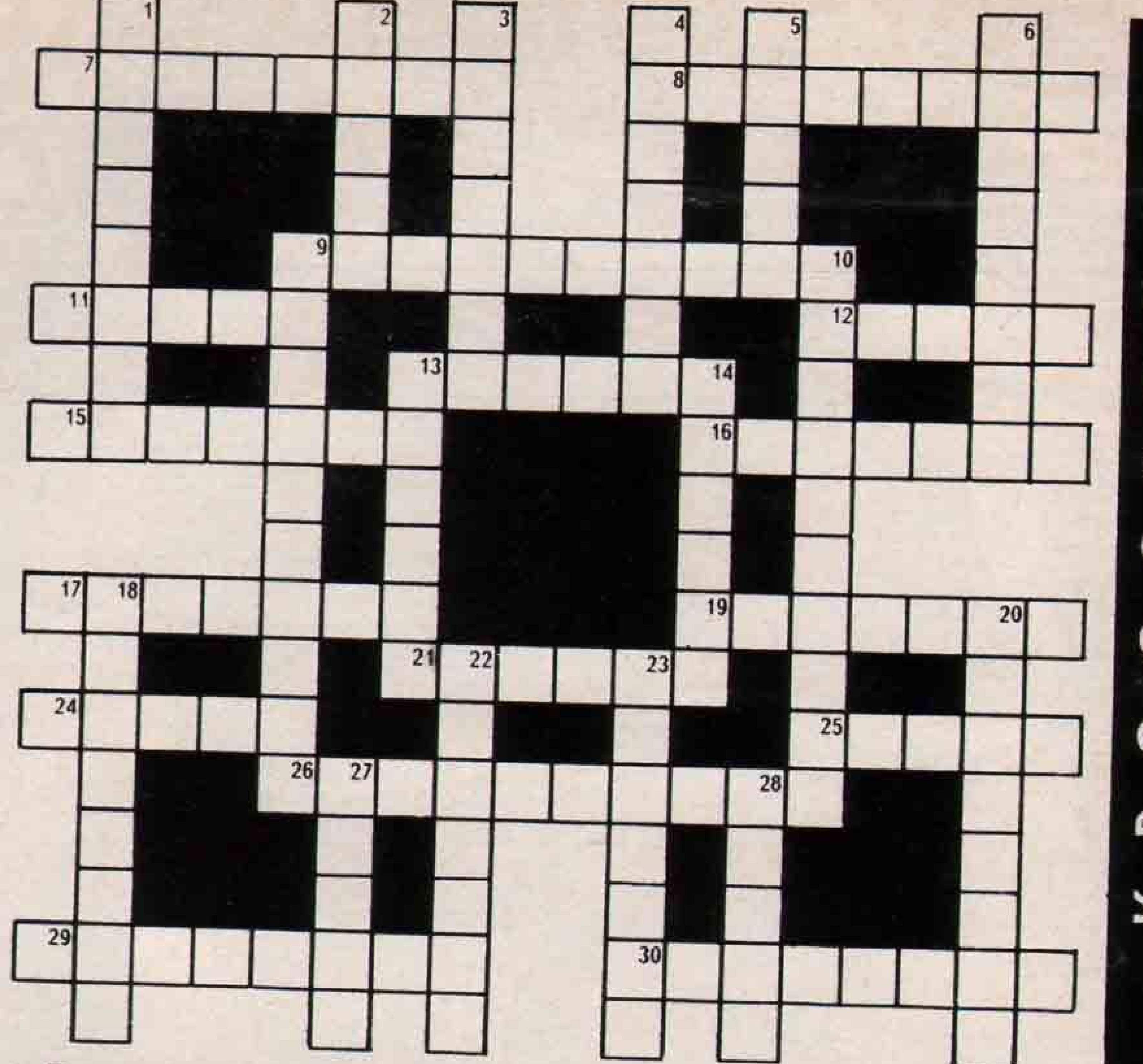
выводил трели зяблик. Из осинника неслось теньканье синиц. Где-то вдали вещала кому-то долгие годы кукушка.

Хор птиц заглушил сольное пение глухарей. Ток до завтрашнего рассвета закончился.

Мы отправились домой. Под ногами хлюпает вода. Высоко в небе проплывают стаи птиц. С соседнего болота донеслись журавлиные крики. Мимо нас со свистом промчались франты селезни. Через дорогу неторопливо шел медведь. Он останавливался, что-то нюхал в лужах. Мы замерли: честно говоря, о такой встрече не мечтали. Но, оказывается, Центрально-лесной заповедник богат этим зверем. Ученые считают, что на территории заповедника численность медведей наибольшая по отношению к другим районам европейской части страны.

И снова хлюпает под ногами вода, скрипят ветки. Мы идем полянами, рощами, борами. Идем заповедным лесом. Слушаем и любуемся весной.

КРОССВОРД



По горизонтали: 7. Собрание звукозаписей. 8. Норвежский полярный путешественник и исследователь. 9. Курорт в Краснодарском крае. 11. Оптическое стекло. 12. Ряд изделий, изготовленных по одному стандарту. 13. Плодовое дерево. 15. Высокий женский голос. 16. Соединение нескольких разнотипных машин в одно целое. 17. Сценическая площадка. 19. Край дороги. 21. Самая яркая звезда на небе. 24. Один оборот спирали. 25. Рыба семейства сельдевых. 26. Вид вооружения войск. 29. Действующее лицо оперы М. И. Глинки «Иван Сусанин». 30. Разновидность овсяной крупы.

По вертикали: 1. Стихотворение М. Ю. Лермонтова. 2. Время года. 3. Большая промысловая лодка на Камчатке. 4. Бактерийный препарат. 5. Часть ударного механизма огнестрельного оружия. 6. Чертежная линейка. 9. Порт в Марокко. 10. Наука о строении и развитии небесных тел и Вселенной. 13. Прибор, указывающий направление географического или магнитного меридиана. 14. Остров в Эгейском море. 18. Рыболовная спортивная снасть. 20. Футляр с дорожными принадлежностями. 22. Начальная буква имени, отчества, фамилии. 23. Горный хребет на Южном Урале. 27. Химический элемент. 28. Река в Московской области.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 16

По горизонтали: 3. Пятницкий. 8. Каватина. 9. «Прогресс». 11. Верстак. 13. Мериме. 14. Роевня. 15. Гага. 16. Кряж. 17. Чемпионат. 18. Трак. 21. Тома. 23. Огурец. 24. Цемент. 25. Арекипа. 28. Миниметр. 29. Репортаж. 30. Мандолина.

По вертикали: 1. «Чтение». 2. Скирда. 4. Пантера. 5. Сардина. 6. Гротеск. 7. Испания. 10. «Псковитянка». 11. Ветреница. 12. «Красавица». 19. Рагозин. 20. Куросио. 21. Темпера. 22. Минерал. 26. Ретина. 27. Премия.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Делегаты XVIII съезда ВЛКСМ: бурильщик из Тюменской области Николай Личушин, бригадир штукатуров-маляров с БАМа Инна Гусева, председатель колхоза «Буревестник», Владимирской области, Владимир Макаров, бригадир комплексной бригады «Атоммаша» Георгий Фоменко — о них рассказывается в материалах нашего журнала.

Фото Ю. Лушина, В. Кузнецова, Б. Кузьмина, А. Гостева

НА ЧЕТВЕРТОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Обходит свои владения лесник Анатолий Тимофеевич Журавлев. * Бобер. * Глухарь. * Лосенок. * Журавль. * Сотрудник заповедника Светлана Ивановна Пажетнова.

Фото Игоря Константинова (Москва. На фотоконкурс.)
(См. в номере материал «В заповедном лесу».)

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ, Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 214-33-70; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 212-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-32-45.

Сдано в набор 3/IV — 1978 г. А 01149. Подп. к печати 18/IV — 1978 г. Формат 70×108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 794. Тираж 2 050 000 экз. Заказ № 2052.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

ПОСЛЕ ЗЕМ

И. ГАВРИЛОВ,
специальный корреспондент «Огонька»
Фото автора

Страшный гул, исходящий из-под земли, разбудил тихую южную ночь. Судорога побежала по горам, оставляя после себя трещины, сбрасывая с вершин снежные лавины. Сопровождаемые грохотом камнепадов, они многотонными белыми языками с гулом устремились вниз, все слизывая на своем пути. Иссык-Куль взгорбил огромные черные волны и стал швырять их на дрожащие берега.

Приборы сейсмической станции «Фрунзе» зарегистрировали в этот момент землетрясение силой 8 баллов с эпицентром, находящимся в двадцати пяти километрах от села Тюп.

Было 0 часов 06 минут, все спокойно спали, и вдруг...

— От первого же толчка,— рассказывает один из очевидцев,— все проснулись: дом скрипел, со звоном билась посуда, вылетали окна, трещала падающая мебель. Как выскочили на улицу, уже и не помню.

К счастью, ни один дом не обрушился, и поэтому человеческих жертв не было. Лишь пятеро получили травмы — им немедленно была оказана медицинская помощь.

Рано утром начались мероприятия по ликвидации последствий землетрясения. Жителям аварийных домов были розданы палатки, многие семьи размещены в самодельных палатках-шалашах, изготовленных из кошмы, ковров и одеял. Через день после землетрясения в районе бедствия было разбито 1980 палаток, и они продолжали поступать со всех концов Киргизии и из других республик.

Вопреки разбушевавшейся стихии, причинившей населению и хозяйствам Иссык-Кульской области ущерб, и благодаря безотлагательной помощи партии и правительства жизнь быстро вошла в привычную деловую колею. Колхозы и совхозы в три дня провели сев, без опоздания начались занятия в школах, как обычно, каждое утро отары овец выходили на пастбища; вот только коровы немножко перенервничали: в утро после землетрясения недодали молока, но уже к вечеру они успокоились.

На улицах поселков, на животноводческих фермах, полевых станах можно было видеть автомагазины, доставлявшие пострадавшим предметы первой необходимости: посуду, одежду, продукты, хозяйственные товары. Пройдет немного времени, и этот житейский инвентарь займет свое обычное место в новых домах, которые уже начинают подрастать на фоне зеленеющих склонов в лучах теплого южного солнца.

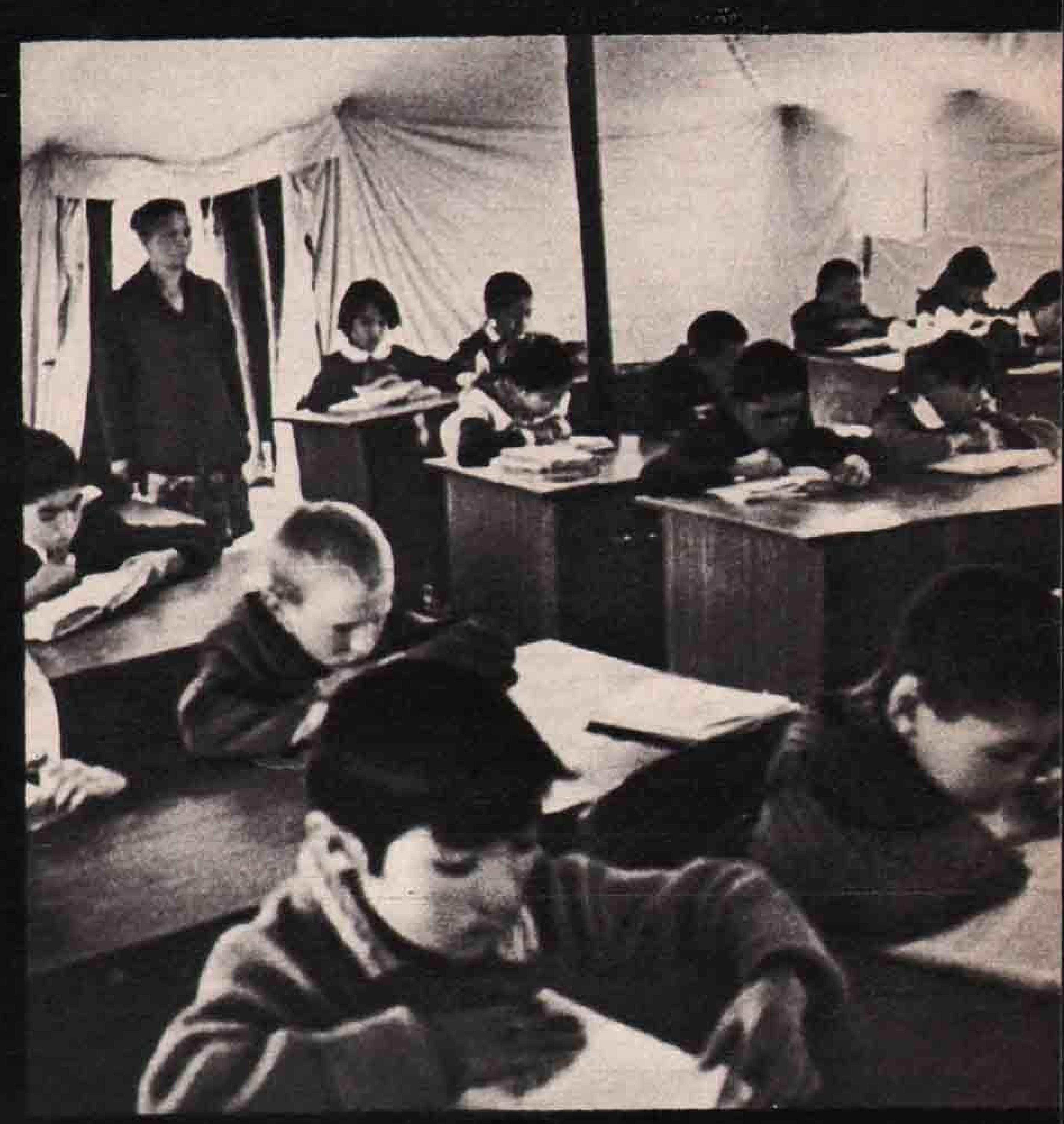
Не все дома выдержали толчок.

Первая песня.

Для каждого класса — своя палатка.

Автолавка приехала.

Растет новый дом.



У школьников свои заботы.

ЛЕТРЯСЕНИЯ

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663